ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

АЛЬМАНАХ

ОДЕССКИЙ

31

ОДЕССА, 2007

ББК 84(4Укр-4Оде-2Од)63-47я430+63.3,014(4Укр-4Оде-2Од)63я430
Д 362
УДК 821.161.2'06=161.1(477.74-21)-92(082.1)+908(477.74-21)(09)"452.2"

Д 362 Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах (сб.) / кн. 31 Всемирн. клуб одесситов: Сост.: Ф.Д. Кохрихт, Е.М. Голубовский, О.И. Губарь. — Одесса: "Печатный дом", 2007. — 320 с.

ISBN 966-8099-99-0

Д $\frac{4702640204}{2004}$ $\frac{0503020902}{2004}$

Редактор Феликс Кохрихт
Редколлегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора)
Олег Губарь

Редакционный совет:
Виталий Амурский (Париж), Андрей Добролюбский, Игорь Коваль, Татьяна Липтуга, Игорь Померанцев (Прага), Аркадий Львов (Нью-Йорк), Александр Мардань, Юрий Стоянов (Санкт-Петербург), Михаил Рашковецкий, Нелли Харченко (Берлин), Кармелла Цепколенко.
Фото:
Вячеслав Теняков, Иван Череватенко, Олег Владимирский.

Editor Felix Kokhrikht
Editorial board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor)
Oleg Gubar

Editorial council:
Vitaliy Amoursky (Paris), Andrey Dobrolyubskiy, Igor Koval, Tatyana Liptuga, Igor Pomerantsev (Prague), Arkadiy Lvov (New York), Alexander Mardan, Yuriy Stoyanov (St. Petersburg), Mikhail Rashkovetsky, Nelly Kharchenko (Berlin), Karmella Tsepkolenko.
Photos by:
Viacheslav Teniakov, Ivan Cherevatenko, Oleg Vladimirskiy

ISBN 966-8099-99-0
© Авторство художественных текстов, 2007

От редакции

Завершился 2007 год. В последние его месяцы мы получили если не подарки, то свидетельства того, что справедливость и здравый смысл торжествуют, хотя и не всегда.

Два произведения пластического искусства заняли места, где им и подобает стоять.

Памятник Основателям Одессы возродился на Екатерининской площади, а замещавшая его скульптурная группа участников восстания на броненосце "Потемкин" переместилась на Таможенную площадь, с которой и связаны соответствующие события.

Мы были на площади в тот вечер, когда императрица Екатерина в окружении своих соратников предстала перед одесситами благодаря дальновидной щедрости мецената, принципиальности городских властей, знаниям краеведов и искусствоведов, мастерству архитекторов, скульпторов и строителей.

Фотохудожник Иван Череватенко сделал снимки церемонии открытия памятника, которые наши потомки с будут рассматривать с тем же интересом и волнением, с каким мы сегодня – старые одесские открытки. Одна из его фотографий – на обложке этого номера.

Мы скромно, но в удивительно теплой обстановке отметили во Всемирном клубе одесситов выход тридцатого номера альманаха. Нас приветствовали редакторы дружественных журналов Ирина Барметова ("Октябрь", Москва) и Валерий Хаит ("Фонтан", Одесса), авторы и читатели. Одним из свидетельств нашего присутствия в мировой системе периодических изданий стала бандероль из Киля, что на севере Германии. В ней – несколько экземпляров литературного журнала "Wiecker Bote", который выпускают преподаватели и студенты Института славистики тамошнего университета. Очередной номер они посвятили творчеству современных одесских писателей и поэтов, произведения которых почерпнули в нашем альманахе.

Профессор Михаэль Дюринг – инициатор этой идеи и автор предисловия к сборнику – пишет о феномене Одессы, которую называет кусочком Парижа, о создателях оригинальной и плодотворной литературной школы – Бабеле, Олеше, Катаеве и о нашем альманахе "Deribasovskaja – Rischelewskaja", в котором видит продолжателя и собирателя одесских традиций.

В свою очередь, мы готовы предоставить на наших страницах место переводам стихов и прозы молодых литераторов славного ганзейского города. Будем дружить портами, университетами и альманахами.

И в завершение – о событии, которое в 2007 году стало самым ярким в жизни одесситов, независимо от их взглядов на историю с географией и музыкальных пристрастий. Об открытии Театра оперы и балета после долголетнего и многотрудного ремонта. И в канун календарного Нового года, и под Старый Новый год последуйте примеру Александра Пушкина, завсегдатая одесского театра! Отправляйтесь туда всей семьей – кто в ложу, кто на галерку. В нашем оперном отличная акустика, и отовсюду хорошо видна сцена. Тем более что здесь – после долгого перерыва – вновь дают столь любимую Поэтом "Женитьбу Фигаро"!

Сергей РЕШЕТОВ, Лариса ИЖИК

Городской голова Одессы Г.Г. Маразли (1831-1907) и его родственное окружение

Г.Г. Маразли в маскарадном костюме

В истории Одессы не было более известного городского головы, чем Григорий Григорьевич Маразли. Его популярность как крупнейшего в городе миллионера могла соперничать только с его щедрой благотворительностью. Особенно это касалось беднейшей части населения, для которой на его средства было построено большое количество ночлежных приютов, богаделен, дешевых столовых, народных школ. Тем не менее, о его родственном окружении до недавнего времени было почти ничего не известно[1]. В данной статье предпринята попытка восстановить этот пробел.

Его отец Григорий Иванович Маразли (ок. 1770/80-1853)[2], был греком, уроженцем города Филиппополя в Османской империи (сейчас это болгарский город Пловдив). Он вел торговые дела в Херсоне и Таганроге, а в 1803 г. поселился в Одессе, тогда еще совсем юном городе. Занятие хлебным экспортом доставило ему большое состояние, которое, будучи приумножено его сыном, составило материальную базу широких пожертвований последнего. Впоследствии Г.И. Маразли получил звание почетного гражданина[3] .

Здесь стоит отметить, что попытка возвести род Маразли в дворянское достоинство была предпринята еще в мае 1848 г., когда князь М.С. Воронцов направил на имя министра юстиции графа Виктора Никитича Панина отношение "о дворянском достоинстве почетного гражданина Григория Маразли". 7 августа того же года граф Панин отвечал князю Воронцову: "...я нахожу, что они [документы] не удовлетворяют требованиям в 75 ст. т. IX Св. законов (изд. 1842 г.) изъясненным, ибо оными не

доказывается, чтобы он или предки его приобрели в российской службе чины и ордена, сообщающие дворянское достоинство"4 . Надо полагать, что князь Воронцов обратился с подобным ходатайством, желая оказать расположение своему любимцу С.В. Сафонову, женатому на дочери вышеупомянутого потомственного почетного гражданина Григория Маразли старшего.

От брака Григория Ивановича с дочерью купца 1-й гильдии Зоей (Зойтцей) Федоровной Феодориди (1793-1869, Париж, кладбище Монмартр)[5] было трое детей: сын Ираклий (Перикл) (род. и ум. в 1819 г. в возрасте 4 месяцев)[6], дочь Евридика (1820[7] — 1867, Париж, кладбище Монмартр) и сын Григорий, будущий городской голова (род. 25 июля 1831)[8]. Возможно, это был второй брак Григория Ивановича, так как в 1821 г. мы встречаем в качестве восприемницы при крещении дочери одесского купца Афродиты Иоанновны Белой в греческой Свято-Троицкой церкви в Одессе Фотину Григорьевну Маразли, обозначенную в метрике также как дочь одесского купца[9]. Учитывая большую разницу в возрасте Григория Ивановича и Зои Федоровны, это вполне возможно. Других сведений о Ф.Г. Маразли пока не найдено.

Первоначальное образование Григорий Григорьевич Маразли получил в частном одесском пансионе, потом — в Ришельевском лицее (на юридическом отделении), старейшем учебном заведении Одессы, носившем имя знаменитого одесского градоначальника герцога Армана-Эммануэля дю Плесси де Ришелье. По окончании лицея в 1850 г. он был определен чиновником в штат канцелярии Наместника кавказского (князя М.С. Воронцова) в чине губернского секретаря, где и прослужил несколько лет. В 1851 г. назначен чиновником по штату канцелярии в IX классе без жалованья, в 1852 г. получил чин коллежского секретаря, в 1853 г. — чиновник VIII класса без жалованья, затем — титулярный советник, в 1856 г. — коллежский асессор, в 1858 г. согласно прошения уволен в чине надворного советника. С 1858 по 1863 гг. был в отставке с награждением чином. В 1863 г. приказом по канцелярии Кавказского наместника определен в эту канцелярию чиновником для особых поручений VI класса сверх штата с причислением к собственной его императорского величества канцелярии, с 1864 г. — коллежский советник, в 1866 г. уволен по домашним обстоятельствам, в том же году приказом по министерству внутренних дел определен в министерство с откомандированием в распоряжение Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, в 1868 г. статский советник, в 1869 г. избран в почетные мировые судьи Ясского судебного округа.[10]

После службы в канцелярии Наместника кавказского он некоторое время проживал в Париже. Г.Г. Маразли возвратился в Одессу и всецело посвятил себя городской общественной деятельности: сначала он был гласным Думы, с 1873 г. — членом Городской управы. В отсутствие городского головы в 1871-1872, 1873 и 1875 гг. исправлял его должность, в 1878 г. был избран городским головой и прослужил городу в этой должности до 1895 г.

С 1879 г. Маразли состоял в звании камергера. За время управления его городом произошли следующие события: открытие первой линии конки в Одессе (1881), закладка и сооружение здания Городского театра и Павловского здания дешевых квартир (на средства, пожертвованные П.З. Ямчитским), открытие школы садоводства на его собственной даче (где на его средства было построено два двухэтажных здания с домовой церковью в одном из них и одно одноэтажное), новый ночлежный приют и две столовые (для строительства которых Маразли внес 30 тыс. рублей); открыт памятник А.С. Пушкину и памятник-колонна императору Александру II, сооружен комплекс лечебного заведения на Куяльницком лимане (где на средства Маразли был построен барак для бедных больных), здание приюта отбывшим наказание, открыт приют для подкидышей, психиатрическое отделение городской больницы, линия парового трамвая на Хаджибейский лиман. На его средства было построено: здание первой в России бактериологической станции, городская народная аудитория, городская бесплатная народная читальня с народным училищем, несколько богаделен, дешевых столовых, приютов, народных училищ в городе и предместье. Им было приобретено одно из самых красивых зданий в Одессе на Софиевской улице и подарено городу для размещения музея изящных искусств (сейчас здесь Одесский художественный музей). По его инициативе было положено начало Александровскому парку во время посещения Одессы императором Александром II. В воздаяние заслуг Г.Г. Маразли еще при жизни его именем была названа одна из улиц, примыкающих к этому парку. В память покойных родителей им был построен храм при второй женской гимназии в честь святителя Григория Богослова и святой мученицы Зои (1896)[11].

Необходимо отметить, что благотворительность Маразли распространялась не только на Россию: большие пожертвования были сделаны им различным учреждениям Греции.

Г.Г. Маразли внес большой вклад в развитие городской библиотеки. В течение первого полувека существования городская публичная библио-

тека не имела своего помещения и неоднократно переезжала в снимаемые для нее частные дома. В 1882 г. Григорий Григорьевич предложил построить на свои средства дом, в котором разместился бы музей Одесского общества истории и древностей и городская публичная библиотека. Для этого им было пожертвовано 30 тысяч рублей. Строительство потребовало больше средств, чем предполагалось. Недостающая сумма была выделена городской Думой (18 тысяч рублей). Тем не менее, желая отметить вклад Г.Г. Маразли, Дума приняла решение: на фронтоне построенного здания сделать надпись: "Одесская городская публичная библиотека. Здание сооружено на пожертвование Г.Г. Маразли" и поставить его портрет в читальном зале. Однако решение было выполнено только по второму пункту[12]. И в дальнейшем городской голова продолжал оказывать внимание библиотеке. В 1892 г. на его средства было возведено трехэтажное здание книгохранилища[13], а в 1891 г. — куплена театральная библиотека (около 3000 пьес) одесского собирателя Д.В. Ширяева, "заключавшая почти всю драматическую литературу с конца XVIII и начала XIX в."[14]. После смерти Маразли его личная библиотека была принесена в дар городской публичной библиотеке его племянником А.С. Сафоновым — около 10000 томов, в основном, иностранных изданий второй половины XIX века.[15] Представление о составе этой библиотеки дает выпущенный еще при жизни собирателя каталог (1897 г.), и дополнение к нему (1901 г.).[16]

Многие из книг имеют его книжные знаки: суперэкслибрисы, владельческие записи.

В июле 1863 г. Григорий Григорьевич Маразли подал в Бессарабское дворянское депутатское собрание прошение о причислении его к бессарабскому дворянству (в деле, хранящемся в Национальном архиве Республики Молдовы указано, что сам он в это время уже был потомственным дворянином Херсонской губернии (как и его отец!), что не находит подтверждения, согласно документов, хранящихся в РГИА). В декабре того же года Бессарабское ДДС вынесло определение о причислении Григория Григорьевича к местному дворянству, но это решение не было приведено в исполнение, так как проситель забрал свое прошение и документы назад.[17]

После пожалования Г.Г. Маразли чина действительного статского советника, последовавшего 1 февраля 1874 г., через год, 3 февраля 1875 г., он обратился с прошением на имя предводителя дворянства Одесского уезда Херсонской губернии И.И. Куриса, в котором просил последнего ходатайст-

вовать о внесении его в число дворян Херсонской губернии.[18] И.И. Курис 7 февраля обратился в Херсонское дворянское депутатское собрание с просьбой об утверждении Г.Г. Маразли в потомственном дворянстве Херсонской губернии на основании пожалованного ему чина. В рапорте Херсонского дворянского депутатского собрания от 29 марта 1875 г. сообщалось, что оно признало действительного статского советника Г.Г. Маразли по настоящему его чину в потомственном дворянском достоинстве и внесло в 3-ю часть дворянской родословной книги, о чем и доносит Правительствующему сенату по Департаменту герольдии. Определением Правительствующего сената 12 мая 1875 г. это решение было утверждено. 12 января 1876 года Г.Г. Маразли подал прошение о пожаловании ему герба, которое произошло 9 августа 1879 г.[19] Представление о том, как выглядел этот герб, дают экслибрисы Г. Маразли (два варианта).

Впервые они были опубликованы в 1907 г. У. Иваском как неопределенные[20], но спустя одиннадцать лет он повторил публикацию, определив их принадлежность Г.Г. Маразли.[21]

Специалисты относят время их выполнения к началу XX века. На книгах личной библиотеки Маразли, попавшей в Одесскую научную библиотеку, нет ни одного такого книжного знака.

За свою службу и общественную деятельность Г.Г. Маразли был награжден российским и иностранными орденами[22]: в 1858 г. — Св. Анны 3-й степени, в 1871 г. — Св. Анны 2-й степени, в 1871 г. — греческим Спасителя офицерского креста, в 1872 г. — персидским Льва и Солнца 2-й степени, в 1874 г. — турецким Меджидие 3-й степени, в 1879 г. — Св. Станислава 1-й степени, в 1880 г. — черногорским князя Даниила 2-й степени, в 1882 г. — Св. Анны 1-й степени, в 1888 г. — Св. Владимира 2-й степени, в 1889 г. — греческим Спасителя большого командорского креста со звездою, в 1891 — Белого орла и итальянским Короны большого креста, в 1892 г. — сиамским Короны, вюртембергским Фридриха Большого креста и французским Почетного легиона Большого креста, в 1899 г. — турецким Меджидие 1-й степени, в 1900 г. — греческим Спасителя 1-й степени, в 1902 г. — румынским Короны, в 1903 г. получил одну из высших наград — орден Св. Александра Невского. Также был награжден несколькими медалями. 15 мая 1883, в день коронации императора Александра III, получил чин тайного советника.[23]

В 1903 г. в Одессе Г.Г. Маразли вступил в брак[24] с Марией Фердинандовной Кич, урожденной Наркевич (около 1858 — после 1935[25]). Мария Фердинандовна была дочерью землевладельцев Херсонской губернии:

полковника 10-го Ингерманландского гусарского полка Фердинанда Францевича Наркевича (1824-1879) и Екатерины Петровны Курдимановой (ум. 1913)[26]. В первом браке она была замужем за действительным статским советником (1899) председателем Одесского коммерческого суда (1884-1902) Павлом Николаевичем Кичем (1846-1905), после развода с которым вышла замуж за Маразли. От первого брака у нее были дети Филипп (род. 1879) и Екатерина (род. 1882).

От брака Григория Григорьевича с М.Ф. Кич не осталось потомства, и со смертью Г. Маразли пресекся род Маразли по мужской линии.

В воздаяние его неоценимых заслуг по инициативе одесской греческой общины он был похоронен на территории греческой Свято-Троицкой церкви в Одессе (до наших дней могила не сохранилась). По мнению одесских краеведов, в 1930-х годах он был перезахоронен на одесском Слободском кладбище. После смерти Маразли в увековечение памяти покойного его племянником А.С. Сафоновым было пожертвовано храму 17 тысяч рублей.[27] Греческая Свято-Троицкая церковь действует в Одессе и в настоящее время.

Кроме семьи Маразли, о которой идет речь в статье, в Одессе проживали и другие носители той же фамилии — как одесские мещане, так и "иностранные греки", о родстве которых с героями статьи нам остается не известно. Кроме того, были еще аккерманские (ныне г. Белгород-Днестровский, недалеко от Одессы) купцы с такой же фамилией, причем восприемницей дочери аккерманского купца Веры Александровны Маразли, крещенной в 1840 г. в Одессе, была Евридика Григорьевна Маразли[28]. Скорее всего, они состояли в родстве. Также в Одессе 6 февраля 1870 г. скончался Константин Иванович Маразли 88 лет, согласно метрической записи, "дворянин"[29]. Однако в дворянское достоинство Российской империи в 1875 г. был возведен только будущий городской голова Одессы Г.Г. Маразли (1831-1907).

Родственное окружение Г.Г. Маразли и их потомки

Ближайшими родственниками семьи Маразли была семья также греческого происхождения Феодориди (иногда встречаются варианты Феодоридис или Феодоридий). В метрических книгах Одесской греческой Свято-Троицкой церкви в 1820-1890-х гг. часто можно встретить представителей этой фамилии.

В этих книгах они фигурируют как одесские купцы, нежинские греки, грекоподданые, а также турецкоподданые. Братья Зои Федоровны Ма-

разли, урожденной Феодориди, были, как и их отец, одесскими купцами и, кроме того, восприемниками своих племянников: Николай Федорович Феодориди крестил Ираклия (1819) и Евридику (1820) Маразли, а Дмитрий Федорович — Григория Маразли (1831). В этой метрике он указан как одесский купец 1-й гильдии. Д.Ф. Феодориди был женат на Екатерине Ивановне (фамилия неизвестна). В 1853 и 1860 гг. мы встречаем в качестве восприемника детей различных греческих семейств Филиппа (Филопимина) Феодоровича Феодориди, одесского купца 2-й (позднее 3-й) гильдии.

В 1870-1880-х гг. в Одессе родилось несколько детей у Василия Федоровича Феодориди и Зои Ивановны Фессы. В 1877 В.Ф. Феодориди указан в метриках как "сын одесского купца, российскоподданный", в 1880 — "русскоподданный, купец 1-й гильдии", а в 1887 — как одесский мещанин.

Также в Одессе скончался греческоподданный Панагиот Феодорович Феодориди (ок. 1790-1877), о чем в газете его племянником Г.Г. Маразли был помещен некролог: "Григорий Григорьевич Маразли с прискорбием извещает о кончине дяди его Панагиота Федоровича Феодориди"[30].

Единственная сестра Григория Григорьевича Евридика (в русском варианте — Евдокия) Григорьевна Маразли (1820, Одесса — 1867, Париж) в 1841 г. (Одесса) вступила в брак со Степаном Васильевичем Сафоновым (1806, Екатеринослав[31] — 1862, СПб.)[32]. С.В. Сафонов — сын секретаря Екатеринославской духовной консистории надворного советника Василия Васильевича Сафонова (ок. 1770-1825) и его супруги Марии Стефановны (ок. 1779 — не ранее 1814). В 1825 г. по окончании Харьковского университета поступил на службу в канцелярию Новороссийского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова (1782-1856, с 1845 — князь), в том же году назначен к нему чиновником особых поручений[33], выполняя одновременно обязанности личного секретаря. В 1826 г. — титулярный советник, в 1829 г. — коллежский асессор, в 1834 г. — надворный советник, в 1837 г. — коллежский советник, в 1840 г. — статский советник, в 1843 г. — действительный статский советник. После назначения в 1845 г. князя М.С. Воронцова Наместником кавказским Сафонов был в Тифлисе директором его гражданской канцелярии. Неотлучно находившийся при князе, он вел его дневник и слыл его любимцем.[34] С.В. Сафонов был действительным членом Императорского общества сельского хозяйства Южной России (избран в 1842 г.) и Одесского общества истории и древностей, одним из учредителей которого он являлся (избран в 1839 г., с 1842 г. — вице-президент этого общества). Сафонову принадлежит ряд историче-

ских работ, печатавшихся в "Записках" Общества истории и древностей, "Одесском вестнике" и местных альманахах: "Этна (Отрывок из путевых записок, веденных в 1830, 1831 и 1832 годах)" (1834 г.), "Остатки греческих легионов в России, или Нынешнее население Балаклавы" (1844 г.), "Записка о сербском деле 1752 года, объясняющая непрямую политику Австрии в деле заселения Россией Новой Сербии" (1858 г.), а также несколько отдельных книг: "Описание чумы, постигшей Одессу в 1837 году" (1838 г.) (в борьбе с которой он принимал деятельное участие, за что был награжден орденом Св. Владимира 3-й ст. и золотой медалью), и перевод с английского брошюры "Взгляд на выгоды торговых сношений между Франциею и Англиею" (1836 г.).

В 1837 г. по представлению императору Николаю I изданной им книги "Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете "Ифигения" он получил в подарок бриллиантовый перстень. Аналогичной награды он удостоился в 1840 г. "за поднесенное государю императору сочинение "Пребывание императорской фамилии в Крыму в 1837 году". Был награжден российскими и иностранными орденами и медалями. С.В. Сафонов получил в 1851 г. чин тайного советника и одновременно назначен сенатором[35]. Был похоронен в Александро-Невской лавре на Тихвинском кладбище.[36]

Его вдова поселилась в Париже (здесь в октябре 1862 г., через полгода после кончины Степана Васильевича, родился их последний ребенок, дочь Зоя), где и скончалась в 1867 г. и была похоронена на кладбище Монмартр[37] (в 1869 году рядом с ней была похоронена ее мать Зоя Федоровна Маразли, их могилы сохранились до наших дней). Согласно надписи на французском языке на надгробном кресте, концессия на захоронение вечна (надгробия не могут быть снесены).[38]

От этого брака родилось семеро детей. Четверо из них дожили до зрелых лет: Степан (1851, Париж[39] — 1890, Винница) и Александр Степановичи, Мария и Зоя Степановны, а трое умерли в детстве: Михаил (1846, Одесса[40] — 1847, там же)[41], Григорий (1848, Одесса — 1849, там же)[42] Николай Степановичи (1852, Одесса, — ?)[43] Сафоновы.

Интересно, что крестным отцом Михаила Степановича Сафонова был его дядя Григорий Григорьевич Маразли, главный герой нашей статьи, на тот момент "сын одесского почетного гражданина", как записано в метрической книге, и Елизавета Ксаверьевна Воронцова (заочно), супруга князя Михаила Семеновича Воронцова, генерал-губернатора Новороссии и наместника Бессарабии, а крестным отцом Григория Степановича Сафо-

нова был князь М.С. Воронцов, которого замещал дед младенца Григорий Иванович Маразли. Этот факт свидетельствует о расположении князя Воронцова к семье своего любимца (вероятно, своего старшего сына С.В. Сафонов назвал Михаилом в честь своего начальника и покровителя).

Какова же была судьба племянников Григория Григорьевича?

Степан Степанович Сафонов (1851, Париж — 1890, Винница) на 1875 г. значится в чине исполняющего обязанности губернского секретаря в департаменте внутренних сношений министерства иностранных дел.[44] С 1877 г. он также является членом Санкт-Петербургского совета детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии (с 1880 — почетный член этого совета). Он продолжал служить в МИДе вплоть до 1887 г., повышаясь в чинах и перемещаясь по месту службы, причем в 1886-1887 гг. он числится при посольстве в Париже. С 1879 г. в звании камер-юнкера двора его императорского величества. На момент кончины был надворным советником, винницким уездным предводителем дворянства (с 1888) и кавалером орденов Св. Станислава 2-й степени, австрийского Франца-Иосифа кавалерского креста, испанского Изабеллы Католической кавалерского креста, имел бронзовую медаль в память Св. коронования их императорских величеств.[45] 9 января 1890 г., через несколько дней после его кончины, состоялось перенесение праха на Старое кладбище в Одессе. На похоронах присутствовал дядя покойного Г.Г. Маразли и шурин С.И. Толстой (который на тот момент временно исправлял должность одесского градоначальника).[46]

Сведений о Николае Степановиче Сафонове (род. 1852), кроме как в метрике о его крещении, обнаружить не удалось.

Александр Степанович Сафонов (1855 — 1908, Ницца) избрал военную карьеру, в 1874 г. вступив рядовым на правах вольноопределяющегося 1 разряда в Лейб-гвардии гусарский его величества полк. В 1884 г. дослужился до адъютанта командующего войсками Одесского военного округа с зачислением по армейской кавалерии и с переименованием в подполковники. В 1886 г. он вышел в отставку с награждением следующим чином (т. е. полковником) и мундиром, "обязуясь казенного содержания не просить".[47] Он участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. (в декабре 1877 — январе 1878 года принимал участие в авангардных боях под Филиппополем, городе, где родился его дед Григорий Иванович Маразли), за что был награжден орденами и медалями.[48] Кроме имущества, перешедшего к нему по завещанию от дяди, Г.Г. Маразли (наличные деньги, часть недвижимого имущества, не входящего в майорат, и движимое иму-

щество),[49] ему принадлежало местечко Пиков (здесь он и был похоронен) и села Пиков-Новый и Жигаловка в Винницком уезде Подольской губернии,[50] а также вилла в Ницце, где он проводил большую часть времени. Пережив дядю на полтора года, он скончался в Ницце 22 октября 1908 г. в возрасте 53 лет.[51] Женат не был.

Его старшая сестра, Мария Степановна Сафонова (1842 — 1927, Ницца)[52] вышла замуж за Сергея Ивановича Толстого (1838, СПб. — 1897, там же), представителя нетитулованной ветви рода Толстых. Он был сыном тайного советника и сенатора Ивана Николаевича Толстого (1792-1854) и Елены Алексеевны, урожденной княжны Щербатовой (1808-1888). Воспитывался в Пажеском его императорского величества корпусе. В 1857 г. произведен из камер-пажей в прапорщики с определением в Лейб-гвардии стрелковый его величества батальон, в 1858 г. утвержден батальонным адъютантом, в 1859 г. — подпоручиком, 1862 г. — поручиком, в 1864 г. переведен в Лейб-гвардии гусарский его величества полк и произведен в штабс-ротмистры, затем в 1866 г. — в ротмистры. В 1867 г. назначен чиновником для поручений (в чине VII класса) при начальнике Главного штаба, в 1869 г. произведен в полковники, с 1872 по 1878 гг. исполнял должность начальника VI отделения Главного штаба, в 1877 и 1878 гг. временно исполнял должность помощника начальника Главного штаба. В 1878 г. произведен в генерал-майоры с зачислением по армейской кавалерии и в запасные войска и прикомандирован для занятий к Главному штабу. В том же году отчислен от Главного штаба с прикомандированием к министерству внутренних дел. В 1879 г. назначен плоцким губернатором (Царство Польское), а в 1884 г. — варшавским обер-полицмейстером. В 1888 г. уволен с этой должности с причислением к МВД и зачислением в запас по армейской кавалерии. В 1892 г. получил чин генерал-лейтенанта и был назначен членом Совета министра внутренних дел.[53]

С.И. Толстой по делам службы несколько раз был в Одессе: в 1864 г. и 1868 г. был командирован для осмотра войск Одесского военного округа, а в 1889 году даже был назначен временно исполняющим должность одесского градоначальника.[54] Был награжден многими орденами и медалями Российской империи и иностранных государств. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.[55]

Мария Степановна Толстая в разное время принимала участие в работе различных благотворительных учреждений Петербурга. Так, с середины 1860-х до 1868 г. она помощница попечительницы приюта "Утина", с 1868 — попечительница этого же приюта.[56] В 1870-х гг. она попечитель-

ница приюта "В память 19 февраля 1861", в 1910-х гг. — помощница попечительницы школы принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской, подчиняющейся Императорскому женскому патриотическому обществу, и член комитета попечительства государыни императрицы Марии Федоровны о глухонемых. Также она была помощницей председательницы Петербургского дамского благотворительного тюремного комитета.[57] Вместе с семьей сына Петра Сергеевича она эмигрировала во Францию, где и скончалась.

От брака С.И. Толстого и М.С. Сафоновой родилось четверо дочерей и два сына. Старший сын Иван Сергеевич Толстой[58] умер ребенком в 1884 году в Плоцке. Младший, Петр Сергеевич Толстой[59] , родился в 1876 году в родовом имении Толстых Новые Ельцы Осташковского уезда Тверской губ. (ныне турбаза "Селигер"). В 1887 зачислен в пажи к высочайшему двору, в 1888 определен в Пажеский корпус, в 1896 произведен в камер-пажи высочайшего двора. В 1897 прикомандирован к Кавалергардскому ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полку на правах эстандарт-юнкера, затем произведен в корнеты в этот полк. В 1901 временно командовал 2-м эскадроном полка, в том же году произведен в поручики. В 1905 произведен в штабс-ротмистры. В 1907 награжден орденом Св. Станислава 3 ст. В 1908 временно командовал эскадроном ее величества. В 1909 — исправлял должность полкового адъютанта, с 1909 по 1911 — член полкового суда. В 1911 переведен из 2-го в 3-й эскадрон и назначен его командующим, в том же году произведен в ротмистры. В 1911 отчислен от должности командира 3-го эскадрона, награжден орденом Св. Анны 3 ст. В 1912 назначен состоять при его императорском высочестве великом князе Дмитрии Павловиче и произведен в полковники.[60]

За время службы П.С. Толстой исполнял много обязанностей (заведующий артелью нижних чинов, временно заведующий офицерской артелью, полковой хлебопекарней, полковым приемным покоем, школою воспитанников, начальник полковой учебной команды, полковой квартирмейстер и казначей и так далее).

После смерти А.С. Сафонова к нему перешла часть состояния, доставшееся последнему от Г.Г. Маразли.[61] В 1910 году состоялся судебный процесс между П.С. Толстым и вдовой Г.Г. Маразли ввиду того, что Толстой отказался выплачивать Марии Фердинандовне пенсию в 18 тыс. рублей, назначенную по завещанию ее мужем, мотивируя это тем, что это обязательство касалось только первого наследника, А.С. Сафонова[62], однако

процесс проиграл. Незадолго до смерти, в 1917 году, он окончательно поселился в Одессе. Здесь он принял деятельное участие в объединении церковноприходских братств и сестричеств в союз, председателем которого он и состоял, в чем ему помогал митрополит Платон. Скончался П.С. Толстой от воспаления легких 1/14 декабря 1918 г. в окружении семьи (мать, жена, дети) и был похоронен в ограде Михайловского женского монастыря[63] (могила не сохранилась). Был женат (1900, СПб.) на Зинаиде Сергеевне Бехтеевой (1880, сельцо Липовка Елецкого уезда Орловской губ. — 1961, Бухарест), дочери тайного советника, члена Государственного совета и чиновника министерства земледелия, елецкого уездного предводителя дворянства Сергея Сергеевича Бехтеева (1844-1911)[64] и Наталии Алексеевны Хвостовой[65] (ум. 1923, Берлин)[66]. Она — сестра известного поэта Сергея Сергеевича Бехтеева (1879 — 1954, Франция)[67], автора стихотворений "Молитва", "Боже, царя сохрани" и других (С.С. Бехтеев и П.С. Толстой служили в одном полку). Известно, что Зинаида Сергеевна была близка к императрице Александре Федоровне, вместе с ней и дочерьми императрицы — великими княжнами — как сестра милосердия помогала раненым в госпиталях Царского Села и вплоть до расстрела императорской семьи состояла с ней в переписке (известны письма и открытки императрицы и великой княжны Марии Николаевны к З.С. Толстой). В своем дневнике Александра Федоровна, упоминая З.С. Толстую, писала "Зиночка" или "добрая Зиночка".[68] Она скончалась в Румынии и похоронена в городе Сибиу.

От этого брака родились Наталия Петровна Толстая (1901, Красное село СПб. губ.— 1981, Румыния)[69] и Сергей Петрович Толстой (1904, СПб.[70] — 1999, Брюссель). Семья Толстых в 1919 году эмигрировала в Константинополь, затем на Мальту, в Италию, Германию, Францию и окончательно поселились в Румынии. Во Франции они проживали в Ницце на собственной вилле "Пиков", где в свое время жил А.С. Сафонов. В Румынском королевстве Толстые стали владельцами больших земельных владений, принадлежавших в свое время Г.Г. Маразли в Бессарабии, присоединенной к Румынии (согласно формулярному списку Г.Г. Маразли на 1875 год, "за ним в Бессарабии благоприобретенной земли — 27500 десятин").[71] После установления коммунистического строя они были конфискованы. З.С. Толстая была дружна с румынской королевой Еленой (1896-1982), урожденной принцессой Греческой и Датской, супругой короля Кароля II и матерью последнего короля Румынии Михая I, и двоюродной племянницей императрицы Александры Федоровны.

Наталия Петровна Толстая в первом браке была замужем (1923, Баден-Баден)[72] за Николаем Владимировичем Волковым (после смерти отца носил фамилию Волков-Муромцев) (1902, им. Хмелита Смоленской губ. — 1995, Великобритания), сыном последнего предводителя дворянства Вяземского уезда Смоленской губ. Владимира Александровича Волкова-Муромцева и графини Варвары Петровны Гейден (1870-1961). Он был участником Белого движения и автором книги "Юность от Вязьмы до Феодосии (1902-1920)" (Париж, 1983).[73] Вторым мужем Н.С. Толстой (12 июля 1930, Бухарест) стал румынский генерал Константин Роман (1889 — 1954, Сибиу).

Четверо дочерей М.С. Сафоновой и С. И. Толстого были замужем[74]: Мария Сергеевна Толстая (1862 — 1940, Москва) с 1911 за Сергеем Николаевичем Ребиндером (1883 — после 1944, СССР);[75] Степанида Сергеевна (1863 — 1922, Сибиу, Румыния) с 1895 за пермским губернатором Александром Владимировичем Болотовым (1866 — 1938, гора Афон), позже принявшем постриг с именем монаха Амвросия; Елизавета Сергеевна (1867 — 1945, Бухарест) с 1907 за бароном Николаем Эдуардовичем Штейгером (1865 — 1941, Бухарест); Людмила Сергеевна (1872 — ум., в Самаре или Куйбышеве[76]) в первом браке была замужем за Владимиром Николаевичем Долгановым (1867 — 1941, во время блокады в Ленинграде), доктором медицины (1893), статским советником (1906), профессором офтальмологии (1906), действительным статским советником (1912).[77] В.Н. Долганов был профессором, директором Императорского клинического института великой княгини Елены Павловны (1910-1920), директорство которого продолжилось и в первые годы советской власти (институт был переименован в Советский), затем начальником кафедры офтальмологии Военно-медицинской академии (1925-1941). Во втором браке (1915) она была замужем за ассистентом свого первого мужа Алексеем Владимировичем Лотиным, доктором медицины, действительным статским советником, приват-доцентом Императорской военно-медицинской академии, впоследствии — профессором. Дочь Людмилы Сергеевны Толстой, Татьяна Владимировна Долганова (1897 — 1973, Париж),[78] от брака с Кириллом Юрьевичем Печковским (1892-1945, Париж) имела дочь Ирину Кирилловну Печковскую (1916[79] — 2001, Брюссель[80]), в 1932 году ставшей женой своего двоюродного дяди Сергея Петровича Толстого (1904-1999).

Супруг Е.С. Толстой барон Н.Э. Штейгер в 1897 году проживал в Одессе со своим сыном от первого брака в доме № 1 по Воронцовскому

переулку,[81] принадлежащем Г.Г. Маразли, на внучатой племяннице которого впоследствии женился. Корнет запаса по армейской кавалерии, он служил в одесской Городской управе секретарем при городском голове. В 1914 году был призван на службу в государственное ополчение и зачислен младшим офицером в 1-ю роту 459-й пешей Херсонской дружины. В 1915 временно командовал 4-й ротой, затем назначен командиром 1-й роты с переименованием в зауряд-капитаны. В том же году прикомандирован к управлению заведующего передвижением войск Одесского района и переименован в корнеты. В 1916 награжден орденом Св. Станислава 3 ст., назначен временно исполняющим должность коменданта участка станции Одесса.[82]

Зоя Степановна Сафонова (1862, Париж[83] — 1959, Москва[84]), самый младший ребенок, родившаяся уже после смерти своего отца, вышла замуж (1883, Варшава) за представителя известного рода голландского происхождения барона Владимира Платоновича Фредерикса (1855, Москва — 1898, СПб.)[85], сына варшавского обер-полицмейстера и исполняющего должность генерал-полицмейстера в Царстве Польском, генерал-лейтенанта, генерал-губернатора Восточной Сибири и командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа барона Платона Александровича Фредерикса (1828-1888)[86] и его первой супруги Варвары Петровны, урожд. Катковой. Владимир Платонович окончил Пажеский корпус, в 1874 произведен в корнеты в Лейб-гвардии уланский его величества полк, в 1877 произведен в поручики. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 годов, за что награжден российскими и иностранными орденами и медалями. В 1882 произведен в штабс-ротмистры, в 1886 — в ротмистры. 12 июня 1884 во время конного учения на Мокотовском военном поле при падении с лошади получил перелом правой голени. 17 ноября 1886 высочайшим приказом уволен от службы, с мундиром, согласно прошению, по домашним обстоятельствам.[87] Скончался в чине надворного советника в Николаевском военном госпитале в Петербурге и был похоронен в селе Дмитрашковке Подольской губернии[88].

От этого брака происходят: барон Владимир Владимирович (1884, Варшава — 1950, Мар-дель-Плата, Аргентина),[89] баронесса Варвара Владимировна (1885, Мисхор, Ялтинского уезда Таврической губ. — ?, 1960-е, Румыния), баронесса Зоя Владимировна (1886, Варшава — 1970, Монтерей, Калифорния, США),[90] барон Григорий Владимирович (1887, Одесса — 1893), барон Георгий (Юрий) Владимирович (1890, Одесса — 1927, Париж)[91] и баронесса Наталья Владимировна (1891, Одесса — 1987, США).

Примечательно, что все дочери были замужем за офицерами лейб-гвардии уланского и гусарского полков.

Баронесса В.В. Фредерикс с 1907 была замужем за Михаилом Владимировичем Бородаевским[92] (1883 — до 1960-х, Румыния), происходившим из дворян Харьковской губернии, потомком козацко-старшинского рода. Он служил в 18 драгунском, затем — в Гродненском гусарском полку. С 1909 года он служил по гражданскому ведомству, в 1914 году был призван по мобилизации из запаса на службу. 10 декабря того же года произведен в поручики. В 1917 году он — адъютант командира 47-го армейского корпуса[93]. В 1918 году Бородаевские эмигрировали из Киева и в эмиграции осели в Румынии. У них было две дочери и сын.

Баронесса З.В. Фредерикс была замужем с 1907 (развод 1933, США) за Акселем-Вольмаром Акселевичем Готтлундом (1883, Тавастгусская губ. Великого княжества Финляндского — 1972, Финляндия), внуком известного финского ученого Карла-Акселя Готтлунда (1789-1875). В 1901 году он поступил в Николаевское кавалерийское училище юнкером, по окончании которого в 1904 произведен в корнеты 46-го драгунского Переяславского императора Александра III полка. В 1906 прикомандирован к лейб-гвардии Гродненскому гусарскому полку[94] К началу мировой войны семья Готтлундов проживала в Уфе и в 1918 году переехала на родину Акселя-Вольмара в Финляндию. Оттуда Готтлунды в 1923 году эмигрировали в США, где в настоящий момент проживают их потомки. В семье Готтлундов было пятеро детей.

Баронесса Н.В. Фредерикс была замужем с 1911 за Борисом Евгеньевичем Мартыновым (1890, Подольская губ. — 1978, Сильвер Спринг, Мэриленд, США), дворянином Самарской губ. Он был сыном генерал-лейтенанта Евгения Ивановича Мартынова (1864-1937), российского военного теоретика и историка, и его первой супруги княжны Елены Леонидовны Ухтомской, дочери контр-адмирала. В 1907 по окончании курса в Одесском кадетском корпусе был зачислен юнкером в Елисаветградское кавалерийское училище. По окончании его в 1909 произведен в корнеты Лейб-гвардии уланского его величества полка и зачислен младшим офицером 3-го эскадрона,[95] в 1913 произведен в поручики, в 1916 — в штабс-ротмистры, числится в пулеметной команде полка. За участие в военных действиях награжден орденами, а высочайшим приказом от 1915 — Георгиевским оружием,[96] участник 1-й мировой войны, георгиевский кавалер, полковник, в гражданскую войну отличился в Добровольческой армии на Юге России. При Врангеле был военным комендантом Ялты. С 1924

года жил в США. Сразу же стал деятельным членом прихода храма Христа Спасителя в Нью-Йорке, позже — председателем правления этого прихода. Председатель Союза русских дворян[97]. Мартыновы жили до революции вместе с Готтлундами в Уфе и вместе с ними уехали в Финляндию, а затем — в США.

Вторым мужем баронессы Зои Степановны Фредерикс, урожд. Сафоновой, в 1902 стал Роман Алексеевич Тиздель (1852 — 1924, Москва), потомок английского моряка на российской службе, из дворян Петербургской губернии, сын генерал-майора[98] Алексея Фомича Тизделя (1822-1902)[99] и его жены Анны Романовны, урожд. баронессы фон Штакельберг (1823-1899, Петергоф)[100]. В 1871 поступил в Николаевское кавалерийское училище юнкером рядового звания, в 1873 по окончании училища произведен в корнеты в Лейб-гвардии конный полк, в 1878 — в поручики, в 1881 — в штабс-ротмистры. В 1882 — заведующий полковым лазаретом и командир нестроевой роты. В 1884, 1885 и 1890 — член полкового суда. В 1885 — исполняющий должность заведующего полковым хозяйством. В 1891-1901 состоял адъютантом при князе Евгении Максимилиановиче Романовском, герцоге Лейхтенбергском. В 1895 произведен в полковники, в 1903 — генерал-майоры. В 1903 адъютант, а в 1903-1905 состоял при принце Александре Петровиче Ольденбургском. С 1905 по 1913 был начальником Варшавского дворцового управления, с 1911 генерал-лейтенант. В 1914 причислен к управлению императорского двора, с 1917 — в отставке. Награжден многими российскими орденами.[101] В том же году переехал с семьей в Москву. После революции, в 1918 году, он как бывший офицер был мобилизован и направлен на работу в Главное управление по реэвакуации пленных и беженцев. После ликвидации этого учреждения он некоторое время работал в Главрыбе.[102] От этого брака было двое детей: Евгения Романовна (1903, СПб. — 1969, Москва) и Роман Романович Тиздели (1906, СПб. — 1999, Москва). Старшая дочь Р.А. Тизделя от первого брака с Екатериной Алексеевной Ладожинской Ксения Романовна вышла замуж за барона Михаила Платоновича Фредерикса (1882-1953), младшего брата Владимира Платоновича, первого супруга З.С. Сафоновой. Роман Романович Тиздель стал известным геологом, работал в Гидроэнергопроекте и Гидропроекте, исполнял обязанности главного геолога проекта Братской ГЭС на Ангаре, проекта Усть-Илимской ГЭС, плотины Кырджали в Болгарии. В 1952 году ему присудили звание лауреата Государственной премии за участие в работе "Методика инженерно-геологических изысканий для гидроэнергетического строительства". В 1976 г. получил звание заслуженного геолога РСФСР.

Старший сын Зои Степановны от первого брака барон Владимир Владимирович Фредерикс воспитывался в Пажеском его императорского величества корпусе, где окончил курс по первому разряду. В 1897 зачислен в пажи-кандидаты высочайшего двора. В 1899 определен в Пажеский корпус. В 1904 произведен в корнеты в Лейб-гвардии гусарский его величества полк, и зачислен в 5-й эскадрон, которым временно командовал. В том же году его имя было занесено на мраморную доску Пажеского корпуса. Заведовал новобранцами 5-го эскадрона полка, был заведующим разведчиками 5-го эскадрона.[103] С 1908 — поручик, с 1912 — штабс-ротмистр. Делопроизводитель комитета по заведованию офицерским заемным капиталом — с 1909 и с 1913 г. Делопроизводитель комитета офицерского капитального строительства офицерских лошадей — с 1912 г. С 1913 — полковой адъютант. Числится в эскадроне его величества. Награжден орденом Св. Анны 3 ст. (1913).[104] Впоследствии дослужился до полковника Лейб-гвардии гусарского полка.[105] Владелец майоратного имения Александров Серазского уезда Калишской губернии Царства Польского (1080 десятин земли), доставшегося ему от отца. В эмиграции некоторое время жил в Берлине, затем в Париже, очень бедствовал, и в 1928-29 годах уехал в Аргентину, где работал служащим на сельскохозяйственном предприятии. Женат не был.

Его младший брат, барон Георгий Владимирович Фредерикс, окончил Пажеский корпус, в 1897 году зачислен в пажи-кандидаты высочайшего двора, в 1902 году определен в Пажеский его императорского величества корпус, в 1907 переведен в младший специальный класс-корпус, в 1908 году произведен в камер-пажи высочайшего двора. В 1909 году произведен в корнеты в Лейб-гвардии гусарский его величества полк, где служил его старший брат, и зачислен в 5-й эскадрон, которым несколько раз временно командовал (в 1909, 1910, 1911, 1912 и 1913 годах). В 1910 ему высочайше было разрешено принять и носить пожалованную датскую медаль. В 1912 переведен в 4-й эскадрон полка, назначен заведующим разведчиками 4-го эскадрона. В 1913 был помощником начальника учебной команды полка, временно занимал разные должности: заведующего в полку оружием, полкового квартирмейстера, полкового адъютанта и полкового казначея. В том же году произведен в поручики.[106] Впоследствии был ротмистром Лейб-гвардии гусарского полка.[107] Сохранились сведения о том, что 12 января 1919 года он находился в Одессе в штабе одесского корпуса Русской Добровольческой армии в звании ротмистра.

Ему суждено было соединить в своей фамилии два достойных рода — Фредериксов и Маразли. Будучи последним мужским представителем се-

мьи Маразли и, видимо, не надеясь обзавестись потомством, Григорий Григорьевич предпринял меры, чтобы память о фамилии не угасла. С этой целью он обратился к императору Александру III с прошением об учреждении заповедного имения и передачи его состояния после смерти во владение двоюродному внуку Григорию Владимировичу Фредериксу (сыну его племянницы Зои Степановны) и о присоединении фамилии Маразли к гербу и фамилии Фредерикс.[108]

Именным высочайшим указом Правительствующему сенату от 13 февраля 1889 и 11 февраля 1891 "принадлежащие Маразли недвижимые имения обращены в заповедное имение на следующих основаниях: I) В состав заповедного имения входят родовые и благоприобретенные имения Бессарабской губернии: а) Измаильского уезда участок земли под названием Сариари, или Маразлиенфельд, пространством 6000 десятин, и б) Аккерманского уезда два участка земли, под названием Алкалия, Маразлиевка тож, в 2000 десятин, и под названием Баябей, или Бебей, в 2000 десятин, а всего 10000 десятин, в целом составе, с постройками, садами, лесами и прочими угодьями... III) К заповедному имению присоединяются принадлежащие учредителю, Маразли, три дома в городе Одессе: на углу Пушкинской и Ланжероновской улиц, на углу Дерибасовской и Пушкинской улиц, и в Красном (Греческом) переулке, а также участок дачной земли на выгоне по дороге к Малому Фонтану под № 11, с находящимися на нем строениями и обзаведениями. IV) По смерти учредителя, Маразли, заповедное имение поступает во владение двоюродного внука его, барона Григория Владимирова Фредерикса и его потомства. В случае бесспотомственной смерти этого наследника, или пресечения его потомства, заповедное имение переходит к младшим братьям его и т. д., с тем что при всех переходах заповедного имения должны быть соблюдены общие, постановленные в законах гражданских, правила о владении заповедными имениями и наследовании их".[109]

Однако барон Григорий Владимирович Фредерикс скончался 13 ноября 1893 года в возрасте 6 лет (похоронен в Свято-Николаевской церкви села Димитрашковка Ольгопольского уезда Подольской губернии).[110] Тогда наследником майората Г.Г. Маразли стал его крестник и младший брат Григория Фредерикса, родившийся в Одессе в 1890 году барон Георгий Владимирович Фредерикс. Одесский окружной суд 14 февраля 1908 рассмотрел дело о признании несовершеннолетнего барона Г.В. Фредерикса "в правах наследства к заповедному имуществу, оставшемуся после умершего тайного советника Григория Григорьева Маразли и о вводе во

владение". 28 октября того же года первый департамент Государственного совета, соглашаясь с заключением Правительствующего сената, разрешил барону Г.В. Фредериксу принять фамилию и герб учредителя заповедного имения тайного советника Григория Маразли и именоваться впредь бароном Фредериксом-Маразли, что было утверждено императором Николаем II 10 декабря 1908 года.

Барон Г.В. Фредериск-Маразли вступил в брак (8 октября 1917) с Марией Владимировной Охотниковой (1897 — 1983, Париж)[111], дочерью гофмейстера, действительного тайного советника, сенатора и члена Государственного совета[112] Владимира Николаевича Охотникова[113] (1847, СПб. — 1919, Мальта)[114] и княжны Александры Петровны Трубецкой[115] (1857, СПб. —1949, Ментон)[116]. Сестра предыдущей, княжна Мария Петровна Трубецкая (1872-1954) была замужем за графом Алексеем Алексеевичем Белевским-Жуковским (1871-1932), внебрачным сыном великого князя Алексея Александровича.

Впоследствии М.В. Охотникова стала супругой чиновника канцелярии министерства императорского двора Вадима Михайловича Миклашевского[117] (1891-1963), сына екатеринославского губернского предводителя дворянства, члена Государственного совета, гофмейстера высочайшего двора Михаила Ильича Миклашевского (1853 — после 1916)[118] и Ольги Николаевны Тройницкой (род. 1852)[119]. Похоронены барон Г.В. Фредерикс-Маразли, М.В. Охотникова и В.М. Миклашевский на кладбище Батиньоль в Париже в одной могиле.

У барона Г.В. Фредерикса-Маразли было два сына: барон Владимир Георгиевич (род. 1918, Кисловодск)[120] и Георгий (Юрий) Георгиевич (1919,[121] Афины — 1994, Буэнос-Айрес, Аргентина)[122]. После эмиграции из России они жили в Греции, Италии, а затем во Франции. В 1939 году барон Владимир Георгиевич переехал в Аргентину, куда в 1941 прибыл его младший брат Георгий. Оба они начали работу в сфере овцеводства, и свою жизнь посвятили этой профессии, достигнув больших успехов. Георгий Георгиевич женат не был. Владимир Георгиевич от брака (1953) с Хуаной Амелией Охеда (Ojeda) (род. 1925), имеет сына Владимира и дочь Александру. Сын, барон Владимир Владимирович (Wladimiro) Фредерикс-Маразли (род. 1954), также посвятил себя сельскому хозяйству. От брака (1985) с Еленой Владимировной Кухлевской (род. 1958) он имеет дочь Барбару-Марию (род. 1986) и сына Николаса (род. 1988). Дочь, баронесса Александра Владимировна (Alejandra) (род. 1956), работает в научном издательстве.

В своем духовном завещании Г.Г. Маразли позаботился обо всех потомках своей сестры. Его племянницы Мария Степановна Толстая и Зоя Степановна Тиздель получили по завещанию по 50000 рублей, их дети — по 25000 рублей каждый.

В заключение хотелось бы отметить, что желая увековечить заслуги Г.Г. Маразли перед Одессой, после его кончины в 1907 году ему собирались поставить памятник. В связи с этим одесская городская Дума извещала барона Владимира Владимировича Фредерикса о том, что она постановила установить 12 ноября бюст его покойного двоюродного деда (в документе ошибочно написано дяди. — **Прим. авт.**), Г.Г. Маразли, между Городским театром и зданием одесского Английского клуба.[123] И хотя проект бюста был изготовлен, но это начинание так и не осуществилось. Однако спустя почти 100 лет после его смерти, 2 сентября 2004 года (в День основания города), такой памятник был открыт в самом центре Одессы, на Греческой площади, рядом с улицей Дерибасовской. На Греческую площадь выходит одноименная улица, на которой был расположен дом отца Г.Г. Маразли, и где он сам родился (ул. Греческая, дом № 17, по старой нумерации домов).

Решением Городского совета от 2 июня 1995 года улица Энгельса была переименована в Маразлиевскую. Согласно распоряжению городского головы от 14.04.2003 года учреждена почетная награда одесского городского головы имени Григория Маразли в виде ордена трех степеней. Почетная награда вручается в День города 2 сентября за весомый вклад в развитие Одессы в экономической, научно-технической, социально-культурной сфере, активную гражданскую, благотворительную деятельность и меценатство.

К 175-летию со дня рождения Г.Г. Маразли почтой Украины был выпущен конверт с его изображением, а одесским филиалом Греческого фонда культуры подготовлена выставка и проведена конференция о его жизни и деятельности.

Начиная с июля 2004 года и до настоящего времени удалось установить связь со многими потомками рода, приславшими интересные письма и фотографии. Таким образом, сведения о потомках рода Маразли кроме печатных источников дополнены информацией, полученной от самих потомков, родословная роспись которых, дополненная и исправленная с их помощью, насчитывает более 80 человек.

Авторы выражают благодарность генеалогам и архивистам Р.Г. Красюкову, В.П. Фредерикс-Кириллиной, А.В. Лебединской, Л.Г. Белоусовой,

М.Ю. Линниченко и И.В. Карпееву. В работе над статьей использованы сведения из личного архива В.П. Фредерикс-Кириллиной (СПб.), а также копии дел из фонда департамента герольдии РГИА, любезно предоставленные ею. Кроме того, хотелось бы поблагодарить всех тех, кто помог информацией и советом при написании статьи.

Примечания

[1] За последние 20 лет появилось значительное количество публикаций о Г.Г. Маразли, самыми крупными из которых являются: ΚΟΝΣΤΑΝΤΙΝΟΣ Κ. ΠΑΠΟΥΛΙΔΗΣ. ΓΡΗΓΟΡΙΟΣ Γ. ΜΑΡΑΣΛ ΗΣ (1831-1907) Η ΖΟΗ ΚΑΙ ΤΟ ΕΡΓΟ ΤΟΥ. ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ, 1989 [на греческом языке]; Григорий Григорьевич Маразли. Меценат и коллекционер. Одесса, 1995.

[2] В метрике о смерти Г.И. Маразли указано, что он скончался в возрасте 88 лет, т. е. родился около 1765 г. — запись о смерти Г.И. Маразли в метрической книге греческой Свято-Троицкой церкви в Одессе за 1853 год // Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 37 (фонд Херсонской духовной консистории), оп. 3а, д.138, номер записи — 10; Греки Одессы: Именной указатель по метрическим книгам Одесской греческой Свято-Троицкой церкви. Ч. III: 1853-1874. — Одеса, 2004, с. 130-131. "Одесский вестник" сообщает, что он скончался в другом возрасте — 83 года // Одесский вестник. 1853, 4 апреля.

[3] По прошению одесского купца Григория Маразли о внесении его в число почетных граждан (1838 год) // ГАОО, ф. 4, оп. 14, д. 319 (дело утрачено); О праве на почетное гражданство купцов льготных городов Новороссийского края // Одесский вестник. 1837, 4 августа.

[4] Дело по отношению Наместника кавказского, о дворянском достоинстве почетного гражданина Григория Маразли // РГИА, ф. 1405, оп. 46, д. 5918. Сообщено Р.Г. Красюковым.

[5] Андерсон В. Русский некрополь в чужих краях. Вып. 1. Париж и его окрестности. — Пг., 1915, с. 55.

[6] Запись о рождении и крещении И.Г. Маразли в метрической книге греческой Свято-Троицкой церкви в Одессе за 1819 год // ГАОО, ф. 37 оп. 3, д. 228, номер записи 2. Опубликовано: Греки Одессы: Именной указатель по метрическим книгам Одесской греческой Свято-Троицкой церкви. Ч. I: 1800-1831. — Одесса, 2000, с. 166-167.

[7] Запись о рождении и крещении Е.Г. Маразли в метрической книге греческой Свято-Троицкой церкви в Одессе за 1820 год // ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 226, номер записи 39. Греки Одессы... Ч. I: 1800-1831. — Одесса, 2000, с. 166-167.

[8] Запись о рождении и крещении Г.Г. Маразли в метрической книге греческой Свято-Троицкой церкви в Одессе за 1831 год // ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 382, номер записи 59. Греки Одессы... Ч. I: 1800-1831. — Одесса, 2000, с. 166-167.

[9] Запись о рождении и крещении А.И. Белой в метрической книге греческой Свято-Троицкой церкви в Одессе за 1821 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 245, номер записи 75. Греки Одессы... Ч. I: 1800-1831. — Одесса, 2000, с. 26-27.

[10] Формулярный список состоящего при МВД действительного статского советника Маразли (за 1874 г.) // РГИА, ф. 1343, оп. 25, д. 1470 (дело о дворянстве рода Маразли); Формулярный список состоящего при МВД одесского городского головы тайного советника Григория Григорьевича Маразли (за 1891 г.) // ГАОО, ф. 16 (фонд Одесской городской управы), оп. 124 ч. 1, д. 1901.

[11] Г.Г. Маразли: Некролог // Одесский листок. — 1907, 3 мая. См. также: Григорий Григорьевич Маразли, меценат и коллекционер: Сборник статей. — Одесса, 1995.

[12] Позже (в 1907 году) библиотека переехала в новое помещение на ул. Херсонской (ныне Пастера), где находится и по сей день. В старом же здании остался музей общества (ныне Археологический музей).

[13] Арюпина Л. Г.Г. Маразли и публичная библиотека // Григорий Григорьевич Маразли, меценат и коллекционер. С. 76-96.

[14] Отчет Одесской городской публичной библиотеки за 1891 год. — Одесса, 1892, с. 9.

[15] Отчет Одесской городской публичной библиотеки за 1907 год. — Одесса, 1908, с. 36-37.

[16] Marasly G. Mes livres au 1-er Janvier 1897. — Odessa, 1897, 369, 14 p.; Marasly G. Mes livres au 1-er Janvier 1901. — Odessa, 1901, 115 p.

[17] Ходатайство Андриопуло — поверенного Маразли Григория Г. о причислении последнего к дворянству // НАРМ, ф. 88, оп. 1, д. 1662; сообщено Е.А. Румянцевым.

[18] Прошение, поданное Г.Г. Маразли 12.01.1876 // РГИА, ф. 1343, оп. 25, д. 1470 (дело о дворянстве рода Маразли).

[19] Лукомский В., Тройницкий С. Списки лицам высочайше пожалованным дипломами с гербами на дворянское достоинство Всероссийской империи. — СПб., 1911, с. 40; Лукомский В.К., Тройницкий С.Н. Перечень родам и лицам, гербы которых утверждены или пожалованы российскими монархами... / Подготовка и редакция Е.А. Агафоновой, А.А. Шумкова и С.О. Экземплярова. — СПб.: ВИРД, 2004, с. 109.

[20] Иваск У. Неопределенные exlibris'ы // Известия Московского общества любителей книжных знаков. — М., 1907, вып. 1, с. 19.

[21] Иваск У. Описание русских книжных знаков (ex-libris). Вып. III. — М., 1918, с. 25., илл.

[22] Формулярный список состоящего при МВД действительного статского советника Маразли (за 1874 г.) // РГИА, ф. 1343, оп. 25, д. 1470 (дело о дворянстве рода Маразли); Формулярный список состоящего при МВД Одесского городского головы тайного советника Григория Григорьевича Маразли (за 1891 г.) // ГАОО, ф. 16 (фонд Одесской городской управы)., оп. 124, ч. 1, д. 1901; Список гражданским чинам первых трех классов (исправлено по 1.09.1906). СПб., 1906, с. 167. Сообщено И.Г. Лильп.

[23] Там же.

[24] Запись о бракосочетании Г.Г. Маразли и М.Ф. Кич в метрической книге греческой Свято-Троицкой церкви в Одессе за 1903 год // ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 584, л. 43 об. — 44. Опубликовано: Григорий Григорьевич Маразли, меценат и коллекционер. — С. 228.

[25] ΚΟΝΣΤΑΝΤΙΝΟΣ Κ. ΠΑΠΟΥΛΙΔΗΣ. ΓΡΗΓΟΡΙΟΣ Γ. ΜΑΡΑΣΛ ΗΣ (1831-1907) Η ΖΟΗ ΚΑΙ ΤΟ ΕΡΓΟ ΤΟΥ. ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ, 1989, с. 106.

[26] Сообщено М.Ю. Линниченко.

[27] Одесские новости. — 1908, 13 мая, с. 3.

[28] Запись о рождении и крещении В.А. Маразли в метрической книге греческой Свято-Троицкой церкви в Одессе за 1840 год / / ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 575.

[29] Запись о смерти К.И. Маразли в метрической книге греческой Свято-Троицкой церкви в Одессе за 1870 год // ГАОО, ф. 37, оп. 6, д. 31, номер записи 9. Греки Одессы: Именной указатель по метрическим книгам Одесской греческой Свято-Троицкой церкви. Ч. III: 1853-1874. — Одеса, 2000, с. 130-131.

[30] Одесский вестник. — 1877, 14 января; Запись о смерти П.Ф. Феодориди в метрической книге греческой Свято-Троицкой церкви в Одессе за 1877 год // ГАОО, ф. 37, оп. 6, д. 55.

[31] Дело о дворянстве рода Сафоновых // РГИА, ф. 1343, оп. 29, д. 1221; сообщено А.В. Лебединской.

[32] По др. сведениям, родился 1808 [Петерб. Некрополь, ч. 4, с. 34; Мурзанов Н.А. Правительствующий сенат (Господа Сенат), 22 февраля 1711 — 22 февраля 1911: Список сенаторов. — СПб., 1911; Памятная книга барона Владимира Владимировича Фредерикса: Рукопись — 14 л.— Собрание барона В.Г. Фредерикса-Маразли (Аргентина).

[33] Формулярный список о службе С.В. Сафонова // РГИА, ф. 1343, оп. 29, д. 1221, л. 58-67.

[34] Степан Васильевич Сафонов: Некролог // Записки Одесского общества истории

и древностей. Т. 6. — Одесса, 1867, с. 483-485; Русский биографический словарь. Т. Сабанеев-Смыслов. — СПб., 1904, с. 209.

[35] Список гражданским чинам первых четырех классов, исправленный на 1 сентября 1858. — С. 156; История Правительствующего сената за 200 лет, 1711-1911, т. 5. — СПб., 1911, с. 149.

[36] Саитов В. Петербургский некрополь. Т. 4. — СПб., 1913, с. 34.

[37] Андерсон В. Русский некрополь в чужих краях. Вып. 1. Париж и его окрестности. — Пг., 1915, с. 79.

[38] Сообщение В.И. Векслера (Париж). Им же 25.12.2004 г. сделаны фото надгробий З.Ф. Маразли и Е.Г. Сафоновой на кладбище Монмартр.

[39] Дело о дворянстве рода Сафоновых // РГИА, ф. 1343, оп. 29, д. 1221.

[40] Запись о рождении и крещении М.С. Сафонова в метрической книге греческой Свято-Троицкой церкви в Одессе за 1846 год // ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 859, номер записи 3. Опубликовано: Греки Одессы: Именной указатель по метрическим книгам Одесской греческой Свято-Троицкой церкви. Ч. II. 1834-1852. — Одесса, 2002, с. 274-275.

[41] Запись о смерти М.С. Сафонова в метрической книге греческой Свято-Троицкой церкви в Одессе за 1847 год // ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 859, номер записи 15.

[42] Запись о рождении и крещении Г.С. Сафонова в метрической книге греческой Свято-Троицкой церкви в Одессе за 1849 год // ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 977, номер записи 6. Опубликовано: Греки Одессы: Именной указатель по метрическим книгам Одесской греческой Свято-Троицкой церкви. Ч. II. 1834-1852. — Одесса, 2002, с. 274-275; запись о смерти Г.С. Сафонова — там же.

[43] Запись о рождении и крещении Г.С. Сафонова в метрической книге греческой Свято-Троицкой церкви в Одессе за 1849 год // ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 977, номер записи 6. Опубликовано: Греки Одессы: Именной указатель по метрическим книгам Одесской греческой Свято-Троицкой церкви. Ч. II. 1834-1852. — Одесса, 2002, с. 274-275; запись о смерти Г.С. Сафонова — там же.

[44] Адрес-календарь, общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1875-1890 гг.

[45] Придворный календарь на 1890 год. СПб., 1889, с. 190. Сообщено А.В. Краско.

[46] "Одесские новости" за 8, 9 и 10 января 1890 г.

[47] Послужной список А.С. Сафонова // РГВИА, ф. 400, оп. 17, д. 1915, л. 1 — 9 об.; здесь и далее материалы РГВИА сообщены М.Ю. Линниченко.

[48] Там же.

[49] "Одесские новости", 1907, 4 мая.

[50] Список землевладельцев Юго-Западного края (Киевской, Подольской и Волынской губерний) // Весь Юго-Западный край: Справочная книга. 1906 г. / Под ред. Н.П. Струца. — Киев, 1906, стб. 112.

[51] "Одесские новости", 1908, 26 октября.

[52] Чуваков В.Н. Незабытые могилы. Т. 6, ч 2. — М., 2006, с. 413.

[53] Послужной список С.И. Толстого // РГВИА, ф. 400, оп. 17, д. 6222, л. 26 — 8 об.

[54] Фрейман фон, О. Пажи за 185 лет: Биографии и портреты бывших пажей с 1711 по 1896 г. — Фридрихсгамн, 1897, с. 528-529.

[55] Саитов В. Петербургский некрополь. Т. 4. — СПб., 1913, с. 271.

[56] Здесь и далее: Адрес-календарь, общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1865-1916 гг.

[57] Чуваков В.Н. Незабытые могилы. Т. 6, ч. 2. — М., 2006, с. 413.

[58] Tolstoy-Miloslavsky Dimitry. The Tolstoys: Genealogy and Origin. A2Z Publicaciones.

Alicante, Spain. 1991, p. 158; Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Ч. II. — СПб, 1887, с. 522.

[59] Там же, p. 158.

[60] Послужной список П.С. Толстого // РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 43255, л. 1 — 8 об.; ф. 408, оп. 1, д. 932, л. 23 об. — 24.

[61] "Одесские новости", 1908, 4 ноября.

[62] "Одесский листок", 1910, 11, 29 апреля.

[63] "Одесский листок", 1918, 15 (2), 17 (4) декабря.

[64] Список гражданским чинам первых четырех классов на 1899 год. — С. 682; Список лиц, служащих по ведомству министерства внутренних дел по губерниях, областях и градоначальствах. Ч. II. СПб., 1892, с. 357.

[65] Tolstoy-Miloslavsky Dimitry. The Tolstoys: Genealogy and Origin. A2Z Publicaciones. Alicante, Spain. 1991, p. 158.

[66] Чуваков В.Н. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1997: в 6 томах. Т. 1, "А-В". — М., 1999, с. 306.

[67] Там же.

[68] Александра Федоровна, императрица. Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой: февр. 1917 г. — 16 июля 1918 г. / Сост., ред., предисл., введ. и коммент. В.А. Козлова и В.М. Хрусталева; Пер. с англ. Л.Н. Пищик при участии О.В. Лавинской и В.М. Хрусталева. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.

[69] Tolstoy-Miloslavsky Dimitry. The Tolstoys: Genealogy and Origin. A2Z Publicaciones. Alicante, Spain. 1991, p. 162. Информация Толстого-Милославского здесь и далее уточнена и дополнена Т.С. Толстой и И.К. Штайн.

[70] Там же, p. 162.

[71] РГИА, ф. 1343, оп. 25, д. 1470.

[72] Точная дата и место брака — Jacques Ferrand. Noblesse Russe: Portraits. Vol. 1. Paris, 1986, p. 234, 235, сообщено А.А. Шумковым.

[73] С.В. Волков. Офицеры российской гвардии в белой борьбе. М., 2002, с. 725-726.

[74] Данные о датах жизни и браках приведены по послужному списку их отца С.И. Толстого (РГВИА, ф. 400, оп. 17, д. 6222), памятной книге их двоюродного брата барона В.В. Фредерикса (1884-1950), и сведениям Т.С. Толстой; в книгах Dimitry Tolstoy-Miloslavsky и Timothy F. Boettger допущены ошибки.

[75] Письма С.Н. Ребиндера В.Д. Бонч-Бруевичу // Отдел рукописей РГБ, ф. 369, картон 323, ед. хр. 42; сообщено М.Ю. Катиным-Ярцевым.

[76] Умерла в СССР, точная дата ее смерти неизвестна. В 1935 г. Самара переименована в Куйбышев.

[77] Личное дело Долганова В.Н. // ЦГИА СПб., ф. 506, оп. 1, д. 275; сообщено И.А. Анисимовой.

[78] Чуваков В.Н. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1997 в 6 томах. Т. 5, "Н-П". — М., 2004, с. 444.

[79] Сведения Т.С. Толстой; Tolstoy-Miloslavsky Dimitry. The Tolstoys: Genealogy and Origin. A2Z Publicaciones. Alicante, Spain. 1991, p. 158.

[80] Сведения Т.С. Толстой; скорбные страницы // Дворянский календарь. Т. 10. — СПб, 2003, с. 156.

[81] Лист переписи населения [г. Одессы] по Воронцовскому переулку, дом № 1, кв. 8 (28.01.1897) // ГАОО, ф. 2, оп. 8, д. 326.

[82] Послужной список барона Н.Э. Штейгера // РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 160754, л. 7 об. — 8.

[83] Дело о дворянстве рода Фредерикс // РГИА, ф. 1101, оп. 2, д. 316, л. 17. Здесь и далее материалы из РГИА по баронам Фредерикс сообщены В.П. Фредерикс-Кириллиной.

[84] Информация, полученная от потомков.

[85] Дело о дворянстве рода Фредерикс // РГИА, ф. 1101, оп. 2, д. 316, л. 123; Ikonnikov N.F. La noblesse de Russie (2-e edition). Tome D. 1. — Paris, 1958, p. 208.

[86] Саитов В. Петербургский некрополь. Т. 4, с. 386; Ikonnikov N.F. La noblesse de Russie (2-e edition). Tome D. 1. — Paris, 1958, p. 205-206.

[87] Послужной список барона В.П. Фредерикса // РГВИА, ф. 400, оп. 17, д. 2047, л. 1 — 11 об.

[88] Дело о дворянстве рода Фредерикс // РГИА, ф. 1101, оп. 2, д. 316, л. 123.

[89] Ikonnikov N.F. La noblesse de Russie (2-e edition). Tome D. 1. — Paris, 1958, p. 209. Сведения дополнены бароном В.Г. Фредериксом-Маразли.

[90] Там же, p. 209.

[91] Ikonnikov N.F. La noblesse de Russie (2-e edition). Tome D. 1. — Paris, 1958, p. 210; ГАОО, ф. 2, оп. 8, д. 1559.

[92] Там же, p. 209.

[93] Послужной список М.В. Бородаевского // РГВИА, ф. 409. оп. 1, д. 172615, л. 1-11.

[94] Послужной список А.-В. Готтлунда // РГВИА, ф. 400, оп. 9, д. 31984, л. 2 — 2 об., 5.

[95] Послужной список Б.Е. Мартынова // РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 29534, л. 1 — 2 об., 3 — 4 об.

[96] Послужной список Б.Е. Мартынова // РГВИА, ф. 3548, оп. 1, д. 93, л. 13 об.; ф. 408, оп. 1, д. 1017, л. 14 об. — 15.

[97] Чуваков В.Н. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1997 в 6 томах. Т. 4 "Л-М". — М., 2004, с. 412, сообщено И.В. Купцовым.

[98] Дело о дворянстве Тизделей // РГИА, ф. 1343, оп. 30, д. 1126. Сообщено Е.И. Красновой.

[99] Саитов В. Петербургский некрополь. Т. 4, с. 244; Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften, Teil 1, 2: Livland, Lfg. 9-15. C.A. Starke: 1929, s. 955.

[100] Там же.

[101] Послужной список Р.А. Тизделя // РГВИА, ф. 400, оп. 12, д. 19834; Almanach de St-Petersbourg. Cour, monde et ville. 1913/14, p. 534, 573.

[102] Информация о семье Тиздель и их потомках сообщена Е.К. Кирилюк.

[103] Послужной список барона В.В. Фредерикса // РГВИА, ф. 409, оп. 1, л. 1 — 2 об., 4 об. — 5, 6 об.

[104] Список по старшинству генералам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам лейб-гвардии гусарского его величества полка к 1 января 1914 г. // РГВИА, ф. 408, оп. 1, д. 937, л. 11 об. — 12.

[105] Волков С.В. Офицеры российской гвардии. — М., 2002, с. 502.

[106] Послужной список барона Г.В. Фредерикса-Маразли // РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 50067, л. 1 — 6 об.

[107] Волков С.В. Офицеры российской гвардии. — М., 2002, с. 502.

[108] Дело о дворянстве рода Фредерикс // РГИА, ф. 1101, оп. 2, д. 316, л. 79.

[109] Дело по прошению барона Георгия Фредерикса о присоединении к его фамилии и присвоенному ей гербу фамилии и герба двоюродного деда его, тайного советника Григория Маразли // РГИА, ф. 1156, оп. 1, д. 32, л. 3.

[110] Дело о дворянстве рода Фредерикс // РГИА, ф. 1101, оп. 2, д. 316, л. 100.

[111] Старшей сестрой Марии Владимировна Охотниковой была Елена Владимировна (1888-1975), первая супруга графа Алексея Алексеевича Игнатьева (1877-1954), автора

мемуаров "50 лет в строю". После развода в 1917 она стала супругой генерал-майора Петра Александровича Половцева (1874-1964), сына государственного секретаря. Она была крестной матерью племянника — барона Георгия Георгиевича Фредерикса-Маразли [письмо барона В.Г. Фредерикса-Маразли от 12.02.2005 г.].

[112] Адрес-календарь, общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1914 год. Ч. 1, стлб. 11.

[113] Ikonnikov N.F. La noblesse de Russie (2-e edition). Tome D. 1. — Paris, 1958, p. 210.

[114] Troubetzkoi S.G. Les princes Troubetzkoi. — Labelle, Quebec, 1976.

[115] Ikonnikov N.F. La noblesse de Russie (2-e edition). Tome D. 1. — Paris, 1958, p. 210.

[116] Troubetzkoi S.G. Les princes Troubetzkoi. — Labelle, Quebec, 1976.

[117] Ikonnikov N.F. La noblesse de Russie (2-e edition). Tome D. 1. — Paris, 1958, p. 210.

[118] Almanach de St-Petersbourg. Cour, monde et ville. 1913/14, p. 358; Дворянский календарь. Т. 11. — СПб, 2003, с. 69-70.

[119] Там же.

[120] Ikonnikov N.F. La noblesse de Russie (2-e edition). Tome D. 1. — Paris, 1958, p. 210.

[121] Там же.

[122] Здесь и далее информация из письма барона В.Г. Фредерикса-Маразли от 12.02.2005 г.

[123] Дело о дворянстве рода Фредерикс // РГИА, ф. 1101, оп. 2, д. 316, л. 151.

Олег ГУБАРЬ

История Одессы: пленительная и поучительная

И в самом деле, едва ли какой другой город бывшего СССР может похвалиться столь пристальным и вместе доброжелательным вниманием исследователей — историков, литературоведов, культурологов в целом, причем не только отечественных. Феномен, миф Одессы с довольно давних уже времен занимает многих любопытствующих. Бесконечное смакование одесской экзотики трансформировало картинку самобытного города в некое текстуально, вербально, кинематографически, сценически общее место, стереотип, сувенирную (нередко пошлую) виньетку. Упрощенное толкование истории Одессы весьма забавно, поскольку меняет местами причины и следствия.

Так, упомянутый феномен видится в первую голову следствием этнической пестроты или, скажем, системы порто-франко. Фактически же все эти несомненно значимые, существенные компоненты — лишь инструментарий, необходимый для выполнения тех или иных политических, экономических, социальных задач в конкретном историческом контексте. Никто предумышленно не формировал некий "черноморский Вавилон", никому бы и в голову не пришло строить образцовую, эталонную систему порто-франко ради нее самой (искусство для искусства). Однако эти действительно яркие, контрастные, рельефные сюжеты прошлого настолько обворожительны, что за оными мощными деревьями и лес неразличим. Очарованные странники, мы, по сути, год от года занимаемся исключительно изучением ретроспективной инфраструктуры Одессы: историей градостроительства, архитектуры, этнических сообществ, всевозможных аспектов быта, включая культурные традиции, и проч. Истинные же причины, породившие этакую специфическую, пожалуй, в чем-то уникальную инфраструктуру, остаются практически без нашего внимания. Можно сказать, что мы ходим только симпатичными, привлекательными историческими тропинками.

Другим — нелегким, местами более чем прозаическим — путем пошла поистине выдающаяся американская исследовательница Патриция Херлихи, русскоязычная монография которой наконец-то вышла из печати ("Одесса. История. 1794-1914". Одесса: Optimum, 2007, 576 с.). Книга выдержала два издания в Гарварде (1986, 1991), а в 1999-м вышла в Киеве на

украинском языке. Курьезно, что киевские переводчики ухитрились переиначить Пэт Херлихи в Гэрлиги, безапелляционно навязав этнической ирландке украинские корни.

"Оптимум" поработал изрядно: по ряду обстоятельств книга была сделана в крайне сжатые сроки и, тем не менее, почти без ущерба для качества. Напротив, по сравнению с прежними вариантами она гораздо более удобна для пользователя по формату, а кроме того, снабжена значительным числом иллюстраций. Издание финансировал депутат Одесского областного совета С.Р. Гриневецкий, достойный за это благое дело самых добрых слов.

Но вернемся к содержанию монографии. В центре внимания исследовательницы — сама идеология устройства города, его функциональное назначение на различных хронологических этапах. Превосходная метафора — "Одесса есть дитя от меркантильного брака Черного моря с черноземом" — как нельзя доходчивее иллюстрирует сущность означенной идеологии. Функция нарождающегося города, помимо вскоре отпавшей военно-стратегической: стремительно вписаться в средиземноморский, то есть южноевропейский, товарный и денежный рынки за счет энергичного экспорта сельскохозяйственной продукции и импорта необходимых экзотических товаров.

Цели ясны, остается найти средства, подобрать вышеупомянутый инструментарий. В первую очередь возникает транспортная проблема: с одной стороны, это пути доставки из довольно удаленных аграрных регионов, с другой — формирование собственно городской, в том числе портовой инфраструктуры. Патриция Херлихи впервые очень скрупулезно останавливается как раз на первых звеньях этой цепочки: ее занимает непосредственно производитель, система землепользования, проблема земельной собственности, цены на местах, в Одессе и на мировом рынке, организация доставки сельхозпродукции, ее качество и т. д. При этом автор монографии, опять-таки впервые, использует, помимо всего прочего, блистательный первоисточник — консульскую переписку практически всех зарубежных дипломатов, присутствовавших на одесском театре действий и фактически занимавшихся экономическим шпионажем.

Анализ всех этих материалов выявляет сильные и слабые стороны южного региона как поставщика (на определенных этапах даже инвестора) ряда европейских стран. Обескровленная наполеоновскими войнами Европа остро нуждается в сельскохозяйственных продуктах, а Южная Россия способна удовлетворить оный спрос через Одессу, в которой, воленс-

ноленс, концентрируются мощные материальные и гуманитарные ресурсы. Принимая во внимание выкладки Патриции Херлихи, можно сделать вывод о том, что это идеология нарождающейся Одессы призвала "детей разных народов", а не наоборот. Этническое разделение труда — результат такового "призыва" лучших и умелых: греческих коммерсантов, немецких аграриев, мастеров, медиков, итальянских зодчих и мраморщиков, еврейских маклеров и ремесленников, югославянских мореходов, французских финансистов и промышленников, польских помещиков, российских заводчиков и купцов, украинских каменотесов, молдавских и болгарских огородников. Всякое этническое вливание (еще не влияние) определялось частной задачей, спонтанной потребностью. При этом все имеющиеся первоисточники свидетельствуют об ощутимой разобщенности представителей различных этнических "одеколонов" на протяжении многих десятилетий, об отсутствии какой-либо общей декларируемой идеологии. Единственной "хартией" было стремление по возможности без шероховатостей прижиться, вписаться, найти свое место в городе-фактории.

Поставленная задача была решена в кратчайшие сроки: до самой Крымской кампании Одесса отменно исполняла запланированные функции. На этом этапе система порто-франко сыграла весьма позитивную роль — как инструмент осуществления внешнеторговых операций. Исследовательница убедительно демонстрирует: не только зерно составляло важную статью южнорусского экспорта. В отдельные годы отсюда вывозилось даже больше шерсти, сала, шелка и проч. Затем пришла война, проливы оказались заблокированными, и Южная Пальмира не сумела удовлетворить спрос Европы, которая тут же переориентировалась на другие производительные зерновые рынки.

В это время слабые стороны южнороссийского хозяйствования проявились во всей своей неприглядности. Бездорожье делало доставку сельских продуктов в Одессу сезонным. Незаинтересованность сельских тружеников, пересортица зерна, отсутствие современных сельхозорудий, нашествия саранчи, засухи, высокие цены и целый ряд других моментов снижали конкурентоспособность продукции. В цивилизованных странах вывоз зерна сменялся вывозом муки, более компактно укладывавшейся в трюмах. В Одессе же вообще отсутствовали паровые мукомольни, первые из которых появились лишь на исходе 1850-х. Порто-франко серьезно тормозило развитие местной промышленности. Почему? Да потому, что при вывозе товара за черту порто-франко таможенникам невозможно было убедительно доказать, где произведен оный — в городе или за рубежом.

Возникла ситуация, сильно напоминающая нынешнюю. А именно: негоцианты, разбогатевшие на хлебном экспорте, опасались вкладывать капиталы в предприятия, ибо дело это для них было новое, непривычное, рискованное. А потому деньги активно вливались в недвижимость, как в нечто более надежное, так сказать, до выяснения. Немалые средства пошли и на покупку земли, в особенности после реформ начала 1860-х. Однако вложения последнего рода были далеко не самыми перспективными: Одесса навсегда потеряла корону мирового хлебного экспортера (гонор, правда, сохранила навсегда). Показательно, что по валу вывоз сельскохозяйственной продукции здесь продолжал расти, однако доля в мировом экспорте постоянно сокращалась. Этот миф о том, будто Украина — житница Европы, и, следовательно, выгодно скупать землю, оказался чертовски живучим. Тогда как реально поезд давным-давно ушел, и серьезно конкурировать в аграрном секторе со странами, проевшими зубы, удастся едва ли.

Монографию Патриции Херлихи можно долго цитировать и интерпретировать. Много стоят, к примеру, сюжеты, связанные с окончательно добившими город стачками и "потемкинскими событиями", каковыми мы еще недавно отчаянно гордились. А ведь после чудовищных погромов, пьяного разгула, катастрофического пожара, уничтожившего портовую эстакаду, пакгаузы, коммерческие пароходы, из Одессы ушли многие солидные инвесторы, не видевшие тут более никакой перспективы. Город все более удалялся от мировой арены в тень, превращался в самозванца, в памятник себе любимому. Впрочем, добрый ностальгический миф подпитывал и продолжает подпитывать множество талантливых одесситов, одно перечисление которых заняло бы сколько-то страниц убористого текста. Ибо только красивый миф спасает от провинциального прозябания, внушает творческий оптимизм.

Пэт Херлихи — фантастическая личность. Мы знакомы много лет, и я не устаю восхищаться, открывая все новые и новые великолепные черты. Подумать только, во времена застоя ее "пасло" КГБ: ну не могли поверить бдительные комитетчики, что иноземная барышня в классических профессорских очках бескорыстно околачивается в скучных архивах и библиотеках. А может, их настораживало повышенное внимание американки к питейным заведениям типа "Два Карла", а равно дружба с высокоинтеллектуальной алкоголической общественностью. Так или иначе, а монография вышла уже в начале перестройки.

Пэт — уроженка вольного города Сан-Франциско, американской Одессы. Ее родители переехали в США из Ирландии в поисках лучшей

доли, они, разумеется, представители католического меньшинства. Пэт как-то заметила: "Мне кажется, самый высокий, трагикомический юмор присущ наиболее потерпевшим в истории народам — например, евреям и ирландцам". У нее шестеро детей (!) — пятеро сыновей и дочь. Говорит, что всегда рожала с удовольствием и при этом как-то ухитрялась заниматься наукой. Семейство Пэт корректно назвать одесским. Один из сыновей женился на еврейке, эмигрировавшей в США из Прибалтики. И дети от этого брака воспитываются в лоне иудаизма. Другой сын женат на афроамериканке, и совместные дети, по-моему, тоже не католики. Дочь же вышла замуж за албанца-мусульманина и, естественно, все семейство почитает пророка Магомета. Но самое замечательное — когда все дети с семействами собираются в доме матери на традиционный католический праздник — День благодарения. И тогда нет среди них ни иудея, ни эллина, а есть прямо-таки православная соборность.

Я бы с удовольствием рассказал читателям о другой оригинальной монографии Патриции Херлихи — "Алкогольная Россия" (не зря водил ее по "большому и малому кругу", включая "Два Карла", "Пирожковую" в покойном "круглом доме", диетстоловую на Дерибасовской, "Вертуту" и "Белый аист" близ Нового базара, далее везде) или, скажем, о наших совместных научных и научно-художественных штудиях. Но, убежден, у меня еще будет много поводов заняться саморекламой по поводу моей любимой подруги. А пока радуюсь не только за Пэт, но и за нас с вами: хорошая, достойнейшая книга сделалась, наконец, нашим общим достоянием. Владейте. Читайте. Размышляйте. Вам зачтется.

Валентина ОНОПРИЕНКО

Шабо*

Французские швейцарцы были реформатами, немецкие — лютеранами. Церковь в колонии была, однако, общая — *Le Temple de Frinite*. При ее постройке в середине XIX в. велись длинные и бурные переговоры о том, следует на колокольне поместить петуха или крест. В результате этих переговоров решили поставить крест, а на кресте — большого расцвеченного петуха в человеческий рост, что является редкостью.

С интересом просматривается дело о реформатском пасторе колонии Шабо Франсуа Луи Бюньоне, хранящееся в ГАОО. Оно содержит переписку Попечительного комитета по жалобе шабских колонистов на тамошнего пастора Бюньона, на его недостойное поведение: угрозы изгнания и высылки за границу недовольных им, неисполнение учительской должности, отказ крестить детей без особенной платы, насильственное обращение из православного и лютеранского вероисповедания в реформатское, недостойное поведение с бывшей супругой, самоуправство, моральное разложение, занятие экстрасенсорикой и др.

Бюньон был отстранен от занимаемой должности в связи с потерей доверия и уважения прихожан, несмотря на неосновательность одних обвинений и недостаточную доказанность других. Шабские прихожане-реформаты были временно присоединены к Одесскому реформатскому приходу, а прихожане-лютеране — к Либентальскому евангелическо-лютеранскому. На время проведения следствия Бюньону было назначено место жительства в г. Аккермане под присмотром тамошней полиции. Однако пастор самовольно выехал с семьей из колонии Шабо и, прибыв в шотландскую колонию Карос в Ставропольской губернии, выполнял там должность пастора, а впоследствии и в Усткулалинском приходе в Саратовской губернии без надлежащего разрешения. Бюньон был взят под стражу и препровожден в Одессу, откуда ему удалось бежать. На Бюньона был объявлен розыск по Бессарабской области, однако ему удалось выехать в Швейцарию. Бюньону был запрещен въезд в Россию по требованию министра внутренних дел.

Дело содержит также письма Ф.Л. Бюньона в Попечительный комитет, Санкт-Петербургскую евангелическо-лютеранскую консисторию, Шабский церковный совет, своим прихожанам (подлинники и копии), прошения прихожан, др.

*Окончание. Начало в кн. 30.

Основными занятиями колонистов были виноградарство, виноделие и садоводство. Колония Шабо была одним из крупных очагов виноградарства, виноделия и плодоводства на Юге Бессарабии. Колонисты старались расширять площади виноградников. Л.В. Тардан в своих письмах к графу М.С. Воронцову просил о выделении новых виноградников для вновь прибывших семей и отмечал, что благодаря употреблению вина в колонии нет ни единого больного.

В конце 1825 г. у швейцарцев было уже 104 тыс. виноградных лоз. Особенно выделялась семья Л.В. Тардана, имевшая 25 тыс. лоз. Кроме виноградников у колонистов Шабо были плодовые сады, в которых росли сливы, вишни, яблоки, груши, шелковица, орешник. В безлесной местности им приходилось насаждать также ивы и тополя. К 1825 г. колонисты посадили 1819 деревьев и кустов разного рода.

Их опыт и знания не замедлили сказаться на количестве и качестве продукции. В 1825 г. они получили 2415 ведер вина, в среднем по 161 ведру на хозяйство. Швейцарцы тщательно отбирали виноград, удаляя незрелые и гнилые ягоды, применяли хорошие прессы и прочий инвентарь. Часть продукции виноделы отделяли для продажи, причем их вино уже в 1826 г. продавалось по 5 руб. за ведро. Высокую цену 1826 г. И.Н. Инзов связывал с повышением качества шабских вин (окрестные жители, по его сведениям, в том же году выручили только по 1-2 руб. за ведро).

В статистическом обозрении колоний иностранных поселенцев в Новороссийском крае ведомства Бессарабской конторы иностранных поселенцев за 1830 г. указано, что колонисты имеют до 224 тыс. виноградных лоз, в 1828 г. выделано 4930 ведер вина. В их садах находится 5256 фруктовых, 1068 лесных и 185 тутовых деревьев. Такие же сведения имеются и в ГАОО. Наибольшее количество виноградных лоз было у Л.В. Тардана (100 тыс.), Жана-Пьера Мейо (50 тыс.) и Марка Тардана (25 тыс.); наибольшее количество выделанного вина в 1828 г. — у Л.В. Тардана (400 ведер), Жана Луи Гери и Георга Тестю (500 ведер), Якоба Самуэля Шевалле и Жана-Пьера Мейо (400 ведер); наибольшее количество фруктовых, лесных и тутовых деревьев — у Л.В. Тардана (3317 деревьев), Марка Тардана (2441 деревьев), Георга Тестю (210 деревьев), Шарля Гранжана (125 деревьев). Побывавший в Шабо в 1853 г. профессор Горыгорецкого земледельческого института Э. Рего писал в отчете о поездке: "В Шабо каждый колонист имеет под виноградником от 2 до 6 десятин земли и получает до 1000 ведер вина, которое продается по 1 руб. серебром за ведро".

К 1871 г. в колонии насчитывалось до 3 млн. кустов и добывалось вина более 90 тыс. ведер. Всего в Аккерманском районе и колонии Шабо производство вина достигло 1 млн. ведер.

Отдельные колонисты владели крупными виноградниками (по 20-50 дес.). Так, Коре сосредоточил в своих руках 80 дес. земли. В благоприятные годы он производил около 3 тыс. ведер вина и сбывал его через собственный погреб в Одессе.

"Было время, когда в Одессе знали, любили и пели песни Беранже. Не только по-русски, но и по-французски. Проходя по Дерибасовской вечером мимо дома Черепенникова, можно было услышать раздававшиеся снизу, из французского погреба шабских вин Коре, звучные мужественные голоса, стройным хором исполнявшие застольные песни французского народного поэта. Запевалой был сам Коре, чудным и, как выражаются французы, горячим голосом — баритоном, а подхватывали припев завсегдатаи погреба Сирьяк, Аллар, Карет, Рено и другие.

Вино было хорошее, неподдельное, дешевое. И песни разливались в погребе так же свободно и задушевно, как лилось вино. Винный запах прохладного погреба..."

В 1862 году И.В. Коре Императорским обществом сельского хозяйства Южной России был присужден серебряный кубок за представленные им на выставку вина.

Наиболее уважаемыми и образованными среди колонистов были семьи Тардана (Л.В. Тардан стал членом масонской ложи "Овидий" в Кишиневе в 1821 г.) и Доньи, сумевшими привить своим потомкам любовь к краю, ставшему их второй родиной. Из этих семей вышли такие опытные мастера виноградарства и виноделия, как Шарль Тардан (сын Луи-Венсана Тардана) и Давид Доньи. Луи Тардан и его сын Шарль Тардан много и упорно трудились — были строителями и землемерами, механиками, садовниками, виноградарями, виноделами. Известное Общество сельского хозяйства Южной России, издававшее ежегодно свои труды, избрало Л.В. Тардана в 1829 г. своим действительным членом.

Шарль Тардан учился виноградарскому делу в Швейцарии. К нему как к лучшему из местных виноделов присылались ученики. В 1847 г. на выставке в Кишиневе его вина были признаны лучшими. В 1832 г. в г. Аккермане было открыто училище виноделия, превратившееся спустя три года в опытно-показательное хозяйство, которым ведал Ш. Тардан. Ш. Тардан выписывал сорта винограда и из Швейцарии. Позже, в 1909 г., вблизи Кишинева был организован Костюженский опытно-показатель-

ный сад, где имелась коллекция новых молдавских и зарубежных сортов винограда — так называемая "Французская коллекция".

Особенно следует отметить и печатные работы Ш. Тардана, много лет посвятившего изучению и развитию виноградарства Бессарабии и прилегающих к ней районов. В 1853, 1855 и 1862 гг. его труды печатались в "Записках Общества сельского хозяйства Южной России" и, кроме того, были изданы в Одессе в 1854, 1862, 1874 гг. под названием "Виноградарство и виноделие с пояснительными рисунками". Это первое по времени обстоятельное руководство по виноградарству для районов современной Молдавии и Юга Украины содержало много описательного материала и практических советов, составленных на основании большого жизненного опыта автора и знакомства его со специальной литературой и виноградарством других стран.

Секретарь Императорского общества сельского хозяйства Южной России докладывал его совету: "...Важное значение виноградарства в довольно обширной части Новороссийского края дает высокую цену... руководству и, тем более, что подобного по этой ветви промышленности до сих пор нет на русском языке — руководства разумного, применительного к здешнему краю, просто изложенного и поясненного чертежами от г. Тардана... уже более 10 лет занимающегося возделыванием винограда и виноделием, вполне можно ожидать хорошего руководства. По суду многих знатоков дела, сады г. Тардана одни из лучших во всей юго-западной части Новороссии. Кроме этого, хорошее мнение об этом хозяине подтверждается 4 медалями, данными ему на выставках за виноградные произведения и приговором Аккерманского общества".

В предисловии к своему исследованию Ш. Тардан писал: "Двадцать лет, как я оставил Швейцарию, мою родину, и поселился в тебе, благодатный Юг благословенной России. И ты принял меня как родного, предложил мне все, чем пользуются твои собственные дети, — дети великой и славной земли русской.

Поверь, что все это я глубоко чувствую и перед целым светом говорю, что нигде я не был так счастлив, как под твоим гостеприимным кровом. Я научил и детей моих чувствовать твои благодеяния, молиться за тебя, за твое благоденствие и уверен, что и они вечно будут преданы тебе, как твои родные дети, и никогда не встретишь в их числе тех неблагодарных, которых ты радушно принимала, кормила, обогатила, — и они так мало ценят доброе... Чем же я могу отблагодарить тебя, вторая, более ценная моя родина!.. Ничем... Вот несколько опытов по одной отрасли сельской про-

мышленности — первого источника твоего благосостояния; я собирал их несколько лет и, может быть, в числе их есть такие, которые не всем известны. Осчастливь же меня еще раз — позволь передать их тебе как знак моей глубокой благодарности за все твое доброе, как искреннейшее желание дать что-нибудь на твою пользу".

По свидетельству специалиста в области истории быта старой Одессы О.И. Губаря, первый виноторговый магазин Карла Ивановича Тардана помещался на Новом базаре, в доме купца Великанова. Шабские вина по цене от полутора до трех рублей серебром за ведро в середине 1850-х гг. реализовывались и в старейшем винном подвале при доме Прокопеуса, на пересечении Екатерининской и Греческой улиц (дом, именуемый в народе "Два Карла"). После кончины К.И. Тардана (1856 г.) его супруга продолжила продажу вин в этом заведении. Тогда же Карл Маркович Тардан открыл при магазине в доме Великанова погреб гуртовой и мелочной торговли шабскими и аккерманскими винами.

В 1860-е гг. эти вина продавались в большинстве ренсковых погребов Одессы (на Александровском проспекте, Екатерининской, Греческой, в Красном переулке, на базарах и т. д.) по цене два рубля за ведро красного и полтора — за ведро белого. Молодые вина можно было купить даже от 70 копеек до 1 рубля 20 копеек, по 12 копеек за кварту, и они широко потреблялись простонародьем. До второй половины 1860-х гг. это была почти исключительно продажа на розлив, и лишь с этого времени понемногу началась бутылизация, после чего шабские, аккерманские, бессарабские, одесские вина появились даже в гостиницах, ресторациях, буфетах. В 1870-1880-х гг. недорогие натуральные вина местного производства становятся неизменными в рационе практически всех слоев горожан, и только в пасхальные и рождественские дни шабское, аккерманское, манзырское, одесское сменяются на столе лафитом и сотерном.

Имена многих виноделов Шабо были известны и знамениты по всей России, в том числе и в Петербурге. Так, Давид Доньи славился изготовлением шампанских вин. Жил в Шабо и знаменитый на всю Европу винодел Андре Ансельм, выводил новые сорта винограда, которые сегодня ценятся наравне, а некоторые даже выше знаменитых французских шампанских сортов. Здание, в котором он жил, напоминало замок, оно было сфотографировано в 1895 г. и помещено в парижском журнале. Сейчас в нем располагается костно-туберкулезный санаторий.

В колонию были завезены из Крыма и из-за границы ценные европейские сорта каберне — совиньон, рислинг, мускат, пино серый, пино чер-

ный, шасла, мадлен анжевин и др. Среди них особенно славился местный сорт альварна, содержащий значительное количество глюкозы. Сведения о целебных свойствах некоторых сортов шабского винограда стали известны в первой половине XIX в. далеко за пределами Шабо. Предприимчивые хозяева построили здесь дачи и сдавали их больным, приезжавшим на лечение. В числе многих курортников в течение 20 дней, с 19 августа по 8 сентября 1891 г., в Шабо отдыхала и лечилась выдающаяся украинская поэтесса Леся Украинка. Жила она в доме Елизаветы Ивановны Тардан — внучки Луи-Венсана Тардана. Отсюда писала она в письме к матери Олене Пчелке о том, что у нее в Шабо побывал великий украинский композитор Н.В. Лысенко с семьей знаменитого библиографа из Одессы М.Ф. Комарова. Шабо привлекало внимание многих известных людей и встречало Адама Мицкевича, великого композитора Мыколу Лысенко, классиков украинской литературы И. Нечуя-Левицкого и Михаила Коцюбинского, корифеев украинской сцены, братьев Тобилевичей, И. Карпенко-Карого, П. Саксаганского, М. Садовского.

Колонисты Шабо занимались также рыбной ловлей, сыроварением, развитием шелковицы. Женщины были заняты рукоделием — вязанием и вышиванием. В часы отдыха швейцарцы музицировали, они любили музыку и знали в ней толк: шабский духовой оркестр по праву считался лучшим в уезде; играли в национальную французскую игру *jeu de boule*. Старшее поколение увлекалось разновидностью *jeu de boule-cochonnet*, которую по-русски называли "свинка". Известный писатель и этнограф А.С. Афанасьев-Чужбинский отмечал: "Может быть, покажется странным, но я не могу не сказать, что, по крайней мере, для меня колония Шаба гораздо лучше Аккермана; за одну ее улицу, обстроенную красивыми домиками, усаженную громадными белыми акациями, а далее утонувшую в садах, наполненных цветами, я не взял бы целого уездного городка с его уродливыми строениями и жалкими провинциальными затеями... У Тардана есть бочонки десятилетних и более вин, которые держатся не для продажи: таким вином не стыдно бы угостить какого угодно знатока и любителя. Крымские вина, по моему мнению, далеко уступают бессарабским, собственно приготовляемым в Шабо. Тарданы беспрерывно улучшают лозы, ездят за границу и не отстают от современного состояния виноделия. Я убежден, что если б ближайшие местности знали о шабских винах, они бросили бы разную мерзость, которую привозят из-за границы под именем вин дешевых (разумеется, сравнительно) и охотно пили бы бессарабское вино, стоящее значительно дешевле...".

Власти заботились о благоустройстве колонии. В связи с 25-летием основания колонии Попечительным комитетом были даны предписания Шабскому сельскому приказу от 18 января 1847 г.: "...Попечительный комитет... строго подтверждает сельскому приказу позаботиться принятием решительных мер к приведению колонии в тот вид и устройство, каких должно ожидать от каждого благоустроенного общества...".

Все жители Шабо проходили начальное четырехклассное обучение, многие имели среднее образование. Со времени переселения сюда немецких колонистов обязательными были французский и немецкие языки, основные предметы в церковно-приходской школе преподавались на русском языке. Церковноприходская четырехклассная школа была основана в Шабо еще в 1829 г. (*ecole paroissiale*), она насчитывала, по ведомости о количестве школ, учеников и учителей на 12 февраля 1830 г., 30 учеников и 1 учителя. В дальнейшем была построена гимназия, но лишь с 1842 г. в ней появились профессиональные преподаватели, сперва немцы, позже — представители обеих национальностей. Одним из специалистов, приглашенных из Швейцарии, был Жорж Жиро (Georges Girod), преподававший с 1892 г. и сыгравший большую роль в сохранении швейцарцами родного языка, который чем дальше, тем больше забывался, несмотря на то, что колонисты поддерживали все время связь с родиной, некоторые ездили в Швейцарию.

С 60-х годов с общего согласия колонистов в школе было введено обязательное преподавание русского языка.

К 100-летию основания колонии (1922 г.) большинство колонистов уже плохо владели родным языком и в разговоре, начатом по-французски или по-немецки, охотно переходили на русский. К этому времени лишь только 12 семейств полностью сохраняли родной язык в домашнем обиходе.

Период истории колонии с 1872 по 1905 г. характеризуется постепенным переходом ее в русло общегосударственной жизни. В 1877 г. на колонию распространяется обязательная воинская повинность. Утвержденные летом 1871 г. "Правила о поземельном устройстве колонистов" лишили швейцарцев всех прав и преимуществ, предоставленных иностранцам в Новороссийских губерниях и в Бессарабии указом от 29 декабря 1819 года. Спустя четыре года на Шабо было распространено "Городовое положение от 16 июня 1870 года", в соответствии с ним на смену прежнему общественному управлению пришли посадский голова с его помощником и секретарем. Процесс расслоения в среде колонистов ускорился.

Революция 1905 г. и последующее десятилетие — третий период, в тече-

ние которого отмеченный социально-экономический процесс ширится и углубляется. Четвертый открывается мировой войной, за нею последовала революция 1917 г. и переход Бессарабии, а вместе с ней и Шабо, к Румынии.

В 20-е годы XX в. Шабо представляло собою поселение, насчитывавшее 211 семей, из которых 30 — швейцарцы, что составляло 100 человек, добрая половина которых были немцы. Всего домов в 1923 г. было 144, из них 8 принадлежали обществу, и 136 — индивидуальным владельцам. Среди последних 9 русских фамилий. В 1940 г. осенью по договоренности с правительством СССР большая часть колонистов покинула с. Шабо. Осталось лишь несколько семей.

До наших дней сохранились лишь потомки Тевеназа, Доньи, Майер (Лоран). В Шабо сохранились следы бывшей колонии: архитектурные памятники в виде определенного типа домов, отличающихся от домов коренного населения Шабо. Это просторные высокие длинные здания, часто из красного кирпича, большинство которых было разрушено во время войны; предметы, связанные с виноградным делом и виноделием, отличные от местных орудий по форме и названиям.

По замечанию крупного советского историка Е.И. Дружининой, исследователь Южной Украины не может пройти мимо этой горстки швейцарцев, прибывших в Россию с берегов Женевского озера, так как в хозяйственной жизни края она сыграла очень крупную роль. Самые опытные виноградари Западной Европы, поселившись на месте заброшенных садов на Днестровском лимане, заложили основу образцового виноградарства и виноделия, способствовали распространению лучших сортов винограда в Бессарабии и Новороссии, передали свой опыт поселившимся в Буджаке украинцам, русским, молдаванам, немцам и др., прославились как отличные виноградари и виноделы.

В 1996 г. в Швейцарии экспонировалась необычная выставка "Шабо — швейцарское поселение в Украине". Она открылась в историческом музее города Монтре — известного туристического и культурного центра на побережье Женевского озера — и отражала историю нескольких поколений швейцарских виноделов Шабо. Экспонаты были представлены Белгород-Днестровским краеведческим музеем и отражали повседневную жизнь колонии с 1822 по 1844 г. — книги записи актов гражданского состояния, официальная и частная переписка, многочисленные фотографии. Успех выставки стал свидетельством возрастающего интереса к Украине и развития украино-швейцарских культурных отношений.

Сейчас с. Шабо одно из известнейших виноградарям Европы мест, где

в уникальных климатических условиях на песчаных почвах, овеваемых ароматами украинской степи и морского бриза, на протяжении уже нескольких веков возделывается изумительный дар природы — виноградная лоза. Со времен швейцарских колонистов здесь свято соблюдаются древние традиции виноградарства.

Переломным моментом стал 2003 год: вместе со сменой формы собственности началось возрождение былых традиций.

В мае 2004 г. рядом со знаменитыми шабскими хранилищами выросли корпуса современного "Винзавода Шабо". Так в 2004 году на рынке украинского виноделия появилось настоящее "Шабо" из самого Шабо. "Промышленно-торговая компания Шабо" — это образец компании полного цикла производства, где производитель конечного продукта несет ответственность за каждый этап технологического процесса: от выращивания винограда, создания и хранения элитных виноматериалов до производства натурального высококачественного продукта — вина под торговой маркой "Шабо".

Руководством компании (генеральный директор Э.Ж. Иукуридзе) предприняты все меры для совершенствования культивирования — были высажены чистосортные европейские сорта винограда. Из Европы завезены саженцы клоновой селекции. Клон — это лучший индивидуум, выделенный из основного сорта и размноженный в потомстве, — то есть все представители этого потомства имеют один генотип. Все растения, полученные таким образом, совершенно идентичны. В результате подобной селекции в конкретном саженце аккумулируются лучшие качества того или иного сорта. Поведение каждого куста предсказуемо, а это позволяет с высокой точностью прогнозировать урожай, что очень важно для качества вина.

Сегодня "Компания Шабо" как исключительный владелец прав на торговую марку "Шабо" является ярким примером современного винодельческого комплекса с полным циклом производства. Уникальные почвы, собственные виноградники, огромные хранилища, современное французское оборудование по переработке винограда и, наконец, новый "Винзавод Шабо", отвечающий всем требованиям евростандарта, создали такую производственную систему, которая позволяет эффективно контролировать качество от виноградной грозди до конечного продукта — вина ТМ "Шабо".

На "Винзаводе Шабо" обеспечено регулирование температуры брожения сусла. Виноделы-практики знают, что аромат винограда формируется на последнем этапе созревания ягоды и, достигнув своего пика, начинает быстро исчезать. Поэтому так важно не потерять ароматические вещества на первом же этапе виноделия в процессе переработки винограда и его

брожения. Самая большая опасность для аромата — высокая температура брожения. И тогда ароматические вещества просто выносятся в атмосферу током углекислого газа, образующегося при брожении. Поэтому контроль температуры — одно из наиболее важных условий получения высококачественных сортовых вин с ярким ароматом, созданным самой природой. К сезону виноделия 2005 г. на заводе было установлено современное европейское оборудование для охлаждения винограда и регулирования температуры брожения сусла.

Впервые в Украине на "Винзаводе Шабо" применена технология "холодной мацерации", которая позволяет извлекать ароматические вещества, локализованные в кожице винограда, при необходимой температуре. Кроме этого, мощные холодильные установки и современное оборудование для фильтрации позволяют реализовать классическую технологию производства натуральных полусухих и полусладких вин посредством остановки процесса брожения холодом: дрожжи не успевают превратить все сахара в спирт, и натуральные сахара самой виноградной ягоды остаются в вине.

На "Винзаводе Шабо" установлено современное оборудование, позволяющее применять технологию "холодного розлива". Винодел создает вино, как художник. В поисках шедевра он творит. Однако на стадии розлива его произведение винного искусства может быть уничтожено так называемым "горячим розливом" (нагревание вина). Горячий розлив обезличивает вино, делает его банальным, неинтересным, таким, "как все". Специалисты "Винзавода Шабо" избрали для себя розлив вина без предварительной термической обработки методом "холодного розлива", который полностью сохраняет вкус, цвет, аромат благородного напитка, его полезные свойства и его живую душу.

Хранилища — святая святых "Винзавода Шабо". Они имеют общую площадь около 10 тысяч квадратных метров. Это одни из самых крупных хранилищ Украины.

Особого внимания заслуживает уникальное хересное хранилище. Сухой херес — редкое вино в Украине. Выдержка и созревание сухого шабского хереса происходит в дубовых хересных бочках, расположенных в два яруса. В нижнем ряду находится наиболее зрелое вино, которое постепенно отбирается для розлива. В Украине практически нет специалистов, сохранивших древние традиции создания этого уникального напитка. В Шабо секреты рождения этого чуда передаются из поколения в поколение.

В апреле 2005 г. в Москве проходил конкурс "*Vinnya Karta Open*", на котором "Херес Украинский" от "Винзавода Шабо" был награжден се-

ребряной медалью и "Хрустальным бокалом" за лучшее вино в номинации "Хересы". Столь высокие награды были присуждены членами международного жюри, в составе которого были и специалисты с высшим титулом — Master of Wine. Специалистов по виноделию с таким титулом всего лишь 25 человек в мире. Награда, присужденная жюри такого высокого уровня, подтверждает триумфальную победу шабских виноделов.

Хорошо известен также так называемый "Королевский подвал", который был создан швейцарскими переселенцами. "Королевским" подвал назван в честь румынского монарха Карола III, посетившего в прошлом веке хранилище и оставившего там свой "королевский автограф" на каменной стене. Роспись сохранилась и по сей день.

Основные хранилища были построены еще в XIX веке и расположены на трех уровнях: нулевой уровень, 5 метров и 9 метров под землей. В шабских подвалах вино надежно защищено от звуковых и механических вибраций. Известно, что лучшая температура для хранения вина — это постоянная температура, а лучшая влажность — 75%. Все это есть в хранилищах "Винзавода Шабо". Хранится вино в дубовых бочках и гигантских бутах. Они сотворены шабскими умельцами на века. В них — ни единого шва между дубовыми клепками. Их обрабатывали с усердием и создавали с любовью.

Шабские подвалы сберегают уникальную сокровищницу. Внешне — это собрание запыленных бутылок, а на самом деле — это коллекция элитных вин. Энотека открыта для настоящих знатоков благородного напитка — членов Клуба любителей вина Шабо. Вино — это живой организм: оно не терпит агрессии, страдает и портится от шокового воздействия во время транспортировки. Важно, что подвалы находятся именно на той земле, где шабские виноделы выращивают собственный виноград, производят собственные виноматериалы и здесь же создают вино.

Завершается строительство комплекса "Центр культуры вина Шабо". Почитатели благородного напитка получат возможность ознакомиться в Шабо с культурно-просветительской программой "История вина — история Шабо", посетить старинные шабские подвалы, своими глазами увидеть процесс производства вина, а главное — принять участие в дегустации благородных вин "Винзавода Шабо".

Активно работает клуб выходного дня, особыми привилегиями пользуются члены Клуба любителей вина Шабо.

На заводе работают специалисты высшей категории, виноделы с многолетним опытом работы, ученые-энологи, доктора и кандидаты наук.

Много молодых перспективных специалистов. Главный сомелье компании — кавалер вин Сансера, кавалер вин Бюзе. Установлено тесное сотрудничество с французскими виноделами из провинции Бордо. Сегодня "Винзавод Шабо" — великолепная научная база исследований для студентов и ученых-энологов Одесской национальной академии пищевых технологий, Института виноделия и вина им. В.Е. Таирова. Основная ставка сделана на прогрессивные научные методы работы в виноградарстве и виноделии.

Благородное вино — это философия, традиции и культура, это живое существо, которое ценит любовь и заботу. Каждый, кто одарит его своим вниманием, кто поймет его тонкую душу, откроет для себя бесконечный и удивительный мир — мир вина. Вино тысячелетиями сопровождало человека, являясь мерилом цивилизации и критерием качества жизни. Вино — это вечная ценность, и "Промышленно-торговая компания Шабо" сумела сохранить эту ценность!

Побывавшие не гак давно в Шабо швейцарские виноделы — потомки первых поселенцев — издали у себя на родине книгу и написали в ней: "Нечего искать рая, истинный рай на шабской земле".

Олег ГУБАРЬ

Оценка и налог с недвижимости: ретроспектива

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры, риэлторства Одессы и связанному с ними общественному быту. Неизменный спонсор этой рубрики, агентство недвижимости "Капитал", уже 11 лет плодотворно работает на отечественном рынке недвижимости. Предлагаемый вниманию читателей материал в известной степени инновационный, ибо еще никто и никогда всерьез не занимался исследованием ретроспективного рынка одесской недвижимости, а равно соответствующей системы налогообложения, отдачи недвижимости под залог и т. п.

Налог с недвижимости всегда играл существенную роль в пополнении городской казны. Так, в росписи доходов и расходов Одессы за 1834 год полупроцентный сбор с оценки обывательской недвижимой собственности составлял 86489 руб. 90 коп., поземельный налог с отданных разным лицам городских земель под сады и другие хозяйственные заведения — 14184 руб., да сбор с мест, отводимых под застройку частным лицам, — 100 руб. (1). Последний налог был, в общем, чисто символическим — 3 копейки за квадратную сажень. Суммарно все означенные налоги простирались до 100773 руб. 90 коп.

Основную доходную часть городского бюджета тогда составлял, конечно, таможенный сбор. Расхожее мнение о том, что в эпоху порто-франко будто бы велась "беспошлинная торговля", — блеф. Если бы торговля действительно была беспошлинной, Одесса бы мгновенно обанкротилась. Другое дело, что сбор этот взимался в гораздо меньших объемах, нежели в портах с традиционным таможенным режимом — 1/5 — 2/5. В упомянутом 1834-м пятая часть таможенных пошлин давала 1061100 руб., то есть почти вдесятеро против налогов с недвижимости. Десятью годами ранее оценочный и поземельный сбор давали 11,5 тысяч рублей, менее двух процентов городских доходов (2). Однако и эти суммы компенсировали многие расходные статьи. С ликвидацией порто-франко и последовавшим строительным бумом только один оценочный сбор составлял уже треть городских доходов (3). Каким же образом формировалась величина оценочного сбора с недвижимости и как эта величина эволюционировала?

В ходе первичной застройки города не могло быть и речи о налогообложении недвижимости. Напротив, потенциальные застройщики всячески поощрялись и даже получали значительные и долгосрочные ссуды на домостроительство, но это тема отдельного исследования. Однако, по крайней мере, со времен градоначальства герцога де Ришелье наладилась оценка и налогообложение частной недвижимости. Так, в одной из архивных описей Одесской городской думы мы находим название несохранившегося дела, датированного 15 июня 1803 года, — "Оценочный список домам, принадлежащим разным жителям города Одессы, для собирания с оных в городовой доход денег" (4). Красноречивое наименование, впрочем, умалчивает о величине оценочного сбора.

Гораздо более внятную информацию по интересующей нас проблематике находим в делах фонда Одесского строительного комитета эпохи де Ришелье. 25 ноября 1810 года небезызвестный Осип Россети, карантинный инспектор и член этого комитета, пишет: "По случаю назначения меня в комиссию для раскладки на дворян и разночинцев, имеющих здесь дома, дохода в пользу города, я объявляю сим мое мнение, чтобы оклад положить с оценки домов. В рассуждение же назначения количества суммы, например, половины процента, как обложены дома в Петербурге, или, буде надобность потребует, и больше или меньше, то сие представляю я на общее рассуждение" (5). Другими словами, в Одессе еще не было фиксированного налога с недвижимости, который назначался спонтанно, с учетом текущих городских потребностей.

Члены Строительного комитета согласились с мнением Россети, и во второй декаде января 1811 года на основании предложения де Ришелье "дворянским домам сею Думою обще с городовым архитектором (Францем Фраполли. — **О. Г.**) примерная оценка учинена". При этом четко оговорено, что в городской доход следует получить не менее четырех тысяч рублей: "в пособие на содержание полиции — тысячу пятьсот, на наем воинским чинам квартир — тысячу, на освещение города — тысячу, и на наем при случившейся надобности проходящим командам подвод, ибо от дворян натурою подвод получать нет возможности" (6). Раскладку подписали городской голова Андросов, гласные Крамарев и Томилин — авторитетнейшие негоцианты. Исходя из раскладки, потребные 4000 рублей и разделили пропорционально оценке домовладений. Доход сей, как видим, назначался для покрытия конкретных расходных статей: как раз в 1811-м в городе вводилось масляное освещение, оплата полиции и квартирных денег воинским чинам была традиционной, а подводы требова-

лись проходящим воинским командам в связи с боевыми действиями российских войск на юге.

По раскладке получилось так, что с каждой тысячи оценочных денег взималось по 1 руб. 70 коп. налога, то есть всего-навсего 0,17%. И в этом нет ничего необычного, если учесть, что потребности юного города были еще весьма ограничены. 17 июля 1812 года по указанию де Ришелье этот "плавающий" оценочный сбор откорректировали: с домов, не приносящих дохода, по-прежнему взимался 1 руб. 70 коп. с тысячи, а с доходных — вдвое, то есть по 3 руб. 40 коп. Впрочем, раскладка приостановилась из-за разразившейся катастрофической чумной эпидемии и была возобновлена лишь 20 октября 1813-го (7).

А кто же, собственно говоря, занимался оценкой домостроений? Для этого существовал общественный институт присяжных оценщиков, напоминавший институцию присяжных окладчиков, назначавших сбор за содержание различных торговых заведений и помещений. Оценщики выбирались в Думе по баллотировке из числа безупречных, исправных одесских купцов и мещан. Оценка проводилась непременно в присутствии городового архитектора, с учетом качества и количества использованных строительных материалов, их устойчивости в случае пожара, прочности постройки, выгодности местоположения, доходности (8). Разумеется, оценочная стоимость здания принималась во внимание при обычной маклерской сделке, а равно публичной продаже, отдаче под залог, в опеку по "духовной" и проч. В качестве официального документа магистрат выдавал домовладельцу оценочное свидетельство.

В первой половине 1820-х оценочный сбор, идущий главным образом на квартирную повинность, сокращается до 0,15% за дома, не приносящие дохода, и до 0,3% — за доходные. Архивные дела по раскладке оценочного сбора первой половины XIX столетия служат уникальным источником по истории градостроительства Одессы. Почему? Суть в том, что момент выдачи владельческих документов (так называемых открытых листов) на то или иное строение не всегда надежно фиксируется архивными документами, относящимися непосредственно к отводу мест под застройку и контролю исполнения, многие из которых попросту не сохранились. Наличие же конкретного домостроения в оценочной ведомости свидетельствует не только о самом его наличии в данный момент, но определяет стоимость, доходность, владельцев, фиксирует (хотя и далеко не всегда) примерное местоположение.

Например, из дел, хранящихся в фондах Государственного архива Одесской области, мы узнаем стоимость и доходность домов и магазинов,

принадлежавших известнейшим лицам региональной истории: генералов Ферстера, Скаржинского, Сабанеева, князей Жевахова, Кантакузина, Лопухина, Волконского, графа Сабанского, графа Ржевуцкого, графини Потоцкой, графа Сен-При, графа Разумовского, графини Браницкой, "пушкинских домов" — австрийского консула фон Тома, двух домов Феликса де Рибаса, домов Аркудинских, Ризничей, Бларамбергов, Фундуклея, Румаре, Давыдовых, Кобле, Кошелева, Рено, Россети, Куликовского и др. (9). Из этого реестра, между прочим, видно, что 10-процентный годовой доход с недвижимости в 1823-1824 годах можно считать довольно успешным даже при тогдашнем остром дефиците элитарного жилья. Сооружения поскромнее давали гораздо меньшую прибыль.

В этих же ведомостях наблюдаем немало вычеркнутых имен. Что сие означает? А то, что вычеркнутые лица освобождены от платежа полупроцентного сбора. Это, например, священнослужители местных храмов и их прямые наследники: Федор Швайковский, Сидор Гербановский, Стефан Буряковский, вдова Воронич и др.

Не позднее начала 1830-х оценочный сбор закономерно подрос до универсального полупроцентного, столичного. Величина оценочного сбора множества значимых частных домостроений проставлена в целом ряде архивных документов, хранящихся в разных фондах. В этом смысле показательно, к примеру, дело "О доставлении в Городовой магистрат и Коммерческий суд требуемых оными сведений о домах и земле, обывателям города Одессы принадлежащим" (10). Здесь, в частности, находим опись и оценку всей солидной недвижимости видного одесского предпринимателя С.С. Великанова — дома, лавки, магазины в центре города, на Новом и Греческом рынках и др. Суммарная их оценка превышает 80000 руб., а общий налог — более 400 руб. Здесь же — оценка недвижимости таких известных представителей коммерческой элиты, как Кушниров, Сомлев, Клёнов.

Одно из дел в фондах Строительного комитета дает представление о домовладельцах, освобожденных от полупроцентного сбора в пользу города. Помимо священнослужителей и их наследников это отдельные неимущие горожане, а равно владельцы "незавершенок" — лица нередко весьма состоятельные, однако еще не достроившие дома и магазины: Гари, Маюров, Тростянский, Ризо и др. Кроме того, согласно существующим правилам, ряд солидных застройщиков увольнялся от уплаты оценочного сбора на пять лет ввиду сделанных ими существенных капитальных вложений, что в конечном итоге способствовало развитию и украшению Одессы (11).

Как и сегодня, недвижимость служила наиболее надежным залогом по любому поводу: строительным подрядам, поставкам продовольствия и амуниции в действующую армию, винным и другим откупам, банковским кредитам и проч. В разные годы Одесский строительный комитет и сам ссужал горожан деньгами на постройку домов, устройство садоводческих заведений, сооружение промышленных предприятий — как под залог существующих, так и строящихся зданий и сооружений, с общепринятой ставкой 6% годовых плюс 1% с этих процентов — на городской пожарный инвентарь (12). К слову, заемщик, подрядчик, откупщик могли ставить в залог не только свою, но и чужую недвижимость, доверенную им документально. Веритель же, естественно, получал некие оговоренные дивиденды, поскольку в той или иной степени подвергался риску. Для обеспечения надежности залогов постоянно совершенствовалось и законодательство. Скажем, регламентирующие документы 1829 года ужесточали залоги по масштабным питейным откупам. В данном случае присяжные оценщики очень строго разграничивали стоимость находящихся в залоге строений на сгораемые и несгораемые материалы. Посему при заключении откупных условий учитывалась стоимость лишь несгораемых материалов, да и то за вычетом четвертой части (13).

Оценочные ведомости служат одним из капитальных первоисточников для исследователей истории градостроительства Одессы. Со временем рукописные реестры (14), в том числе не включающие "льготников", сменяются печатными списками, в которых домовладельцы перечисляются по порядку, все без исключения, часть за частью, улица за улицей, с указанием оценочной стоимости домовладения (хотя и в этом случае местоположение отдельных объектов не всегда поддается локализации). Сюда же включены казенные и культовые здания и сооружения, освобожденные от полупроцентного платежа в городской доход (15).

Реестры оценочных сборов дают и крайне любопытные статистические сведения относительно общей динамики городской застройки. Так, из ведомостей 1863 года мы узнаем, что число домов в Одессе распределяется по частям города следующим образом: в первой — 519, во второй — 968, в третьей — 1060, в четвертой — 2013, да плюс 161 дача в той же четвертой части (16). Раскладочная ведомость 1873 года послужила основой составления одного из наиболее значимых путеводителей К. Висковского (17), по существу — поквартального перечня владельцев недвижимости.

В эти годы величина оценочного сбора возрастает до 0,75% со стоимости и до 7,5% с чистого дохода. Как и прежде, не обходится без недоимщи-

ков, почему Дума вынуждена направлять к ним специальные повестки с напоминанием о необходимости своевременной оплаты городских сборов (18). В 1875 году оценочный сбор с чистого дохода снижен до 6%, в 1876-м — до 5%, с 1880-м он возвращается на отметку 7,5%. Тогда же переоценивают все недвижимые имущества. В 1886-м оценочный сбор возрастает до 8,75%, а с хуторов, усадеб и участков начинают взимать не поземельный, а оценочный сбор. Доход с недвижимости в городскую казну постоянно возрастает, каковое возрастание обусловливается не столько, может быть, ростом налогов, сколько объективным однонаправленным увеличением стоимости самой недвижимости (19). По закону от 6 июля 1910 года, вступившему в силу в 1912-м, с городской недвижимости повсеместно, помимо Царства Польского, взималось 6% с чистой доходности.

Ретроспективный опыт дает немало пищи к размышлениям. Впрочем, изложенное — лишь первый опыт, наметки, контур дальнейшего изучения поставленного вопроса, чрезвычайно актуального в нынешний период интенсивного строительства и поэтапного перехода большей части городской недвижимости в частную собственность.

Примечания

(1). Одесса. 1794-1894: Издание городского общественного управления к столетию города. — Одесса, 1895, с. 784.

(2). Там же, с. 782.

(3). Там же, с. 794.

(4). Государственный архив Одесской области (далее — ГАОО), ф. 4., оп. 1А, д. 26.

(5). ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 52., л. 1.

(6). Там же, л. 2.

(7). ГАОО, ф. 2., оп. 5., д. 266., л. 273.

(8). ГАОО, ф. 4., оп. 1А., д. 291., л. 2-3.

(9). ГАОО, ф. 4., оп. 1А., д. 133; ф. 4., оп. 1А., д. 215.

(10). ГАОО, ф. 4., оп. 8., д. 84.

(11). ГАОО, ф. 59., оп. 1., д. 1445.

(12). ГАОО, ф. 59. оп. 1. д. 20 и др.

(13). ГАОО, ф. 4., оп. 8., д. 140.

(14). ГАОО, ф. 4, оп. 8, д. 942 и др.

(15). Список домам и прочим строениям, состоящим в I-IV частях города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке, Б. м., б. г.; см. также такой же "Список", составленный на 1873 год.

(16). ГАОО, ф. 274, оп. 1, д. 2.

(17). Путеводитель по городу Одессе. / Сост. К. Висковский, Одесса, 1875.

(18). ГАОО, ф. 4, оп. 1, д. 1982.

(19). Одесса. 1794-1894, с. 134-135.

Валентина ОНОПРИЕНКО

Личные архивы

Наверняка многим известно, что Госархив Одесской области является необычной специфической организацией, главнейшая задача которого — сохранение документального наследия нации.

Комплектование фондами личного происхождения — одно из важнейших направлений работы архива наряду с такими, как обеспечение сохранности документов, составление научно-справочного аппарата, организационно-методическое руководство и контроль над работой ведомственных архивов, использование и публикация документальных материалов.

Документы личного происхождения откладываются на протяжении одного человека или семьи и являются неотъемлемой частью источниковедческой базы.

В Госархиве Одесской области хранится 143 личных фонда, из них 88 — досоветского периода. Их состав очень разнообразен: помещики-землевладельцы, домовладельцы, городские головы, градоначальники, генерал-губернатор Новороссийского края (А.Ф. Ланжерон), профессора русского языка и словесности, гражданского права, всемирной истории, богословия, славяноведения, биологии, химии Новороссийского и Петербургского университетов, присяжные поверенные, адвокаты, военные, архиепископы, чиновники, археологи, инженеры, литераторы, артисты, общественные деятели и др.

Большинство из них поступили в архив в 20-30-е годы, уже в 1920 году было немало поступлений. В 1926 г. в госархивах Украины хранилось 110 личных фондов, из них 73 фонда находились в Харьковском историческом архиве и Одесском краевом историческом архиве, а из 39 окружных архивов личные фонды были в наличии только у двух. В 1928 г. в Одесском краевом историческом архиве уже хранилось 39 личных фондов. В 50-60-е годы личные фонды пополнились поступлениями из центральных архивов и одесских музеев.

В Госархиве хранится 55 личных фондов советского периода, поступление которых активизировалось в 70-е годы и продолжается по настоящее время. Ежегодно архивохранилища наполняются очень интересными документами ярких личностей. Состав их также очень разнообразный: ученые, врачи, деятели науки, культуры и искусства, архитекторы, заслуженные учителя, журналисты, передовики производства, старые большевики, др.

Только за 2000-2006 гг. приняты на госхранение и описаны личные фонды доктора исторических наук, проф. А.Д. Бачинского, известного одесского краеведа В.А. Чарнецкого, инженера-гидротехника И.И. Володина, доцента Южноукраинского государственного педуниверситета М.Н. Фишера, офтальмолога, академика АМН СССР Н.А. Пучковской, профессора-ботаника Ф.К. Тихомирова, доктора филологических наук профессора И.М. Дузя, правозащитницы, бывшей политзаключенной А.В. Михайленко. Сформировано 1068 дел и систематизировано 34005 документов.

Огромный интерес представляет фонд правозащитницы А.В. Михайленко. Михайленко Анна Васильевна родилась 30 апреля 1929 г. в с. Михновец Турковского уезда Львовского воеводства, входившего в то время в состав Польши. Отец — Смолий Василий Григорьевич, мать — Смолий Анна Федоровна, занимались сельским хозяйством, в семье было семеро детей. В 1914 году отца призвали в австрийскую армию, где он дослужился до фельдфебеля и воевал на итальянском фронте, был в российском плену, когда войска генерала Брусилова взяли крепость Перемышль, умер в 1936 году. В Польше до войны активно действовала "Просвіта" и разные украинские партии. В селе "Просвітою" был построен клуб, была хорошая библиотека, ставились драматические спектакли, священник создал чудесный хор, школа была украинской.

Сестра Екатерина пребывала в советских концлагерях с 1946 по 1956 гг., в 1940 году был репрессирован брат Иосиф, всего из семейства А.В. Михайленко было репрессировано 10 человек.

В 1950 году семью А.В. Михайленко переселили в Любашевский район Одесской области в связи с обменом территорий с ПНР. В 1955 году Анна Васильевна окончила Львовский учительский институт иностранных языков, работала в сельских школах Одесщины учительницей немецкого и английского языков. В 1964 году оставила учительскую работу в связи с заболеванием астмой и переехала в Одессу. Работала библиотекарем, переводчиком в бюро технической информации, воспитателем рабочей молодежи в общежитии 1-го автопарка. Тут принимала участие в подготовке и проведении стачки водителей, привлекалась к суду, но водители активно защищали А.В. Михайленко. Судья Лебедев восстановил ее на работе, начальство автопарка было осуждено.

С 1972 по 1977 год работала библиотекарем в СШ № 1, где принимала активное участие в распространении украинского языка и литературы, напоминая ученикам об их украинском происхождении и поощряя их чи-

тать украинские книги. Это стало поводом к новому преследованию, против А.В. Михайленко было возбуждено уголовное дело, которое закончилось амнистией. Ей во второй раз присуждают год исправительных работ по месту работы. А.В. Михайленко разворачивает активную правозащитную деятельность, пишет десятки писем и статей в защиту преследуемых, в частности — В. Барладяну, Н. Строкатой, Л. Лукьяненко, др. Тесно сотрудничает со всемирно известной киевлянкой членом Украинской Хельсинской группы Оксаной Мешко (30.01.1905 — 02.01.1991), которая предложила, чтобы А.В. Михайленко стала негласным членом группы, готовила к изданию в Одессе материалы группы и подписывала их от имени всех 16 ее членов.

Некоторые статьи А.В. Михайленко попадают за границу и публикуются, она становится известной среди украинской диаспоры. В феврале 1980 г. была арестована, против нее было возбуждено уголовное дело по ст. 62 (антисоветская агитация и пропаганда), согласно которой она была осуждена на бессрочное "лечение" в Казанской психбольнице специального типа (тюрьме особого назначения), где провела 8 лет (судья Одесского облсуда Р.Г. Семенова).

Уже в 1980 году Всемирная федерация украинских женских организаций выступила в защиту А.В. Михайленко. Американская "Международная амнистия" адаптировала ее как узника совести. Немало для этого сделала известная украинская правозащитница Н.А. Строкатая-Караванская, которая с 1979 года проживала в США. Организации учителей и библиотекарей защищали свою коллегу все 8 лет ее заключения, широко предоставляя ее адрес, чтобы каждый желающий мог написать письмо А.В. Михайленко или послать посылку, бандероль.

Вследствие принудительного лечения у А.В. Михайленко на два года отнялась речь.

Борьба за нее велась все годы ее заключения. В 1987 году Американская "Международная амнистия" избрала А.В. Михайленко символом работы этой организации в мире.

Возле Кембриджской публичной библиотеки было посажено дерево и установлен памятный знак в честь А.В. Михайленко.

1 декабря 1987 года 42 сенатора США подписались под письмом к Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву в защиту пяти женщин, преследуемых в СССР: Анны Михайленко, Сирвард Авагян, Валентины Пайлодзе, Елены Санниковой и Анны Чертковой.

Президент США Р. Рейган лично обратился к М.С. Горбачеву во вре-

мя встречи с ним в Москве с просьбой освободить политузников. В мае 1988 года А.В. Михайленко была освобождена.

Через год по приглашению Американской "Международной амнистии" посетила США. Две специально проведенные экспертизы известных врачей-психиатров пришли к выводу, что А.В. Михайленко психически здорова, и никогда раньше не болела.

В 1991 году А.В. Михайленко была реабилитирована. Активно занималась общественной и политической деятельностью. Была одним из организаторов "Просвіти" в г. Одессе и Комитета солдатских матерей, возглавляла Одесскую организацию Всеукраинского общества политузников и репрессированных.

С 1992 по 1998 год А.В. Михайленко возглавляла (с перерывами) Одесскую организацию Украинской консервативной республиканской партии. Вместе с этими организациями принимала активное участие в борьбе за независимость Украины, принимала участие в пикетировании Верховной Рады УССР 21-24 августа 1991 года, в составе одесской делегации доставляла в Верховную Раду сине-желтый флаг, который ныне развевается на ее куполе.

На международном уровне представляет Одессу в Американской ассоциации библиотекарей и в Американской ассоциации советских политузников.

В 2002 году Указом Президента Украины Л.Д. Кучмы награждена пожизненной именной стипендией как пострадавшая за правозащитную деятельность.

26 ноября 2005 года Указом Президента Украины В.А. Ющенко была награждена орденом княгини Ольги III степени.

В 2006 году документы были описаны, и составлена опись на 145 дел.

Опись фонда А.В. Михайленко включает биографические материалы: автобиография, анкеты, характеристики, диплом об окончании Львовского учительского института, членская карточка Американской ассоциации библиотекарей, удостоверения, справки, мандаты, др. (1955-2003 гг.); материалы по незаконному осуждению А.В. Михайленко, ее реабилитации: жалобы А.В. Михайленко на незаконность сфабрикованных уголовных дел и ходатайства о восстановлении ее в гражданских правах, определение судебной коллегии по уголовным делам Одесского облсуда по делу А.В. Михайленко, протоколы обысков, акты амбулаторных и стационарных судебно-психиатрических экспертиз, обращения мировой общественности (сенаторов, губернаторов США, Американской "Международ-

ной амнистии") к советскому руководству (Л.И. Брежневу, М.С. Горбачеву) о незаконном осуждении А.В. Михайленко по политическим мотивам и ее освобождении, справка о реабилитации, др. (1973-1997 гг.); материалы правозащитной, политической и общественной деятельности: поручения организации ячеек общества "Південна громада" на территории Любашевского района Одесской области и ячеек Украинской христианской партии независимых женщин в г. Одессе, документы о ликвидации АРО "Пассаж" и деятельность А.В. Михайленко как председателя Комитета защиты прав человека Одесской облорганизации Украинской консервативной республиканской партии, приглашения на Всемирный конгресс украинских политузников, собрания Всеукраинского общества репрессированных и общества "Мемориал", Рады Руха, научно-практические конференции, литературно-художественные вечера, празднование 25-летия Украинской Хельсинской группы, приглашения в США, др. (1980-2003 гг.); материалы об А.В. Михайленко: доклад американской комиссии психиатров и юристов об оценке последних изменений в советской психиатрии, подготовленный по результатам визита в СССР в марте-апреле 1989 г. (имеются сведения о А.В. Михайленко, к которой применялось принудительное лечение в Казанской спецпсихбольнице), брошюра Н.А.Строкатой об А.В. Михайленко "Преследование украинских женщин в СССР", журнальные и газетные статьи об А.В. Михайленко, др. (1981-2001гг.); имущественно-бытовые материалы: ходатайство А.В. Михайленко на имя одесского городского головы Р.Б. Боделана о предоставлении ей благоустроенного жилья, почтовые квитанции, др. (1990-2000 гг.); переписку (1974-2005 гг.); материалы, отложившиеся в фонде А.В. Михайленко: книга Г. Змиенко-Сенишин "Пересаджені квіти України" (известная украинская общественная деятельница в диаспоре, дочь генерала Украинской Народной Республики одессита Всеволода Змиенко), списки членов одесского общества "Південна громада" и областных ячеек политических партий и их лидеров, документы об известном одесском правозащитнике О.Г. Коденчуке, Устав и программа Украинской Консервативной Республиканской партии, брошюра Н.А. Строкатой об известной украинской правозащитнице О.Я. Мешко "Преследование украинских женщин в СССР", газетные статьи о Н.А. Строкатой-Караванской, предвыборные листовки и программы партий и блоков, газеты и листовки по истории "оранжевой" революции, газеты, газетные вырезки, в т. ч. националистические "Горнило", "Соціал-націоналіст", "Нескорена нація", "Ідеаліст", "Незборима нація", "Нація і держава", "Український самвидав", "Смоло-

скип України" др. (1917-2006 гг.); фотографии (1929-2005 гг.); материалы сестры П.В. Смолий: акт судебно-медицинского освидетельствования, жалобы П.В. Смолий на незаконное осуждение А.В. Михайленко, переписка, др. (1980-1995 гг.).

Уникален фонд фотографа, члена Национального союза фотохудожников Украины Л.С. Сидорского (ок. 15,5 тыс. документов). Он содержит документы творческой деятельности Л.С. Сидорского — фотографии, слайды, фотонегативы, компакт-диски всех сфер жизни общества (1960-е — 2006 гг.), в т. ч. съемки известных художественных фильмов — киношедевров советского кино — "Д'Артаньян и три мушкетера", "20 лет спустя", "Виконт де Бражелон", "Место встречи изменить нельзя"; газетные, журнальные статьи, фоторепортажи, фотовернисажи, фотоэтюды Л.С. Сидорского, яркие, красочные календари, дипломы, почетные грамоты; книги известных писателей и поэтов с дарственными надписями (Игорь Божко, Иван Рядченко, Владимир Гоцуленко, Николай Степанов, Станислав Стриженюк, Василий Давиденко); каталоги 1, 2, 3-го Одесских международных салонов (2002-2004), где выставлялись работы Л.С. Сидорского, а также множество музейных предметов — медали, нагрудные знаки, коллекционные значки. И именно по фонду Л.С. Сидорского будущие исследователи уже через 100 лет будут восстанавливать облик Одессы 2000 года.

Сейчас Госархивом проводится большая работа по организации приема на госхранение личных фондов участников Великой Отечественной войны, и если среди уважаемых читателей есть участники Великой Отечественной войны, которые могли бы передать свои документы, представляющие интерес для будущих поколений (фронтовые письма, фронтовые газеты, личные награды, дневники, фотографии, др.), будем рады сотрудничеству.

Сейчас также готовится научно-справочное издание "Личные фонды Госархива Одесской области", которое, несомненно, значительно облегчит поисковую работу исследователям.

Михаил ГАУЗНЕР

Дорогие мои старики

Сарре Соломоновне
т-lle Хасилевой
В м. Калюс Подольской
губ.

Милая Сонюша! Только что благополучно прибыл в Харьков, чувствую себя прекрасно. Крайне сожалею, что я лично лишен удовольствия поздравить тебя с днем рождения. А потому мысленно желаю тебе истинного счастья и долголетия. Любящий тебя Давид. Приветствую всех.

Харьков. 14.IV.1903 г.

Автор этой открытки, написанной изящным каллиграфическим почерком, — двадцатидвухлетний Давид Гаузнер, который адресовал ее своей невесте. На одной из сохранившихся его фотографий того времени — молодой человек в двубортном сюртуке с двумя рядами пуговиц; средняя расстегнута, что позволяет вставить внутрь кисть руки, от которой видна только белая манжета. Твердый стоячий воротничок охвачен темным шейным платком, выступающая часть которого закреплена заколкой со светлым камнем. Красивое лицо с правильными чертами, зачесанные назад гладкие темные волосы, густые черные брови и такого же цвета большие усы.

Мой будущий дед смотрит прямо на меня. Он легко узнаваем, хотя в моей памяти и на сохранившихся поздних фото его волосы совершенно белые, усы неопределенного цвета, прокуренные, а вот брови — такие же, черные и густые.

На другом фото — высокая молодая женщина в полный рост. Она стоит рядом с задрапированным тяжелой портьерой столиком, видна его гнутая резная ножка в виде фигурки со скрещенными на груди руками. На женщине длинное, до пола, белое платье, расшитое темными цветами, на высоком воротнике и подоле — темные аппликации.

Густые черные волосы расчесаны на пробор. С шеи на грудь свисают на цепочке круглые часы. Теперь они принадлежат моей дочери — были

подарены ей на двадцатилетие; их открывающаяся крышка, покрытая переливающейся синей эмалью, памятна мне с детства. На меня смотрит моя будущая бабушка, которой тогда тоже было двадцать лет.

Обе фотографии на плотном тисненом паспарту прекрасно сохранились. Они выполнены в июле 1903 года, незадолго до свадьбы.

К сожалению, старых семейных реликвий сохранилось немного — несколько открыток, фотографии обоих прадедов, прабабушек и те две, описанные выше. Пара дедовских подстаканников с гордо плывущими лебедями (один из них я передал в музей) — непонятно, как удалось их сохранить в череде сложных и драматических событий, которых было немало.

На полке моего книжного шкафа стоят часы в деревянном корпусе, но им лет на пятьдесят меньше. В верхнем углу корпуса табличка с монограммой "Дорогим юбилярам от потомков двух поколений. 27.XI.1953 г.". Этот текст я, первокурсник, сочинил к золотой свадьбе деда и бабушки. Часы прекрасно идут, я более пятидесяти лет с удовольствием их два раза в месяц завожу.

У деда и бабушки было трое детей. Младшая, Танечка, умерла в 1919 г., десятилетней, то ли от тифа, то ли от скарлатины — время было такое, что умирали и от более легких хворей. Старший сын Юзя ушел в сорок первом на фронт и, не успев написать ни одного письма, погиб. Средний сын, мой отец Яков Давидович, дожил до 79 лет, был крупным инженером и организатором производства.

Дед и бабушка жили вместе с нами все годы — в Одессе, в эвакуации, и после возвращения — снова в Одессе. Все мое детство, юность и первые молодые годы прошли рядом с моими любимыми стариками, о которых мой рассказ.

После свадьбы дед и бабушка поселились в Могилеве-Подольском, где дед держал мануфактурный магазин. В начале двадцатых годов они, как-то уцелев в смутное время гражданской войны, перебрались в Одессу.

Дед познакомился и подружился с недоучившимся студентом-медиком Алексеем Николаевичем Азаровым, "вычищенным" из мединститута за непролетарское происхождение. Азаров был разносторонне способным человеком. Он придумал и сделал полуавтоматическое устройство для изготовления особых долгоиграющих (как говорили тогда — "многократных") патефонных иголок, которые до затупления служили в несколько раз дольше обычных. Дед работал в качестве слесаря и как бывший коммерсант организовывал сбыт продукции. От утонченной внешности молодого человека с фотографии вскоре не осталось и следа — приходилось выживать и приспосабливаться к реальным условиям жизни.

Как-то к деду от имени могилевских знакомых обратился приехавший оттуда молодой человек по имени Григорий Пильдиш. Впоследствии и дед, и отец говорили, что он вполне мог бы стать одним из прототипов Остапа Бендера. Впервые появился он утром, когда дед уже ушел на работу, а отец собирался на занятия в техникум. Поинтересовавшись, где отец учится, Григорий сказал, что ему это, пожалуй, подойдет.

В техникуме ему удалось получить адрес директора. Явившись туда, когда директор завтракал, Григорий заявил, что он готов разделить с ним трапезу, а потом обсудить вопросы, безусловно заинтересующие директора. После занятий мой изумленный отец узнал, что Гриша зачислен студентом — в середине учебного года и, скорее всего, без необходимых документов. Чем взял Гриша директора, осталось неизвестным.

Когда в техникуме состоялось общее собрание, Гриша выступил с речью и так покорил аудиторию, что был избран председателем учкома. С тех пор он совершенно не отягощал себя посещением занятий и полностью сосредоточился на общественной деятельности. Неизвестно, чем она закончилась бы для студентов и преподавателей (а ведь тогда именно студенты решали, оставлять ли преподавателей на работе), но вскоре Гриша перестал появляться и в техникуме, и в семье деда.

Через некоторое время на Дерибасовской отец встретил Гришу, ведущего под руки двух расфуфыренных девиц. Увидев отца, он радостно воскликнул: "Яша!" — и широко раскинул для объятий руки. Девицы при этом разлетелись в разные стороны, и об их существовании Гриша больше не вспоминал. Он пригласил отца и его друзей в "Тамбринус", не желая слушать их робкие отговорки насчет отсутствия времени (а в действительности — денег). По дороге на вопрос "чем занимаешься?" он ответил, что организовал и возглавил профсоюз трубочистов, предъявив в качестве доказательства массивный золотой портсигар с выгравированной надписью: "Дорогому председателю от благодарных трубочистов". Друзья отца смотрели на него и слушали, разинув рты.

В "Тамбринусе" Гриша делал заказы на всю компанию, пока не кончились деньги. После этого он предложил отцу и еще одному из участников гулянки ненадолго отлучиться с ним "по делу". Была уже ночь. Они вошли в парадное какого-то дома (кажется, на Соборной площади). Гриша оставил их на междуэтажной площадке, поднялся и позвонил в дверь одной из квартир.

После нескольких настойчивых звонков дверь открылась, и отец с другом услышали примерно такой разговор: "Григорий Ефимович, это Вы? Что случилось? Ведь уже ночь!" — "Ситуация не терпит отлагательств. Завтра финотдел нагрянет к Вам с проверкой. Есть мнение: все конфисковать, дело закрыть, а Вас посадить. Если утром не решить вопрос (ну, Вы понимаете), то потом я уже ничего не смогу сделать", — "Григорий Ефимович, Вы мой благодетель. Сколько нужно дать?" Дальше следовали реплики вроде: "Ну, не знаю, не знаю... Вы сами должны понимать... Может быть, и хватит, но не гарантирую... Решайте сами...". Потом за дверью зазвучал встревоженный женский голос, и нэпман громким шепотом сказал: "Розочка, солнышко, это наш спаситель Григорий Ефимович. Быстренько принеси деньги. Какое счастье, что у нас есть такой человек!".

Когда Гриша с довольным видом спустился к друзьям, отец осторожно спросил: "Значит, ты сейчас работаешь в финотделе?". Гриша рассмеялся: "Яня, не забивай себе голову глупостями. Я похож на счетовода? Пошли, будем продолжать".

Из его веселых розыгрышей отец запомнил спор о чае. Гриша поспорил на приличную сумму, что выпьет подряд десять стаканов чаю с лимоном. Ударили по рукам. Попросив у буфетчика пустой чайный стакан и несколько лимонов, Гриша выбрал из них один, плотно входивший в стакан так, что над ним почти не оставалось места. Потом налил до вер-

ха стакана чай и выпил, сделав это десять раз. В ответ на возмущение поспоривших сказал: "Разве я нарушил условие спора? Ведь действительно были 10 стаканов чаю с лимоном!". Формально он был прав.

Время от времени Гриша неожиданно появлялся в квартире деда, шокируя его и бабушку необычными историями из своей жизни. Однажды он рассказал, что стал уполномоченным по подписке на газеты одного из московских издательств. Из его недоговорок было ясно, что значительная часть полученных денег (если не все) оседает в Гришиных карманах. При следующем посещении он сказал, что "одесский климат стал ему вреден", и он уезжает. На вопрос деда "куда?" он ответил запомнившейся отцу фразой: "Давид Иосифович, на мой век дураков хватит".

Потом к деду приходили из "органов" и спрашивали о Грише и его возможном местопребывании, о котором дед действительно не знал. Говорили, что Гриша объявлен во всесоюзный розыск.

Через несколько лет общий знакомый рассказал деду, что встретил Гришу в небольшом городке вроде Умани, где тот работал... замначальника уголовного розыска — естественно, под другой фамилией. Разве не похож этот человек своей оборотистостью, авантюризмом, актерскими способностями и умением убеждать на "великого комбинатора"?

В начале тридцатых годов началась кампания конфискации золота и драгоценностей у "нетрудовых элементов", названная одесситами "золотухой". Деду вспомнили его буржуазное прошлое (видимо, кто-то "настучал"). Пришли с обыском, перевернули все вверх дном, ничего не нашли, но деда арестовали и пообещали держать в тюрьме до тех пор, пока он не сдаст золото и драгоценности, накопленные нетрудовым путем и так необходимые советскому государству.

Моя мама, незадолго до этого вошедшая в семью Гаузнеров, пошла к следователю и предложила себя в качестве заложницы вместо свекра, больного "грудной жабой" (так тогда называли стенокардию, которой страдал дед). Она будет сидеть, а в квартире пусть ищут как хотят, хоть полы вскрывают — она уверена, что ценностей нет. Видимо, на следователя произвела впечатление молодая, очень красивая и решительная женщина, и деда, продержав в тюрьме какое-то время, отпустили.

Интересна история о том, как мой дед чуть не стал миллионером. За пару лет до войны его неожиданно вызвали в НКВД, которое одесские острословы по аналогии с Госстрахом (страховым обществом) называли Госужас. Вполне понятно, что у деда эта организация вызывала именно такие ассоциации.

Однако опасения оказались напрасными. Ему объявили, что во Франции умер его дальний родственник — миллионер, не имевший наследников, завещавший разыскать в России своих родственников и передать им его состояние: завод, виллу, солидный счет в банке. Нашли нескольких Гаузнеров, и среди них в Одессе — деда.

В то время наличие родственников за границей было чревато большими неприятностями. Естественно, дед стал отказываться и от родства, и от наследства. Ему популярно и доходчиво объяснили, что отказываться не следует, но после того как деньги поступят в нашу страну, он сможет передать их детскому дому или на другие нужды государства. Пришлось деду писать и оформлять официальные бумаги, заверять их, оплачивать пошлину и т. д. При этом он продолжал бояться — жизненный опыт подтверждал, что для этого есть основания.

Оформление затянулось, началась война, и "компетентным органам" стало не до деда, а ему — не до наследственных дел. Но через пару лет после войны деда нашли в Свердловске, где он вместе с моим отцом работал на военном заводе, и все повторилось — дед пытался отказываться, потом оформлял, заверял, платил.

В 1949 г. семья переехала из Свердловска в Одессу и появилась надежда, что деда потеряли. Но не тут то было — через пару лет деда опять нашли, и все пошло по третьему разу. Наконец, в один прекрасный день дед пришел из НКВД домой, и на его лице отражалась смесь облегчения с разочарованием. Он объявил, что наследство получено, и предложил угадать его величину. Это не удалось никому.

Оказалось, что за годы войны и послевоенной разрухи наследство превратилось в ничто — завод и вилла были разрушены, деньги на счете дважды подверглись девальвации, а оформление наследства во Франции влетело в большую сумму. Короче говоря, суммарные затраты деда на трехразовое оформление значительно превысили какую-то смешную сумму, им полученную. Во всяком случае, в детский дом передавать ее было неудобно. С тех пор деда долго называли "миллионером".

После возвращения в Одессу дед вновь встретился с А.Н. Азаровым, они восстановили установку и возобновили производство (а дед — еще и сбыт) многократных патефонных иголок. Деду к тому времени было 68 лет, работать было нелегко. По характеру и из-за развившегося ухудшения слуха он был немногословен. Очень любил читать. Раз в неделю, в пятницу, приносил из библиотеки (почему-то в авоське — были такие плетенные из ниток корзинки, которые можно было носить в кармане) не-

сколько книг. Руки его пахли керосином. Отфыркиваясь, он умывался на кухне, на полу образовывалась лужа (ванной пользовался только по выходным, и переубедить его не удавалось), обедал и ложился на свою кушетку читать.

В общих разговорах дед обычно участия не принимал, а если встревал, то коротко и афористично. Когда при нем пожалели общего знакомого, которому изменяет красавица жена, дед оторвался от чтения очередной книги и без улыбки сказал: "В хорошем деле хорошо иметь и пятьдесят процентов".

Все, что бабушка готовила, дед ел с удовольствием, после чего говорил: "Спасибо, Сонюша", — и целовал ей руку. Но были два продукта, которые дед не употреблял и незаметно отодвигал от себя, если они оказывались рядом с ним где-нибудь за общим столом, — горчица и голландский сыр. Однажды я пристал к нему и стал настойчиво спрашивать, чем вызвана такая неприязнь. Дед ответил: "Я удивляюсь твоему вопросу. Ее — за вид, его — за запах".

Я очень любил разговаривать с ним "за жизнь". Юности свойственно желание поскорее завершить теперешний этап и приступить к следующему, более интересному. Как-то я эмоционально излил ему очередное свое нетерпение: "Скорей бы уже...". Он усадил меня рядом и сказал: "Мишенька, не надо спешить жить. Жизнь — это путь через гору. Сначала карабкаешься вверх, и хочется поскорее преодолеть подъем. Постепенно путь становится более пологим, а затем — ровным, ты уже не спешишь и думаешь, что это надолго. Незаметно начинается уклон, которого ты вначале не замечаешь. Потом уклон увеличивается, ты невольно все больше и больше ускоряешь шаг. Пытаешься притормозить — не получается, ноги сами несут тебя вниз. А потом — обрыв... Так что не спеши, радуйся жизни".

Все члены нашей семьи работали, а бабушка, как говорили тогда, вела дом. Она была спокойной, выдержанной. Не помню, чтобы когда-нибудь повысила голос, проявила раздражение или недружелюбие. Людей видела, как говорят, насквозь. Бывало, ко мне приходил новый знакомый, с которым бабушка, впустив его, могла обменяться несколькими незначительными фразами. После его ухода она давала этому человеку характеристику, настолько близкую к истине, что я поражался.

Каждая вещь была у нее на предназначенном ей месте, все делалось четко, рационально, неторопливо. Иногда она по чьему-то адресу позволяла себе высказывание: "Беспорядок в жизни", — это была максимально возможная для нее степень осуждения.

Спешка и суетливость были для нее неприемлемыми. Однажды мы с женой торопились в театр. Я примчался с работы, быстро умылся и переоделся, на еду уже времени не оставалось, и мы побежали, рискуя опоздать. На следующий день бабушка расспросила нас о спектакле, задала несколько вопросов, а потом сказала: "Честно говоря, не понимаю, как вы смогли воспринимать спектакль, едва переведя дух уже в зрительном зале. Мы посещали театр довольно редко, но этот день строился по-особому. Дедушка приходил с работы днем, обедал и больше туда не возвращался, отдыхал. Выходили из дома задолго до начала спектакля (а жили они в полутора кварталах от театра), брали извозчика и медленно ехали по Пушкинской до вокзала и обратно. Смотрели на людей, на витрины, потом не спеша гуляли по фойе театра, раскланивались со знакомыми. Понимаете, мы настраивались на восприятие спектакля, на получение удовольствия. А как вы, не переключившись... непонятно".

Ей действительно многое в нашей жизни было непонятно, но она, как правило, не позволяла себе вмешиваться, и тем более — навязывать свое мнение. Услышав, как я непрошено и по молодости чересчур настойчиво пытаюсь переубедить кого-то из товарищей, она потом сказала мне наедине: "Не пытайся надеть свою голову на шею другого человека — она ему не подойдет, а ты можешь остаться без головы". Преувеличение, но как образно!

Обычно бабушка готовила простые блюда, но по праздничным дням на столе обязательно появлялись традиционные кушанья — фаршированная рыба, цимес, кисло-сладкое жаркое, куриная шейка. Коронным блюдом бабушки были вертуты из так называемого вытяжного теста, кусочек которого величиной чуть больше крупного абрикоса она умудрялась растягивать на большом старинном столе так, что через него был виден свет лампы (я специально экспериментировал). Когда лист теста занимал всю поверхность стола, он разрезался на полосы, в которые заворачивались (отсюда название) разные начинки: мясо, творог с изюмом, яблоки, крутые яйца с зеленым луком. Тончайших слоев теста было не менее 10-12, вкус необыкновенный. Даже в те времена, когда еще были живы старые хозяйки, сохранившие традиции одесской кухни, это бабушкино произведение было единственным в своем роде. Если теперь в витрине магазина я вижу под названием "вертута" кусок пирога из теста, в пару толстых слоев которого что-то завернуто, я вспоминаю бабушку и ее кулинарный шедевр.

Когда бабушке исполнилось 82 года, мы отметили ее день рождения. Деда и большинства ее сверстников уже не было в живых, но более моло-

дые родственники и наши друзья собрались, чтобы ее поздравить. Я отчетливо помню, как она вышла к гостям: черное платье в белый горошек, белый отложной воротник, гладкие волосы стянуты сзади, прямая спина, прекрасная осанка. Села во главе стола, благожелательно и живо реагировала на тосты в ее честь. Потом попросила меня налить рюмочку ее любимого вермута, встала и спокойно сказала: "Дорогие, я очень благодарна вам за пожелания, особенно потому, что это уже в последний раз". Все замерли, а я не выдержал: "Бабушка, да что ты такое говоришь?". Она невозмутимо ответила: "Мишенька! Моя мама, тетя, старший брат прожили около 83 лет. Мы, Хаселевы, живем только до этого возраста". Это было в конце апреля, а в сентябре она умерла, проболев недолго.

Становясь старше, я все чаще вспоминаю деда и бабушку, их добрые лица и заботливые поступки, образные сравнения и мудрые высказывания. Этими строками я в меру своих сил постарался рассказать об этих хороших людях — моих дорогих стариках.

Инна РИКУН

Ищите и обрящете, или Поиск сведений об одесских ученых в Интернете

В последние годы резко возрос интерес к историко-биографическим исследованиям. Многие библиотеки работают над биобиблиографическими пособиями, опубликовано множество книг и статей, посвященных деятелям украинской истории, науки, культуры. Библиографами Одесской государственной научной библиотеки имени М. Горького накоплен многолетний богатый и ценный опыт в области биобиблиографии и биографистики. На современном этапе создание научной биографии требует использования не только традиционных видов поиска: библиографического и документально-фактографического, не только поиска в архивах, но и поиска в Интернете. Автор статьи делится своим опытом поиска сведений об одесских ученых в мировой информационной сети, которые были использованы при создании справочника "Ученые вузов Одессы".

В начале 90-х годов библиографы Одесской государственной научной библиотеки имени М. Горького начали собирать материалы для справочника "Ученые вузов Одессы. Естественные науки". Справочник состоит из пяти частей: "Геологи. Географы", "Математики. Механики", "Химики", "Физики. Астрономы" и "Биологи". Из-за большого объема материала каждая из частей поделена хронологически на два выпуска: 1865-1945 гг. (где 1865 г. — год основания Новороссийского университета) и с 1945 г. по сегодняшний день. В справочнике приведены биографии ученых, сведения о направлениях их научной деятельности и вкладе в развитие соответствующей области знаний, участии в общественной жизни. Уже увидели свет восемь из десяти указателей, включающие в себя 418 биографий.

Работа в области биографистики оказалась и очень увлекательной, и очень сложной. Для поиска биографических данных вначале использовались традиционные виды поиска: библиографический и документально-фактографический. Почти сразу стало понятно, что не обойтись без работы в архивах, а со временем пришла уверенность, что информацию, которая не нашлась ни в печатных источниках, ни в архивах, удастся добыть в Интернете.

Оказалось, что библиограф с его огромным опытом традиционного поиска, с выработанной интуицией, умеющий четко формулировать идею, разбивать ее на составные части, знающий об альтернативных ва-

риантах, знающий многое о том, что он ищет, имеет все шансы стать первоклассным пользователем Интернета.

Приведу примеры поиска материалов об одесских математиках, физиках, астрономах, без которых их биографии были бы неточны и неполны, а то и вовсе остались бы не написанными.

Математик Тимош (Тимофей) Михайлович Василишин (1891-1961) в 1925 году приехал из Галиции в Одессу, где перед ним открывалось значительно более широкое поле научной и преподавательской деятельности. Вначале судьба его складывалась вполне благополучно, он стал профессором Института народного образования (ИНО), возникшего вместо ликвидированного Новороссийского университета, затем заведовал кафедрой Физико-химико-математического института, одновременно был профессором Института инженеров водного транспорта. Удивляться такой востребованности не приходится, ведь в 1920-х — начале 1930-х годов в Украине проводилась политика украинизации, преподавание в вузах, техникумах, школах переводилось на украинский язык, и преподаватель — носитель языка имел возможность быстро продвигаться по служебной лестнице. Ученый был соавтором книги "Російсько-український словник математичної термінології та фразеології. Алгебра", одного из первых подобных словарей в СССР, который сыграл позитивную роль в становлении и развитии математической терминологии на украинском языке.

В конце 20-х годов началось наступление на украинское возрождение. Был организован печально известный политический процесс по делу несуществующей подпольной организации "Союз визволення України" (СВУ). Подсудимые обвинялись в антисоветской пропаганде, контрреволюционной деятельности с целью свержения советской власти и возрождения Украинской Народной Республики.

Процесс длился 40 дней — с 9 марта по 20 апреля 1930 г. Проходил он в помещении Харьковского оперного театра, и народ так отозвался на это представление: "Музыка ГПУ, опера СВУ". Процесс СВУ повлек за собой волну арестов и преследований, в первую очередь, в системе Всеукраинской академии наук (ВУАН).

Василишина, который был первым секретарем математико-естественнонаучной секции Одесского научного общества при ВУАН, арестовали в январе 1931 г. и в марте 1933 г. осудили на три года исправительно-трудовых лагерей.

Как же сложилась дальнейшая судьба ученого, столь типичная для того времени? Ни в областном, ни в вузовских архивах выяснить это не удалось.

Помог Интернет. Оказалось, что на сайте Уфимского авиационного института (УАИ) среди сведений об истории этого учебного заведения, о людях, которые там преподавали, были сведения и о Василишине. Там ни слова не сказано об одесском периоде жизни ученого, об аресте, лагерях. А о том, чем он занимался после освобождения, можно догадаться лишь по туманной фразе: "До института работал на крупных гидротехнических стройках".

Василишин преподавал в УАИ в 1943-1958 гг., заведовал кафедрой аэродинамики и гидравлики (1945-1956), одновременно был деканом факультета авиационных двигателей (1946-1950) и механико-технологического факультета (1950-1955). Он создал в институте гидравлическую лабораторию, изготовил ряд оригинальных приборов. Реабилитировали Василишина в 1993 г., через 32 года после смерти. Кстати, на сайте УАИ нашлась и точная дата его кончины (23.12.61). Те, кто работает в области биографистики, знают, что именно этот факт установить сложнее всего. Так благодаря Интернету соединились две половинки жизни ученого и педагога, и теперь его полная биография заняла свое место в Энциклопедии современной Украины.

Если при поиске сведений о Василишине оказалось достаточно набрать его фамилию, имя и отчество в поисковой системе, то при написании биографии физика П.А. Талько-Гринцевича (1891-1952), его ровесника, этот путь результатов не дал. Помогла его редкая фамилия. Сначала нашлись сведения о его сыне, к сожалению, покойном, потом — упоминание фамилии в докладе о развитии архивного дела в Сибири. Удалось установить место работы невестки ученого и с помощью директора этого учреждения связаться с ней. Присланные ею материалы также помогли связать две части биографии физика. Он работал в Одессе в 1923-1929 гг., был профессором ИНО, вел исследования по рентгенофизике, получил интересные результаты при исследовании поглощения рентгеновского излучения одесским строительным камнем, написал одно из первых в Украине пособий по физике для высшей школы.

После 1929 г. следы ученого затерялись. Традиционные методы поиска оказались бессильны, и на помощь снова пришел Интернет. Оказалось, что с 1929 по 1938 гг. Талько-Гринцевич поменял несколько мест работы, преподавал в Харькове, Минске, Горьком, Глухове. Причина столь частых переездов крылась, вероятнее всего, в стремлении избежать возможного ареста, ведь в Одессе он был активным членом местного отделения ВУАН, а в Харькове занимал пост инспектора научно-технических организаций Высшего совета народного хозяйства. В те годы лучше было не высовываться.

В 1938 г. Талько-Гринцевич переехал в Новосибирск, заведовал кафедрами физики Инженерно-строительного и Сельскохозяйственного институтов.

В книгах по истории науки в Одессе вы не найдете упоминания о Марселе Шейне (1902-1960), который в 1934 г. был приглашен на должность профессора кафедры рентгенофизики Одесского университета. Весь 1935 г. он возглавлял также кафедру физики ликвидированного через три года Одесского немецкого педагогического института. Именно в личном деле ученого в фонде этого института, который хранится в Государственном архиве Одесской области (ГАОО), была найдена написанная его рукой автобиография.

После Шейна кафедру в Немецком педине занял Н.И. Барбаумов, который не выдержал двухлетней кампании "чистки классово враждебных элементов" и покончил жизнь самоубийством.

В 1937 г., очень своевременно, Шейн покинул Советский Союз. И если бы не Интернет, найти сведения о его дальнейшей научной деятельности было бы невозможно. (Тут следует отметить, что это было бы невозможно не только в Одессе, но и во всей Украине, так как зарубежные энциклопедии, справочники и словари представлены в наших библиотеках очень скудно; однако это было бы вполне возможно, например, в Библиотеке Конгресса.)

Шейн умер довольно давно — в 1960 г., поэтому его биографии в Интернете не было. Однако я нашла выход из положения. По совместным публикациям вышла на сайт ученика Шейна, профессора Чикагского университета Виктора Ингве, а затем, узнав имя сына ученого, профессора Массачусетского технологического института Эдгара Шейна, вышла на его сайт.

Хочется отметить, что не было случая, чтобы те, к кому я обращалась за помощью, не ответили на e-mail, причем первое ответное письмо всегда начиналось с благодарности за память об ученом. И в случае с Шейном очень приятно было читать письмо его сына, в котором он писал, что отец часто и всегда с неизменной теплотой вспоминал о времени работы в Одессе.

Оказалось, что с 1938 г. и до конца жизни ученый работал в Чикагском университете, был также сотрудником Института ядерных исследований, получил фундаментальные результаты, изучая природу космических лучей. Он проводил эксперименты на многих высокогорных космических станциях: в Скалистых горах (Колорадо), на горных вершинах Маккинли

(Аляска), Чакалтайя (Боливия), Юнгфрау-Йох (Швейцария), летом 1935 г. участвовал в экспедиции АН СССР на Эльбрус.

Одновременно с Шейном в Одесском университете работал физик-ядерщик Гвидо Бек (1903-1988), приглашенный директором Института физики Е.А. Кирилловым по рекомендации академика А.Ф. Йоффе. На тот момент Бек уже был известным ученым, работавшим во многих городах Европы, в том числе в Лейпциге у В. Гейзенберга и в Копенгагене у Н. Бора.

В Одесском университете Бек заведовал кафедрой теоретической физики и читал курс теоретической физики, причем по-немецки; лекции синхронно переводил на украинский язык ассистент Ю.Г. Векштейн. В 1936-1937 гг. ученый возглавлял также кафедру теоретической механики Института инженеров водного транспорта. Из шести его одесских учеников двое — Я.Б. Дашевский и А.С. Кудин — погибли во время Великой Отечественной войны, четверо — В.В. Маляров, М.М. Альперин, Г.В. Скроцкий и П.Е. Немировский — стали профессорами в Одессе и Москве. В конце 70-х Бек приезжал в Одессу, встречался со своими учениками, в частности, с профессором Маляровым. Именно Маляров, ныне покойный, создавший в Одессе научную школу ядерной физики, предоставил мне имевшиеся у него материалы по биографии Бека. Тем не менее, и в Интернете нашлось довольно много сведений об ученом, который в 1943 г. переехал в Южную Америку, вел активную научную и преподавательскую деятельность в Аргентине и Бразилии, много сделал для становления там теоретической физики.

Хочется подчеркнуть, насколько важно при поиске в Интернете правильно ввести имя и фамилию. К моему удивлению, первоначальный поиск фактов биографии Бека результатов не дал. Оказалось, правильно введя фамилию *Beck*, я допустила ошибку в имени и ввела *Gvido* вместо *Guido*, получив огромное количество информационного шума, в том числе и сведения о некоем реально существующем *Gvido* Беке. Как только имя было набрано правильно, сайты об ученом переместились на первые страницы.

В поиске фактов биографий важны любые детали: имя, инициалы, приблизительные годы жизни, представление об области знаний, в которой работал ученый. Часто на помощь приходят традиционные источники информации. Так поиск в Интернете сведений об астрономе Иосифе (Иосифе-Мариане-Матвее) Иосифовиче Витковском (1892-1976), ученике А.Я. Орлова, не принес никаких результатов. Помогла статья ученого, напечатанная в Трудах 14-й Астрометрической конференции СССР и посвященная работе астрономической станции Польской академии наук

в Боровице. Набрав название станции (ныне Астрогеодинамическая обсерватория) на английском языке, я вышла на сайт этого научного учреждения и обратилась к его сотрудникам. Отозвался ученик Витковского профессор Владислав Наскрецкий — он выслал обширный материал о выпускнике Новороссийского университета, ставшем крупнейшим польским астрономом.

Интересна история поиска сведений об английском популяризаторе астрономии Агнессе Кларк, которые понадобились при работе над книгой об одесском издательстве "Матезис", основателями которого были ученые Новороссийского университета. Это также пример комбинированного поиска, как традиционного, так и в Интернете. По иностранным энциклопедиям были установлены варианты написания этой фамилии (*Clark*, *Clarke*), но поиск в Интернете результатов не дал. Статья о Кларк нашлась в "Избранной библиографии литературы по истории астрономии, вышедшей в СССР и в других странах в 1955 и 1956 гг.", которая была напечатана в 3-м выпуске ежегодника "Историко-астрономические исследования". Это потребовало сплошного просмотра, поскольку имена из библиографии в именной указатель к выпуску не входят. Установленная фамилия *Clarke* стала основанием для дальнейшего успешного поиска в Интернете. Трудно описать радость, которую испытываешь, когда на экране, наконец, появляются необходимые сведения.

Написать биографию астронома Венчеслава (Вячеслава) Сигизмундовича Жардецкого (1896-1962) помог тот факт, что его сын — известный ученый, директор Станфордской лаборатории магнитного резонанса (США), и сведения о нем, включая электронный адрес, есть в Интернете. Олег Жардецкий сразу же отозвался и прислал все необходимые материалы.

Очень помогают в работе завязавшиеся с помощью Интернета дружеские связи. Работая над каталогом книг с автографами из собрания математика мирового уровня Марка Григорьевича Крейна, всю жизнь проработавшего в Одессе и всю жизнь бывшего невыездным, я познакомилась с профессором математики Виргинского университета Джеймсом Ровняком. Он был одним из тех, кто дарил Крейну свои книги, надписывая их. Ровняк не только прислал сведения о других дарителях, но и помог связаться с дочерью математика Юрия Германовича Рабиновича (*G.Y. Rainich*) (1886-1968). Присланные ею документы, статьи, фотографии помогли вернуть имя этого замечательного одессита отечественной науке. Полная биография ученого помещена в справочник "Ученые вузов Одессы. Математики" и в биографический словарь "Профессора Одесско-

го (Новороссийского) университета", а популярная статья о нем была напечатана в газете "Всемирные одесские новости".

Поиск во Всемирной сети требует знания английского языка, умения транслитерировать украинские и русские фамилии.

Один из наиболее сложных поисков в биографистике — поиск портретов персоналий. Общение с их родственниками плодотворно еще и потому, что библиограф становится счастливым обладателем фотографий ученых.

Приведем пример того, как поиск в Интернете помог найти фотографию физика Зиновия Исаковича Приблуды (1887-1962). Мне было известно, что его сын Исак Зиновьевич Приблуда проживает в США в городе Луисвилле. На сайте еврейской общины этого города было найдено упоминание о нем. Посланное по указанному на сайте электронному адресу письмо было ему передано, связь установлена, и как результат — в справочнике о физиках есть фотография ученого.

Как ни парадоксально, но безоговорочно доверять не следует даже архивным документам. Времена не выбирают. Непростая наша история вынуждала людей скрывать факты своей биографии, а иногда даже извращать их. Поступая в Новороссийский университет, Зейлик-Абрам-Ицков Приблуда указал, что он сын херсонского мещанина, — ведь тогда интересовались только принадлежностью студента к определенному сословию. В начале 20-х годов, работая на рабфаке Политехнического института, он указал в личном деле, что отец его — еврейское духовное лицо. Там же ученый написал о том, что был членом еврейской социал-демократической партии "Поалей-Цион", активным участником политической жизни Одессы в 1905 и 1917 гг. Думается, что читатель не удивится, узнав, что в последующие годы Приблуда об этом факте своей биографии нигде не упоминает. Меняет он также свое социальное происхождение, написав в личном деле (хранится в фонде ИНО), что родился в семье служащего городской скотобойни.

Интересно, что он читал физику на идиш в еврейском секторе ИНО, работал в терминологической комиссии по созданию научной терминологии на еврейском языке в области физики, химии и математики при кафедре еврейской культуры ВУАН. Естественно, оформляясь на работу после войны в Электротехнический институт связи, Приблуда об этом в личном деле не упоминает. Зато пишет, что родился в семье домашнего учителя. Так что у меня оказалось три варианта происхождения ученого, и наиболее достоверными я сочла сведения из личного дела рабфака Политеха, заполняя которое он еще мог не опасаться за свою жизнь и судьбу.

В последние годы интерес к историко-биографическим исследованиям резко возрос. Многие библиотеки работают над биобиблиографическими указателями и справочниками, опубликовано множество книг и статей, посвященных деятелям украинской истории, науки, культуры.

Одесской государственной научной библиотекой имени М. Горького были изданы два методических пособия: "Использование новых информационных технологий в библиотеке: поиск в Интернете" (2002) и "Создание биобиблиографических указателей и справочников: информационные ресурсы и методы поиска" (2005), в которых обобщен не только опыт работы над справочником "Ученые вузов Одессы", но и многолетний опыт в области создания биобиблиографических указателей. Речь идет о сериях "Ученые Одессы" (основана в 1957 г., 36 выпусков), "Литературная Одесса" (основана в 1975 г., 12 выпусков) и "Писатели Одессы" (основана в 1980 г., 23 выпуска).

Первое пособие адресовано библиотечным работникам, но будет полезно любому, кто хочет активно пользоваться Интернетом. Недаром книжка выдержала уже три издания.

Второе пособие состоит из трех частей. Первая часть — теоретическая, в ней освещается методология создания научной биографии, рассказывается о типах научных биографий и раскрывается специфика работы над биографической статьей. Вторая, наиболее объемная часть, посвящена тем информационным ресурсам, которые необходимо использовать при создании биобиблиографических пособий в области математики, механики, физики и астрономии. Третья часть посвящена методам поиска при создании биобиблиографических пособий: традиционным библиографическому и документально-фактографическому поиску в архивах и поиску в Интернете.

Собранный, проанализированный и обобщенный материал будет полезен исследователям, работающим в области биографистики, а также библиографам, которые создают оригинальные биобиблиографические пособия.

Библиографы Одесской государственной научной библиотеки имени М. Горького вносят весомый вклад в биографические исследования, щедро делятся накопленным опытом в области создания актуальной высококачественной необходимой обществу библиографии.

"О том, что помню..."

Лёнино гостеприимство

Когда проживаешь с человеком 55 лет, сливаешься с ним в одно целое. Мысли, поступки, желания — все становится близким и понятным. Скоро шесть лет, как мы с тобой в разлуке... Хотя разлука не совсем то слово. Ни на минуту я не могу забыть... Думаю о тебе, мысленно говорю с тобой. Ты был настолько ярким и неординарным человеком, что дети и внуки, чтобы поднять мне настроение, часто разговаривают твоей интонацией ("А как бы дедушка отреагировал на это?!"). И всем становится радостно. Как будто ты рядом. Конечно, я тебя любила и люблю, но со временем я мысленно пересматриваю какие-то черты твоего характера, твои поступки. Не секрет, что многие считали тебя строгим и неприветливым, а может, даже и злым. А сейчас я понимаю обратное: ты, словно видя человека насквозь, как рентген, мог точно определить его характер, его душевную организацию. И чего стоил твой острый проницательный глаз разведчика, я поняла спустя уже много лет. Ты никогда не лицемерил, не заигрывал с людьми, редко шутил — жил просто и ясно. Как могло показаться многим людям, не привыкшим к такому общению, ты вел себя не совсем корректно. Но умным, честным и порядочным людям ты был замечательным другом. Ленечка, пройдя тяжелые годы войны, ты и в мирное время не позволял себе отдыхать. Всегда очень много работал, с раннего утра до позднего вечера. Я помню ту морозную ночь: ты пришел, сильно уставший, сапоги твои примерзли к ногам. Грузовик постоянно ломался. Ремонтировал, грузил, разгружал, — чтобы прокормить семью.

А теперь вспомнила смешное — Ленино гостеприимство. 1 Мая, впереди два выходных дня: уборка, стирка, глажка, двое детей, приготовление праздничных блюд. Впрочем, как у всех людей. Устала. В 12 часов вечера мы с тобой легли спать, а через двадцать минут звонок в дверь. С шумом и громким смехом завалились твои родственники из Николаева. Помню, ты стоишь в дверях, растерян: может быть, это сон? А они впихивают тебя обратно в дом: "Леня, ты что, нам не рад?" — "Ну, проходите, раз приехали". А потом нам, бедным, нужно было, соблюдая приличия, полночи выслушивать их восторги на тему, как много еды они себе приготовили на праздник, ну просто чуть холодильник не развалился. И здесь, Ленечка, ты опять отличился. Без всякой злости и грубости, довольно мягко ты

спросил: "Так почему же вы нам ничего не привезли?". А мне почему-то опять стало стыдно...

Знаете, когда меня приглашают в гости, я очень стесняюсь кушать, испытываю чувство неловкости, неудобства. Это, наверное, неправильно, но из-за постоянной зажатости мне проще принимать людей у себя дома. Очень люблю накрывать на стол и ненавязчиво (как мне кажется) уделять гостям внимание. Слежу, чтобы у каждого в тарелке была еда. На это, Ленечка, я тут же получала от тебя замечание, что некультурно лезть каждому в тарелку. Ты, конечно, прав, но мне смешно...

Однажды в выходной день ты пришел с соседом по даче. Он был уже немного выпивший. Я, как всегда, начала суетиться, накрывать на стол. Ты отодвинул меня, постелил газету, нарезал немного сала, хлеба и соленых огурцов: "Жена, у нас что-то в бутылке еще осталось маленько, потому что Алексей Иванович к нам уже пришел выпивший?". Вы посидели, поели, пообщались, вспомнили военные годы. И тут Алексей Иванович опять потянулся за бутылкой. "Послушай, Алексей, тебе уже довольно, ты и так к нам пришел уже выпившим. Значит, тебя проводить или ты сам дорогу до лифта найдешь?" Мне стало жутко, я пыталась тебе объяснить, что с людьми так разговаривать нельзя, но ты был глубоко убежден, что спас человека. А когда у нас в доме гости засиживались после полуночи, а нам с тобой нужно было вставать ни свет ни заря и собираться на работу, ты, Ленечка, как бы извиняясь, глубоко зевнув, говорил: "Вы тут еще посидите, а я пойду спать, мне рано утром вставать на работу". Конечно, после таких слов гости начинали суетиться и тут же потихоньку расходились по домам. "Ленечка, — обращалась я молящим тоном, — разве ты не понимаешь, что людей выгнал?" На что ты недоуменно посмотрел на меня и, улыбаясь, ответил: "Ну что ты, я их не выгнал. Я им просто сказал, что иду спать". Но теперь, спустя годы, вспоминая эти случаи, я глубоко убеждена, что люди должны вести себя так, чтобы никого не напрягать, следить за своими поступками.

Леня — прямой человек, все говорил в глаза. Когда он работал на швейной фабрике, а работал он всегда честно и самоотверженно, от зари до зари, то как лучшему работнику руководство выделило ему первую машину. Генеральный директор фабрики Лидия Петровна, встретив Леню на проходной, смеясь, говорила: "Ну что, Мироныч, я хоть поцелуй в щечку у тебя заслужила?". А Мироныч отвечал: "Вот когда я получу эту машину, тогда я Вас и поцелую".

Дача в Черноморке

Работникам одесского порта и рыбзавода выделили на берегу моря небольшой участок земли. Денег на строительство у нас не было. Но Иосиф настоял, чтобы мы все-таки купили участок, который составлял 2 сотки земли. В то время вопрос "Сколько у вас соток земли?" никого не интересовал. Главное — недалеко от моря. И вот мы решились на покупку, одолжили денег. Место нашим сразу понравилось: на небольшом склоне, от воды — 80-100 метров. Леня с Иосифом купили доски и первым делом сбили кухню и веранду. А уже позже пристроили еще две комнатки. Мы затоварились краской, обоями, сшили занавески — и стали обживать нашу дачу. На этом пятачке с песком и глиной оказалась на удивление плодородная земля. У нас росли черешня, вишня, абрикос. А через год Иосиф с Олей сделали из камней клумбу, посадили гладиолусы и розы. Мужчины выкопали и зацементировали огромный резервуар для воды. В этом месте не было коммуникаций, поэтому воду и газ в баллонах всем дачникам привозили один раз в месяц. Сколотили душ, вырыли погреб для хранения продуктов. Но самое главное — это море, к которому было приковано всеобщее внимание. По берегу важно расхаживали большие толстые чайки. Иногда дельфины подплывали прямо к пирсу, на котором местные ребята ловили рыбу. У берега стояли небольшие рыбацкие лодки, в которых полупьяные рыбаки с радостью обменивали пол-литровую бутылку водки на свежую, только что пойманную рыбу. Помню, как однажды Иосиф принес с какого-то заброшенного пляжа огромный деревянный зонт вместе с разноцветными квадратными лавками. Это сооружение вкопали в землю посередине нашего дворика. Я наливала молоко, добавляла туда пепсин, завернув содержимое в марлю, завязывала на большой узел и подвешивала под зонт. Получалась замечательная брынза.

Мы услышали звуки колокольчиков. Соседи крикнули: "Встречайте гостей!". И тут я вижу, как мой Ленечка ведет на веревке большую рогатую козу, на шее у которой болтается маленький колокольчик, а сам напевает: "Жил-был у бабушки серенький козлик". Так у нас появилась коза по кличке Бася. С первых дней ее все полюбили. Коза была ласковая, хотя молока давала немного. Каждый вечер Оля прогуливалась с Басей по большому колхозному полю, располагавшемуся неподалеку. По выходным дням Басю брали на пляж купаться. Нам казалось, что она все понимает. Бывало, подоишь, накормишь ее, нальешь холодной воды, прогу-

ляешься с ней, — а Бася опять за свое, требует к себе внимания. И кто-нибудь обязательно подходил к ней, гладил по голове, и она успокаивалась. Смешно вспомнить, как на горе в десяти метрах от нашего деревянного туалета сбили для Баси будку с брезентом. К нам приехал тогда Петя Гулько — друг Иосифа. Наутро он пошел в вышеназванное деревянное сооружение. И что тогда нашло на нашу Басю?! Она начала разбегаться и разъяренно кидаться на эту маленькую деревянную крепость, которая отделяла Басю от ее вымышленного врага. Сначала Петя решил, что с ним шутит Иосиф, и спокойно сказал: "Еся, прекрати так глупо шутить". Но приоткрыв дверь, он увидел в щель разъяренную Басю, которая продолжала атаковать. Петя действительно не на шутку испугался и закричал: "Люди, караул, спасите!".

Начало сентября. Заканчивается дачный сезон, пора уезжать в город. Куда же деть козу? В один из вечеров мы с Олей услышали разговор. Кто-то из наших соседей спорил, кто лучше сумеет зарезать козу и приготовить из нее шашлык. Они решили провернуть это дело утром, когда все женщины уйдут на работу. А ночью Оля отвязала козу и вывела ее на дорогу. Каково же было наше удивление, когда наутро, свободная и счастливая, Бася пришла к нам в комнату. Так коза осталась жива, а через две недели мы ее подарили нашим приятелям в частный дом. Потом мы несколько раз приходили к Басе в гости. Ей нравилось в новом доме. Бася родила там козленка.

В нашем дачном кооперативе было 23 домика. Когда у ребят были школьные каникулы, они с родителями выезжали на дачу. В выходные дни все встречались на берегу. Какая прозрачная вода, мелкий золотой песок! Бывало, кастрюлю поставишь на плиту, только вскипит — подкрутишь газ поменьше и бегом на пляж. Песок очень горячий, трудно стоять — скорее в воду! Рано утром перед работой я забегала в море. Странно, но никогда при этом я не думала о температуре воды. Это были замечательные времена. Вечерами соседи приходили к нам, Иосиф разжигал костер посередине двора, и мы все, сидя на лавках, слушали в его исполнении под гитару песни Высоцкого.

Леня работал на рыбзаводском автобусе, который стоял недалеко на автомобильной площадке. Ежедневно в 7 часов утра дачники собирались у автобуса и вместе с ним выезжали на работу. Леня много лет курил папиросы и по утрам очень сильно кашлял. Как-то соседка Надя попросила его: "Мироныч, мне завтра нужно встать пораньше на работу, пройдись, покашляй около шести у моего окна".

Иосиф много времени и сил отдавал строительству, поэтому на пляже был очень мало. Вплотную к нашей даче примыкала большая глиняная гора, которая ежегодно сползала и "давила" наш дом. Наверное, не сотни, а тысячи ведер сухой тяжелой глины Иосиф с Леней выкапывали и выносили со двора. На крыльце нашего дома висел корабельный колокол. Удар в него звал домашних на обед или ужин.

Вечернее море завораживало. Лунная дорожка, искрящаяся вода. На рейде стояли корабли, свет из трюмов отражался в воде. Друзья подарили Лене бинокль, и мы читали названия кораблей. Неизвестный мир манил. Все очень любили приезжать к нам на дачу. Иосиф всегда привозил с собой друзей, студентов, коллег по работе. А однажды к нам приехал Юра Богатырев...

Юра Богатырев

Утром Иосиф получил телеграмму: "САМОЛЕТЫ НЕ ЛЕТАЮТ, ЕДЕМ МАШИНОЙ. НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ. ВАШ БОГАТЫРЕВ". И действительно, через два дня к нам приехали гости. Они встретились в московском аэропорту, где все время откладывался рейс Москва — Одесса. В итоге сдали билеты и решили ехать на машине. Это были очень симпатичные люди. Мужчина работал атташе по культуре в Польше, его жена — театральным критиком. У них была путевка в одесский санаторий. Эти люди и предложили Юре поехать с ними на попутке.

Была уже глубокая ночь, когда они подъехали к нашей даче. Утром все пошли на море, потом получили вкусный завтрак. И наши гости передумали уезжать в санаторий, попросив разрешения пожить на даче весь свой отпуск, то есть двадцать один день. Я, конечно, согласилась, так как давно привыкла, что у нас на даче всегда кто-нибудь отдыхал. Да, много людей побывало у нас, но самое незабываемое впечатление оставил Юра Богатырев. Это был удивительный добрый интеллигентный человек. Единственный, кто не позволял себе уходить без меня на пляж. Он помогал чистить картошку, готовить обед, мыть посуду, а потом читал своим дивным голосом главы из романа Булгакова "Мастер и Маргарита". А я все думала про себя: "Какое счастье, сам Юра Богатырев читает для меня знаменитый роман!".

Русский богатырь, красавец, он входил в море, как огромный белый пароход. Юра очень много времени говорил со мной о смысле жизни. Часто задумывался и много рисовал на бумажных салфетках. Обидно, что мы не сохранили их. Дни пробежали очень быстро. Юрочке нужно было уез-

жать в Москву. Я стала рано утром собираться на работу, когда он еще спал, оставила в дверях письмо, в котором благодарила его за прекрасно проведенное с ним время и просила непременно приезжать к нам в гости.

Прошло время. Юра заболел гипертонией в тяжелой форме. Он попросил Иосифа, чтобы я пришла к нему в больницу. Но как-то не получилось, я думала, что это было бы некорректно с моей стороны. Вот выйдет из больницы, тогда и увидимся. А увиделись у Юры на похоронах. Невероятно, что это были его последние дни.

Ты оставил глубокий след в моей душе, Юрочка...

Анька-компотница

Недалеко от нашего домика продавали участок. Его купила молодая семья — Аня и Леня. Аня была домохозяйкой, а Леня настоящим одесским бандитом, вором-рецидивистом. Он с гордостью носил свою кличку "Ленька-дьявол". Когда в выходные дни на пляже собиралась публика, Ленька хвастался своими делишками, за которые отсидел несколько сроков. Аня очень редко ходила на пляж. Долго там не засиживалась, боялась своего мужа. Мы все с каким-то опасением относились к нему. Леня был двухметрового роста, здоровый, как медведь, с хриплым голосом, лицо все в шрамах, на груди у него висела массивная золотая цепь с большим крестом. Он часто приносил домой очень внушительных размеров камбалу или судака, брал большой нож, миску и шел на берег моря чистить рыбу.

Как-то Аня проснулась в пять часов утра и сварила огромную десятилитровую кастрюлю компота. Затем поставила кастрюлю на землю, чтобы остудить. А в это время у нас гостил сын приятелей — Игорек, студент МГУ, который в тот день встал рано и решил прогуляться к морю. В то время ни у кого не было заборов. По дороге Игорь увидел на соседнем дворе огромную кастрюлю, от которой исходил очень приятный аромат. У студентов существует поговорка, что воровать книги, ноты и фотографии не считается воровством, просто милая шалость. Двумя прыжками Игорь оказался у злополучной кастрюли, взял ее и приволок к нам домой. Когда я зашла на кухню и узнала, в чем дело, то сильно расстроилась, а еще больше растерялась. Что же делать? Вернуть кастрюлю — не поймут, убьют еще моего бедного студента, и нам самим потом не позавидуешь. Я сильно испугалась. Сердце бешено колотилось. Перелив компот в другие емкости, я быстро отнесла кастрюлю в машину к мужу и отправила его в город. На дачах начался большой переполох. Аня с Леней ста-

ли искать пропажу. Так случилось, что как раз над их домиком, на горе, кто-то расстелил туристическую палатку. Аня с "дьяволом" ворвались к этим несчастным людям и на глазах у обезумевших туристов начали обыск. "Ребята, если вы компот выпили, то хоть верните кастрюлю!" — кричала Аня. Чуть погодя она пришла ко мне рассказать о случившемся. И что я могла сказать?!

— Аня, украл кто-то из ближайших соседей, начинайте обыск с нашего дома.

— Ну что вы говорите, тетя Фаина, кому же можно верить, если не вам?

С этим и ушла бедная Аня.

Казалось бы, эту историю забыли. Но нет. Каждое лето, сидя на пляже, Аня пересказывала ее со все новыми и новыми подробностями (то в том компоте вдруг появлялась малина, а в следующем ее рассказе неожиданно плавал желтый крыжовник). С тех пор все дачники стали называть ее Анька-компотница. Эту историю я рассказала своим близким и, слушая от Ани очередные новые обстоятельства похищения, они еле-еле сдерживали смех, когда я тут же им тихо говорила: "Но зачем лгать? Не было в этом компоте ни малины, ни крыжовника".

Комендантом нашего дачного кооператива были Миша Беленький и его жена "Надька-пьяница". Почему-то все ее так называли. Надька работала продавцом на одесском Привозе. Так как ее мужу по службе установили телефон, то дачники иногда заходили к Беленьким, чтобы позвонить в город. Однажды Надька купила кастрюлю — по размеру и цвету абсолютная копия потерянной кастрюли Аньки-компотницы. В один из дней Аня зашла к Беленьким позвонить в город родителям и увидела "свою кастрюлю". Надька перехватила ее взгляд: "Чего смотришь? Да, это я украла твою кастрюлю!". В этот же вечер Аня пришла ко мне жаловаться на Надю...

"Что делать, дорогая тетя Фаина? Я нашла свою кастрюлю у Надьки, но зачем с ней ссориться, ведь нам нужно будет иногда звонить по телефону, правда же?"

Пантера

Пантера жила на даче рядом с нами. И конечно же, у нее было имя. Звали ее Фаня Наумовна. Когда мы только переехали на дачу, то знакомясь с соседями, очень удивились, что все как-то загадочно улыбались, говоря: "Какое у вас замечательное соседство с Пантерой!". Внешность Фа-

ни Наумовны действительно напоминала пантеру. Черные раскосые глаза, быстрые, сверлящие, как бы оценивающие тебя, прямой нос, волосы собраны в густой черно-смолистый длинный хвост. Она была крепкого телосложения с толстыми короткими ножками. Все пальцы рук были украшены бриллиантами, в ушах тоже сверкали драгоценные камни, чем Пантера очень гордилась. Это была яркая бабелевская героиня своего времени. К сожалению, тогда у нас не было никаких заборов. А для Пантеры было наслаждение по 5-6 раз в день запросто приходить к нам на участок, интересоваться, что я готовлю на обед, и вообще, как и чем мы живем. Фактически Фаня Наумовна никогда нигде не работала, но в то же время она могла запросто устроить любого человека (за большие деньги) в институт, на престижную работу, обменять вашу квартиру на лучшую. Это был ее промысел, ее "охота". Пантера умела вкусно готовить. А как она следила за своим лицом! Овощи и фрукты, предназначенные для обеда, она частично клала на лицо. Так и ходила по даче. На одной щеке кусочек клубнички, на подбородке мякоть огурца, а лоб весь в свекле.

Семен Шнайдерман, муж Пантеры, работал грузчиком на рыбзаводе. Он был очень тихий и добрый человек. Люди, давно знавшие Семена, говорили, что выпивать он начал из-за своей жены. У них была дочка Сима, которая одна воспитывала сына Гену. Сима работала медсестрой в больнице, а маленький Гена до вечера оставался с бабушкой.

Смысл жизни Фани Наумовны — деньги. Ее любимое выражение — "Я вас могу купить и продать!". Если она слышала от кого-то на пляже грустную историю (если кто-то вдруг умер), она тут же со слезами на глазах говорила: "Пусть он будет мне здоров!". Она никогда не умела говорить тихо. Если нужно было с пляжа позвать Симу или Гену, то на расстоянии восьмидесяти метров Пантера кричала своим громким голосом: "Оглохли? Пора домой!". У Пантеры была такая хохма:

— Геночка, ты знаешь, где твой папа?

Маленький, без трусиков, всегда в соплях, трехлетний Гена отвечал бабушке:

— Знаю, папа плавает.

— Правильно, Геночка, — говорила Пантера, — гавно тоже плавает.

Пантера часто приходила к мужу на работу посмотреть, с кем он там общается. Она заходила в отдел кадров и начинала расспрашивать сотрудников, как он работает. Несчастный Семен! С тех пор девушки начали издеваться над ним и его женой: то кто-то специально оставит на его рубашке следы помады, то подсунут в его карман носовой платочек со следами от духов. Жизнь Семена превратилась в ад.

Однажды утром Пантера пришла на рыбзавод, прорвалась через охрану — и мигом в кабинет к директору. А в это время у директора проходило важное совещание, на котором присутствовали все начальники цехов. Разъяренная Фаня Наумовна подбежала к нему и угрожающе спросила: "Чем вы здесь занимаетесь, у меня семья распадается, а у вас какое-то совещание?". Мало того, она схватила охапку документов с директорского стола и начала их подбрасывать вверх. С этого дня дирекция одесского рыбзавода издала приказ, чтобы охрана внимательно следила за передвижением Фани Шнайдерман, которую ни при каких обстоятельствах не пропускать на территорию завода. Если она вдруг подходила к проходной, то по внутреннему заводскому радио звучал голос охранника: "Всем внимание, Пантера у проходной!".

Как-то Пантере позвонила одна "добрая женщина" и попросила к телефону "дорогого Сенечку". С тех пор Пантера начала искать человека, согласившегося следить за ним. В один из вечеров, закончив работу, мой муж вместе с Сеней вышли с завода домой. Большую часть пути решили пройти пешком. И вдруг обнаружили за собой слежку. Шаг в шаг неотступно за ними шел пожилой лысоватый мужчина в очках. Как назло, в этот день им на работе дали по пакетику с копченой рыбкой. Леня и Сеня попытались скрыться от слежки, петляя по улицам Одессы. Они думали, что этот человек из "органов" сейчас задержит их с поличным. У Сени сдали нервы, он подошел к мусорному баку и выбросил свой пакет. Леня свой выбрасывать не стал, хотя сердце бешено колотилось. И тут Леня разработал план: "Сеня, мы сейчас подойдем к остановке, я буду отвлекать лысого, а ты быстро сядешь в трамвай". Когда Сеня заскочил в трамвай, то сыщик, потеряв его из виду, повернулся и отправился в другую сторону. Леня пришел домой очень расстроенный. Он обо всем рассказал и предупредил меня: "Этот человек подослан из "органов" следить за нами. Если завтра я не вернусь с работы, значит, меня забрали". Я проплакала всю ночь, мы не спали. Утром Леня ушел на работу. А через час к нам явилась Пантера и говорит смеясь: "Ну, как вчера мой человек напугал мужиков, он у меня на зарплате, тридцать рублей в месяц получает!".

Когда Пантера встретилась на пляже с Юрой Богатыревым, то она сказала ему: "Слушай, все говорят, что ты известный артист, но я тебя не знаю, я в кино не хожу, но если хочешь, я могу с тобой сфотографироваться".

Нам все-таки пришлось ставить забор со стороны Пантеры, но это оказалось совсем не простое дело. С ней началась истерика: "Ну что люди скажут, я же не собака, зачем от меня забор ставите?". Иосиф забивал ме-

таллические столбики для забора — она их вытаскивала. И так несколько раз. Тогда Иосиф принес свое театральное удостоверение и объяснил Пантере, что этот документ выдан правительством Москвы: "Я за свои поступки не отвечаю, вот читайте!". Иосиф объяснил, как у него на работе произошел нервный срыв, после этого он сошел с ума, это считается производственной травмой, и что теперь ему готовят на работе чай с пирожными, разрешают приходить в театр, но самое главное, что он за свои поступки не отвечает. Пантера была поражена. Она побежала по дачникам и всем рассказала, "какие добрые люди живут в Москве — они пожизненно будут кормить этого сумасшедшего, я сама лично читала его документ".

С тех пор Иосиф устраивал спектакли для дачников. Ему доставляло удовольствие играть роль сумасшедшего, ведь у него была прекрасная партнерша. В зимнем одеяле Иосиф заходил в море. На следующий день он брал топор и, увидев приближающуюся Фаню Наумовну, начинал с ним играть. Затем закуривал, гасил спичку и опять прятал эту же спичку в коробок, приговаривая: "Это хорошая спичка, нужно ее сохранить, хорошо горит". Пантера пришла к нам в слезах. Я готовила обед, напевая какую-то песенку.

— Ты поешь, а у тебя сынок совсем больной, почему ты не покажешь его хорошему врачу? — спросила Фаня Наумовна.

Как раз на следующий день к нам должен был приехать большой друг нашей семьи — Петенька Гулько. И я сказала Пантере, что завтра приедет известный врач-гипнотизер. Когда Петя появился, я познакомила его с ближайшей соседкой, которая очень подробно сообщила доктору о поведении "больного". Это был интересный спектакль. Вечер, костер, с двух сторон стоят лавки со зрителями. На двух стульях с закрытыми глазами лежит Иосиф, а над ним Петя проводит гипнотический сеанс.

Магическим, завораживающим негромким голосом членораздельно Петя произносит следующий монолог: "Иосиф, вы же умный человек, режиссер, спичка, которая уже однажды горела, не должна оставаться в вашем кармане, а на море, дорогой мой, нужно загорать в плавках, а не в одеяле, с девушками можно знакомиться в театре, на выставках, а не смотреть вдоль моря, никакая русалка оттуда не выйдет". А Иосиф ему тихонько прямо в ухо шепчет: "Петька, убери свое паршивое колено с моей груди". Но этого Пантера не слышала. Она смотрела на гипнотизера с восхищением, рыдала и приговаривала: "Какое несчастье, какой больной ребенок". Соседи еле сдерживались от смеха, закрывая лица руками.

Иосиф очень любил своего маленького племянника Славу. Как-то он

принес небольшую школьную доску и начал учить Славу читать. Пантера услышала это и решила заняться воспитанием внука:

— Гена, скажи, какая это буква?! — громко кричала она.

— Не знаю, — плакал Гена.

— А я тебя, сволочь, спрашиваю, какая это буква? Даже у этого сумасшедшего Слава правильно отвечает!

Когда Пантера укладывала Гену спать, а Юра Богатырев читал мне Булгакова, она громко кричала через забор: "Сволочи! А можно потише, у меня ребенок спит!".

В 1988-м году умер Семен Шнайдерман.

В 1990-м году на наших дачах был сильный пожар. Он начался с домика Надьки-пьяницы, а от него загорелись все наши дачи. В августе 1991-го Фаня Наумовна с дочкой Симой и Геной уехали в Израиль, город Натания...

Котлеты горят — туши примус

Мою старшую сестру Этеньку всегда все любили, и любят по сей день. Она с молодых лет какая-то мудрая и степенная. Скромная, говорит всегда негромко, тихо смеется. Этенька обладает редким в наше время качеством — никогда ничего не преувеличит и не солжет. Общаться с ней одно удовольствие. Этенька много лет проработала педагогом, обладает прекрасной памятью и много читает. Ее муж Захар Михайлович — добрейшей души человек. Он закончил всего пять классов школы, много работал. А потом война... У Захара погибла вся семья. Он вернулся с фронта с орденами и медалями. После войны они с Этей поженились. Захар служил в армии 32 года, но так как у него не было образования, он так и остался "любимым старшиной". Да, его не просто уважали, его все любили. Этя и Захар поселились в Одессе в двухэтажном флигеле для семей военных. Там у них родились две прекрасные умные замечательные дочери Альбина и Лена. А потом жизнь протекала, как у всех. Дети в школе, Этя и Захар на работе. Помню, как все любили слушать Этины рассказы, потому что они были честные и правдивые. Когда дети повзрослели, вышли замуж, у Эти появилось больше свободного времени. А летом все выходили во двор. Надо сказать, что двор у них был чудесный, зеленый. Соседям удалось сделать собственный огород с помидорами, огурцами, зеленью, чесноком. Поставили лавки и разговаривали "про жизнь". "Этенька, расскажи нам что-нибудь..." И она начинала своим негромким голосом. Это были рассказы довоенные, о войне, а также о том, что ее волновало. Пере-

бивать Этю, да и, наверное, любого рассказчика, считалось крайне неуважительно. Через несколько лет у Захара начались проблемы с сердцем. Инфаркт, потом второй, затем третий. С каким теплом и заботой Этя ухаживала за мужем! Захар был поистине интеллигентным человеком, несмотря на пятиклассное образование. Если в окно залетала муха, он, будучи больным, с любовью обращался к Эте: "Дорогая, выпусти ее на улицу, пусть живет".

Но вернемся к тем бедным, но веселым временам. Воскресенье. Этя жарит котлеты, а рядом, в кастрюльке, — варит картошку для пюре. Захар поглядывает за процессом. Вдруг он почувствовал запах гари:

— Этя, котлеты горят!

— Туши примус, — спокойно сказала Этя, продолжая начатый рассказ для увлеченных слушателей, окруживших ее.

С тех пор в нашей семье и появилась шутка: "Этя, котлеты горят — туши примус!".

Мне больно

Вообще, я очень терпеливый человек. За всю свою жизнь перенесла 11 операций. Терпела... Это физическая боль, но я хорошо чувствую, что такое душевная боль. Мне больно, когда унижают мою национальность. Когда мой муж вернулся с фронта в орденах и медалях с многочисленными ранениями, один подонок из нашего колхоза (кстати, не воевавший) ехидно спросил его: "За сколько ты купил эти медали?". Но мой Леня в долгу не остался, думала, что он его убьет. Мне больно воспринимать "комплименты" типа "Вы совсем не похожи на еврейку" или "Хоть он и еврей, но хороший человек". Мне больно, когда евреи прячутся за другими фамилиями, когда они заискивают и стараются изменить свой еврейский акцент, чтобы, не дай Бог, никто не догадался об их происхождении. Мне больно, что мы не знаем свой родной язык, свою культуру, что мы стесняемся ходить в синагогу... Мне было больно 11 сентября, я целый день не отходила от радио и телевизора. Телефонная связь с Америкой отсутствовала. В Америке живет мой внук Слава, и в это время он как раз работал в бизнес-центре на Манхэттене. Я внимательно следила за событиями. А по российским каналам проходил общественный опрос мнений. И, к моему большому сожалению, многие люди желали, чтобы Америку "стерли с лица земли". Народ выступал со словами ненависти: "Американцы помогают евреям". Мне больно, что многие мои друзья, по отцу евреи,

всю жизнь живут, прячась, стыдясь и скрывая это. Мать одного прекрасного артиста и человека по очень большому секрету рассказала мне, что его отец еврей, — и от этого мне стало еще больнее... Вспоминаю свой довоенный колхоз: прекрасных, красивых еврейских парней, ушедших на фронт, в том числе и моего любимого брата Мишу, — они не вернулись домой. Из всех пришли только трое...

Мне очень больно, что погибли мои родители, ведь они были почти вдвое моложе меня. Помню, что до войны у нас были куры и две свиньи. Мы никогда не видели, как отец резал или обрабатывал кур, чтобы не ранить наши детские души. А когда пришлось поспешно эвакуироваться, отец зарезал двух свиней, они так и остались лежать в луже крови посреди двора. А потом на подводе мы проезжали мимо колхозного сада. Я увидела низкорослые абрикосовые деревья, которые клонились к земле под тяжестью крупных спелых плодов. Я часто вижу перед глазами все эти картины...

Подруга Клары Койфман осталась жива и рассказала нам, как у Клары во время бомбежки начались роды. Кругом пыль, грязь, камни. Тогда одна женщина подбежала к ней с камнем, перебила пуповину, в подол юбки завернула живого новорожденного ребенка и побежала дальше. Клара погибла, так и не узнав страшную историю о том, как немцы заставили ее мужа Юлиса Шульца живыми закопать своих двоих малышей, рожденных от "немца и еврейки".

Когда мне плохо, я часто думаю о своей маме. Часто размышляю над афоризмом: "Друга проверяют в беде". С этим я не согласна. Я наблюдала, как совершенно незнакомые люди пытались посочувствовать, помочь друг другу. Мы часто плачем за героев фильмов и спектаклей, обижая при этом тех, кто рядом с нами. И жизнь доказывает обратное: "Друга узнают в радости". Моя мама говорила: "Друг тот, кто радуется, если за стенкой смеются". А еще в раннем детстве я слышала от мамы: "Доченька, ты должна желать человеку, чтобы ему было лучше, чем тебе". "Почему лучше?" — думаю я сегодня. Но это вопрос не к моей маме. В этом был ее характер, ее смысл жизни. Ладно, никого не хочу судить. Все равно Бог один для всех — это как-то успокаивает...

Как Евсейка маму хоронил

Евсейка всегда очень веселый и озорной, хотя ему уже немного за семьдесят. Каким-то невероятным образом он сохранил эти качества: балагур, прошел всю войну до Победы. После войны он переехал из малень-

кого украинского местечка в славный город-герой Одессу. Там, естественно, с таким характером он пошел на курсы фотографов и стал со временем знаменитым мастером. Евсейка умел снимать! Девушки, глядя на него, заливались тем заразительным открытым смехом, который бывает только в молодости. Он подмигивал молодым учительницам, когда те в очередной раз приводили сниматься своих учеников перед предстоящим праздником либо выпускным вечером. Евсейка делал прекрасные групповые снимки, виньетки и портреты. Трудился он неутомимо, даже на ночь брал работы домой, чтобы их получше отретушировать. А потом Евсейка разбогател. Он стал покупать дорогую модную мебель, картины, шторы и посуду. Книг он не любил. И зачем нужны книги, когда и так все есть?

Но вот случилась беда: у Евсейки умерла мама. Середина лета в Одессе, центральная улица Пушкинская, знойная жара, гроб с несчастной старушкой вынесли во двор. Его поставили на трех табуретках. Казалось, асфальт плавится от жары. К гробу подходили люди, скорбно подносили цветы. Приехали родственники из других городов. Все было довольно скромно, без музыки, без возгласов. Так как ворота были открыты настежь, то проходившие мимо невольно заглядывали во двор, кто-то просто заходил. А два дня тому назад Евсейка купил в комиссионке очень красивую хрустальную люстру, которая висела теперь без всякого внимания. Но нет, вы плохо знаете хозяина! Что же делать? Водитель катафалка умоляюще посматривал на часы и на хозяев. И тут находчивый Евсейка разыгрывает сердечный приступ, тем самым зазывая всех в дом. Кто-то попытался налить ему валидол, кто-то посоветовал лечь и выпить холодной воды. Но нет! Евсейка со слезами вышел на середину большой комнаты и, подняв руки вверх, то есть явно указывая на сверкающий новый объект любования, воскликнул: "Мамочка, на кого же ты меня покинула! Люди добрые, кто же теперь будет любоваться этой красавицей люстрой?". Все недоуменно переглянулись и пошли провожать несчастную старушку в последний путь...

Наш одесский двор

Как давно это было, но помню почти все. Наша жизнь в одесском дворе по улице Чижикова, 99, проходила с 1946 по 1983 годы. Позже мы поменяли эту квартиру на другой район, и уже новую замечательную светлую четырехкомнатную квартиру в самом центре Одессы мы поменяли на Москву, чтобы жить рядом с Иосифом и его семьей.

Но вернемся к нашему старенькому дворику. Здесь было всего 34 квартиры. Наша завершала двор. Здесь ничего нельзя было утаить. Жили, как в большой шумной итальянской семье. В основном, все квартиры были коммунальные. Первыми нашими соседями по коммуне были грек по фамилии Макинас с женой Маней. Кроткая тихая Маня и грубый жестокий Макинас. Детей у них не было. Макинас работал в соседней с нашим двором столовой. Он всегда был недоволен своей женой, кричал на нее, а иногда и бил. Но что-то дрогнуло в сердце Макинаса, когда он увидел нашего маленького сыночка. Он буквально спасал Иосеньку от голода. Каждый вечер Макинас приносил из столовой объедки — борщ, кашу, салат. Мы тогда не думали о том, что можно заразить ребенка инфекционными заболеваниями. Но Бог миловал. Большое спасибо Макинасу.

Вскоре к нам поселили Валю Райко. Как оказалось, она была "в очень близких отношениях" с нашим управдомом Ушаковым и, как я потом поняла, ее вселение было незаконным. Ушаков уговорил меня, а вернее сказать, обманул: "Фаиночка, но разве тебе помешает тихая скромная одинокая учительница?". Мой муж в то время находился в Магадане, куда завербовался водителем на три года.

Так Валя появилась в моей жизни. Через неделю она забрала из детского приюта своих детей-двойняшек — Таню и Вову. Жизнь пошла своим чередом. Валя работала в школе учителем младших классов, в самом дальнем районе Одессы. Ей приходилось добираться туда тремя видами транспорта. Вставала она в 5 часов утра. Воды в доме не было. Во дворе общественный туалет, в котором всегда бегали большие крысы. Ей нужно было принести воду, затопить печку, накормить малышей, отправить их в ясли и самой не опоздать на работу. У Вали была удивительная внешность: большие синие глаза, всегда прямая осанка, прическа Леси Украинки или Юлии Тимошенко (из украинского правительства). Толстая длинная коса обвивала по кругу ее русые волосы. Стройная, всегда на высоких каблуках, Валя приковывала к себе взгляды мужчин.

Вскоре мы с Валей очень подружились. Я старалась хоть чем-то ей помочь, хотя жила в таких же ужасных условиях. Прошло время, вернулся мой муж. Леня тогда устроился работать на плодоовощную базу. Работникам базы разрешалось покупать фрукты и овощи по низким ценам. Я немного консервировала, делала заготовки на зиму. Чтобы не смущать Валиных детей, я специально оставляла открытые банки с помидорами, огурцами и фруктовыми компотами. И очень радовалась, когда маленькие Таня и Вова все вылавливали из этих банок.

В личной жизни Вале не везло, не встретился любимый человек. Двойняшки появились у нее совершенно случайно. Из маленького города Балты в командировку приехал красивый молодой человек по имени Дмитрий Вишнев. Они случайно познакомились, начался бурный роман. А позже Валя узнала, что беременна, и уже очень большой срок. Так появились на свет Таня и Вова. Но Дмитрий продолжал жить со своей семьей, изредка приезжая к Вале. И надо же такому случиться! Однажды ко мне приехала двоюродная сестра Лиля из Балты, а наутро, проснувшись, она не поверила своим глазам: "А что здесь делает мой сосед Дмитрий?". И Лиля рассказала о том, что в Балте они живут по соседству, что у Дмитрия замечательная жена, которая работает врачом в районной больнице, и двое прелестных малышей. Как тесен мир!

Потом у Вали был роман с директором ее школы. Иван Яковлевич был старше Вали на 11 лет. Он был женат на учительнице математики, но детей у них не было. Иван Яковлевич часто оставался у Вали ночевать. Однажды он сделал ей предложение руки и сердца, но с условием, чтобы Валя сдала сына Вову в детский дом. Опять боль, опять обида, но Валя очень сильный человек. Она выгнала своего директора из дому. Но для выживания нужны были деньги, и Валя продолжала работать в школе.

Через год встречи с Иваном Яковлевичем возобновились. Она снова забеременела и пришла ко мне с просьбой, чтобы я поговорила с ним. Мне было очень больно за Валину судьбу. Мы были с ней как сестры. Я решила поговорить с Иваном Яковлевичем и узнать, насколько серьезны его намерения. И в этот раз он опять смалодушничал и сказал: "Валя, ты же знаешь, что я на тебе никогда не женюсь, и освободись от этой беременности". Бедная Валя! Это был страшный день. Она попросила, чтобы я не отходила от нее.

Напротив наших окон в подвале жила тетя Соня. Этот подвал был настоящим притоном, а тетя Соня бандаршей и повитухой. На свет появился шестимесячный мальчик, зевнул и тут же умер. Валя положила ребеночка в коробку от обуви и похоронила в подвале нашего двора, присыпав землей...

Прошли годы. Таня с Вовой повзрослели. К нам в район прислали нового участкового. Болгарин Богдан 23 лет, худощавый невысокий парень. Когда они познакомились с Валей, ей шел 42-й год. Богдан влюбился в нее без памяти. Никакие уговоры со стороны родителей и друзей не могли остановить его. А Вале необходимо было кому-нибудь отдавать свою нерастраченную любовь и нежность. Вскоре они поженились, а через год у Вали и Богдана родился сын Ярослав.

Наша семья жила в проходной комнате, и все Валины гости ходили через нас. Она была очень аккуратной женщиной, полы всегда натирала мастикой. Кстати, у меня в единственной комнате тоже всегда было чисто, но все Валины гости оставляли почему-то свою грязную обувь на нашей половине — к ней же заходили в носках. Богдан поступил в институт на юридический факультет, продолжая работать в милиции. А когда маленькому Ярославу исполнилось три года, Валя получила трехкомнатную квартиру в районе Черемушек. Она даже расстроилась, говорила, что не сможет жить без меня: "Веришь, Фаинка, я не рада этой квартире, как же я буду жить вдали от тебя!". И они начали перевозить вещи в новую квартиру. Валя попросила у меня взаймы 100 рублей на покупку мебели, пообещав при первой же возможности вернуть долг. В те времена это были большие деньги. И, кстати, единственное, что мне удалось собрать. Но шли месяцы, годы, денег она не возвращала, на телефонные звонки не отвечала, стала меня избегать. Я думаю, у нее просто не было денег, чтобы мне отдать.

Прошло еще два года. Богдан встретил и полюбил на работе молодую женщину. В его новой семье родилась дочка. Бедную Валю опять бросили. В 1985-м году умер от алкоголизма старший сын Вова, а через четыре года спилась и умерла Танечка. Очень жаль: она всегда росла хорошей девочкой, аккуратной, доброй, в школе училась только на "отлично". Вали не стало в 2002-м году...

Вареники с вишней

Не могу не вспомнить нашу соседку Верочку Панову. Такая шустрая была, быстрая, всегда торопилась. Ее любимым выражением было "чик-чак". Прямо-таки прообраз Эллочки-людоедки. Когда она говорила: "Чик-чак", — это означало: "Я могу сделать это очень быстро". Вера всегда жила одна, но при этом оставалась неунывающей, какой-то очень ласковой, неозлобленной. Она смотрела за детьми у состоятельных людей, гордо называя себя "фребеличкой".

Однажды я зашла к Верочке — одолжить три рубля до зарплаты. У нас во дворе почти все выручали друг друга. Это было жарким летним днем, окна у всех были открыты. По запаху можно было определить, что готовят соседи на обед. У Верочки на столе стояли несколько мисок: одна с тестом, вторая с вишней. Она тщательно вымыла ягоды, набрала несколько штук в рот и, не обращая на меня никакого внимания, начала в одну тарелку выплевывать косточки, а в другую — отделенную от косточек вишню.

— Верочка, что ты делаешь? — удивленно спросила я.

А она мне в ответ:

— Это, Фаина, я изобрела новый способ чистить вишню — чтобы сок не пропадал!..

Война на Кипре еще не закончена

В нашем дворе жила семья Куницких: глава семьи Анатолий Иванович, его жена Люба, дочь Алла и сын Гена. Их семья была материально обеспечена. Анатолий работал шеф-поваром санатория "Украина". Он был среднего телосложения, улыбчивый голубоглазый краснощекий мужчина. Когда Анатолий надевал свой белый колпак и выутюженный накрахмаленный халат, то вся семья начинала веселиться. "Ну, просто петух, входящий в свой курятник..." — полуобиженно говорила Люба.

С раннего детства Люба с родителями жили в этой квартире, а Анатолий приехал из села учиться в технологическом институте. Тогда он снимал у них комнату.

Полюбил Толя Любу или нет, но вскоре они поженились. В 1953-м году у них родился сын Гена, а через два года — дочь Алла. Сама Люба была маленького роста, какая-то нескладная. Бывает такой тип женщин, у которых трудно определить возраст. Люба была влюблена в своего мужа. В ее глазах всегда была тревога и вопрос: "Что делает мой Анатолий, где и с кем он сейчас проводит время?". Может быть, из-за ее подозрительности (а может, на то и были причины), Анатолий никогда не спешил домой, возвращался поздно, иногда навеселе...

Алла росла умной веселой девочкой, хорошо училась в школе, участвовала в КВН. Однажды она пришла домой и застала свою маму в слезах. Люба сказала дочери, что так жить она больше не в силах. Ее замучили подозрения: "Доченька, твой отец нам изменяет, ну придумай что-нибудь, как нам узнать правду?". Алла попыталась успокоить маму, но Люба заходилась от рыданий и умоляла дочь сегодня же проследить за отцом и все узнать.

Алла вышла на улицу к телефонному автомату, набрала рабочий телефон отца. Когда Анатолий Иванович взял трубку, дочь произнесла целый монолог (она изменила голос, положив на трубку салфетку). Она сказала отцу, что уже несколько месяцев наблюдает за ним, "влюблена по уши" и непременно желает сегодня же прийти к нему на свидание. Анатолий Иванович очень оживился, поинтересовался внешностью и возрастом прекрасной незнакомки. "Но где же назначить свидание и как вас

узнать?!" А потом он вдруг очень обрадовался своей мысли и сказал: "Раз вы знаете, где я живу, то подойдите, пожалуйста, в восемь часов к моему балкону и произнесите пароль — "Война на Кипре еще не закончена".

В тот вечер наш герой пришел домой раньше обычного. Сильно суетился, тщательно выбирал рубашку, галстук, одеколон. Как назло, ровно в 19 часов по телевизору должен был транслироваться международный чемпионат по футболу. Сборная Италии — сборная СССР. Анатолий Иванович смотрел матч в нарядном костюме, нервно поглядывая на часы. А после 19.30 он начал частенько выходить на балкон. Восемь часов вечера — под балконом никого нет. Половина девятого — опять никого. И тогда очень расстроенная, Алла вышла к нему и спросила прямо над ухом: "А что, война на Кипре еще не закончена?"...

Три хризантемы на окне

Напомню, что наша квартира находилась в самом конце двора. Окна выходили на соседнюю улицу — Комсомольскую, 137, в совершенно незнакомый нам двор. 17 ноября 1975-го года моя Оля родила сыночка Славу. Мы жили все вместе, и все свое свободное время проводили с любимым внуком. Прошло три года. 17 ноября 1978-го года, в день рождения Славы, дочь решила сделать мне приятное. Рано утром она побежала на рынок Привоз и купила мне три большие хризантемы: сиреневую, белую и желтую. Я поставила цветы на подоконник. Мы с Олей решили вечером отпраздновать день рождения именинника, и она ушла на работу.

Прошел час — и вдруг звонок в дверь. Открываю. Стоит незнакомая женщина, которая с криками и угрозами пытается ворваться в нашу квартиру. Что случилось? Женщина что-то прокричала про цветы. Я опять ничего не поняла. Вдруг у меня возникла мысль, что, может быть, какие-то наши цветы выпали из окна и кого-то ударили.

— Объясните мне, наконец, в чем дело? — спрашиваю я.

— Зачем вы цветы выставили на окно?

Я объяснила ей, что сегодня у моего внука праздник. И в чем, собственно, дело?

А эта женщина кричит в ответ:

— Меня ваши цветы раздражают! Если у вас праздник, так весь двор должен это видеть?

Так как входная дверь осталась открыта, на ее крик сбежались соседи. Поняв, что произошло, они вытолкнули эту женщину за дверь, но она все

не унималась, продолжая угрожать, что пожалуется на нас своему мужу милиционеру.

Наш одесский двор — это целый мир. На воротах надпись: "Во дворе туалета нет", хотя около туалета на гвозде всегда висел большой ключ. Сейчас все стараются сажать в своих дворах много деревьев. В нашем же росла единственная огромная акация. В самом центре стоял длинный самодельный стол с двумя лавками. В то время телевизор считался большой роскошью, и далеко не каждый мог его приобрести. За этим столом играли в домино, делали совместно уроки, разучивали песни под гитару, обсуждали последние известия.

Наш маленький дворик, в котором мы жили, соединялся с большим двором каменным проходом или подъездом. В нем стоял теннисный стол, иногда ребята играли там в мяч. Все вторые этажи имели застекленные балконы, из которых "наблюдали за двором". Всё и все на виду — ничего невозможно было скрыть.

За углом от нашего двора находился знаменитый рынок Привоз. Когда была возможность купить курицу или кусочек мяса, то "это" клали на самое дно корзины, а сверху овощи или какую-нибудь зелень. Как-то я решила приготовить отбивные и купила небольшой кусок мяса. Звонок в дверь. Пришла соседка с первого этажа:

— Фаина, вы сильно стучите молоточком, кстати, за сколько вы купили мясо?

Напротив акации в центре двора жила семья Волховских: Сергей, Муся и двое детей — Галя и Петя. Во время войны семнадцатилетний Сергей Волховской был полицаем, сотрудничал с немцами. И это не помешало дружить нашим дочерям. Никто Сергея не выдал, не посадил, не наказал. В мирное время Сергей работал на пивзаводе, в выходные дни иногда играл с моим мужем в домино.

Рядом с Волховскими жила семья Хвацких. Пожилая мать Ирина Петровна, ее сын Павел с женой Ольгой и дочерью Ириной. Павел работал инженером, Ольга педагогом, Ирочку обучали игре на фортепиано. Потом у Павла начались проблемы с сердцем. Я хорошо помню его похороны. Ему было всего 42 года. В холодный осенний день автобус отвез соседей на кладбище. Вдруг поднялся сильный ураган. Ветер сорвал шарф с головы несчастной Ирины Петровны, но она даже не вздрогнула. Она не плакала, не голосила. Ее взгляд был устремлен на свежевырытую яму. И вдруг мать тихо сказала, как бы сама себе: "Как же ты выберешься отсюда, сыночек?".

В нашем дворе было три медалиста, все они окончили школу с золотыми медалями — Павел Жематий, Валера Корецкий и Виктор Великий. Этих молодых людей никогда не увидишь во дворе. Они всегда были заняты учебой.

В 1981-м году рядом с семьей Хвацких поселились Жора и Клава Терземан. Они были украинцы и очень переживали, откуда у них такая еврейская фамилия. Жора был большой труженик, он работал машинистом поезда, а Клава была домохозяйкой. С "коллективом" двора она никогда не сидела. У Клавы была летняя сетка на все окно. Проходя мимо окон Терземан, можно было часто видеть полную зорко наблюдающую за двором Клаву. Как-то, смеясь, Жора с гордостью спросил: "Ребята, а кто из вас сможет в слове из трех букв сделать пять ошибок?". Жора объяснил, что Клавочка в письме к своей сестре слово ЕЩЕ написала ИСЧЬО. Но это совсем неважно. В семье Терземан были очень нежные отношения и очень сильная любовь. Они жили друг для друга. Спустя несколько лет Клава заболела гипертонией. Жора выхаживал жену, как ребенка. Читал ей "Вечернюю Одессу", покупал на Привозе самые вкусные и свежие продукты. А когда Клавы не стало, Жора не смог пережить это горе и через 7 месяцев ушел за своей любимой...

Семья Липецких состояла из двух человек. Мать Лида и дочь Оля. Они работали на дому. В то время это было запрещено. Лида шила нижнее женское белье, прекрасные грации, а Оля была дамским парикмахером. К ним "на прием" записывались на неделю вперед. Соседка Ася Апреленко постоянно писала доносы в финотдел. Ох уж эта неугомонная Ася... Иногда в выходной день к нам заходили соседи — поиграть с Леней в домино. И уже на следующий день в одесском КГБ лежало письмо-донос от Апреленко, что мы "изготовляем пули в чугунном казане". В один из таких дней к нам пришли трое военных с обыском. Глубокая ночь, дети уже давно спали, я тоже дремала. Леня не мог понять, что они ищут. Ничего не найдя, один из солдат в бешенстве закричал: "Но где же эти пули, которые вы изготавливаете?". Леня, еще не совсем проснувшись, спросил: "А что, война началась?". И тогда один из солдат показал донос, написанный Асей Апреленко.

Под нами на первом этаже жила Сусанна. Ее все нежно называли Сюсенькой. Милая, очень мягкая, приветливая худощавая старушка. Хотя какая там старушка? Сусанне было где-то 60-65 лет, но нам казалось, что она в преклонном возрасте. Жила Сусанна совершенно одна. Во время войны вся ее семья погибла. Есть люди, при встрече с которыми всегда

остается на душе тепло и покой. Тихая интеллигентная образованная Сусанна. У нее в квартире всегда было много книг, пахло лекарствами, валидолом. Я хорошо помню накрахмаленные и выглаженные занавески и скатерти. А еще вспоминаю варенье, которым так часто Сюсенька угощала нас. Это было варенье из белой черешни и варенье из персиков, внутри которых лежал грецкий орех. Мой Леня старался привезти Сусанне какие-нибудь овощи, чем-то помочь по хозяйству. Очень больно, когда такие люди уходят из нашей жизни.

А как не вспомнить Мартынова Савелия Матвеевича? Савва с женой Нонной и сыном Сергеем поселились в нашем дворе весной 1972-го года. Наши балконы были расположены напротив друг друга. С первых дней Савва пришел знакомиться с нами, и мы сразу прониклись обоюдной симпатией друг к другу. С раннего детства Савва рос в детском доме, а в шесть лет его взяла на воспитание бездетная еврейская семья. Со временем он закончил военно-медицинскую академию и работал врачом на подводном военном судне. Савва был очень интересным рассказчиком, с большим чувством юмора. Сначала мы не понимали, почему Савва не знакомит нас со своей женой. Но когда мы с ней познакомились, то кое-что стало проясняться.

Нонна была какая-то пугливая, нелюдимая, часто заговаривалась. В квартире все время ходила в пальто, а потом ложилась в нем спать. Ее мучили страхи, началась мания преследования. Однажды Нонну увезли в психиатрическую лечебницу. По выходным дням Савва забирал жену домой. Он вкусно готовил, общался с Нонной очень ласково и нежно. Когда я разговаривала с Нонной, то поняла, что ей самой нравится жить в больнице. Там ее немного подлечили. Через несколько месяцев врачи хотели выписать Нонну домой, но она предпочла работать санитаркой в больнице и там жить. Ее совершенно не интересовала другая жизнь. Сын Мартыновых Сергей окончил Московский физкультурный институт, а потом работал тренером по многоборью, участвовал во всесоюзных соревнованиях по этому виду спорта.

В нашем маленьком дворе росла вишня. В мае, во время цветения, она покрывала наш дворик своими белоснежными лепестками. Чтобы полюбоваться этой красотой, нужно было встать пораньше, пока не проснулся дворник Федя. Почему-то первым делом он хватал метлу и "выметал всю красоту со двора". Вишня была очень высокая, наверное, она заслоняла свет нашему дворнику. Когда мы с Саввой не видели, то Федя потихоньку обрезал вишню. Мы с ним никогда не спорили. Однажды рано утром весь двор проснулся от возгласов Фединой жены Тани — Федя повесился...

В Одессе с водой всегда были большие проблемы. В центре большого двора находился общественный кран. В него ставили большую миску и полоскали белье. Летом набирали корыто с водой, от солнца вода прогревалась, — и купали малышей. А чтобы развесить постиранное белье, нужно было с утра занять очередь на общественную дворовую веревку. И вот однажды Савва Мартынов откуда-то принес катушку с канатом и протянул его между нашими балконами. Вот это было чудо! Теперь наше белье висело на втором этаже, никому не мешая и доставляя нам радость! В 1982-м году мы поменяли нашу квартиру на другой район. Времени не хватало, но иногда мы заходили в наш дворик, чтобы увидеться с соседями.

Живя в Москве много лет, я часто вспоминаю всю свою одесскую жизнь. Два года тому назад мы с Иосифом отправились на машине в Одессу Потом заехали в наш колхоз. К сожалению, из знакомых людей мы уже никого не застали.

Три сестры

Ривочка родилась в 1901 году в Одессе, в районе со смешным названием Пересыпь. Как поется в известной песне: "...но и Молдаванка, и Пересыпь обожали Костю моряка". Ее отец работал часовщиком, а мать была домохозяйкой. Кроме Ривочки в семье росли еще две дочери — Дора и Эля. Сестры были очень дружны между собой. Эля росла очень веселой, игривой, озорной девочкой. С раннего детства она интересовалась театром. Учась в гимназии, она посещала драмкружок, а позднее работала в Одесском еврейском театре. К сожалению, Элина жизнь оборвалась в 29 лет. После тяжелой пневмонии врачам так и не удалось ее спасти.

Старшая сестра Дора — всегда уравновешенная, цельная, добрая. В браке у Доры родились три сына — три богатыря. Она очень много работала, старалась, чтобы дети получили хорошее образование. Забегая вперед, скажу, что когда сыновья повзрослели и обзавелись своими семьями, — то ни один из них не помогал одинокой маме. Мало того, старший сын Семен много лет работал за границей, а позднее, живя в Кишиневе, даже свой адрес матери не оставлял. Средний сын Гриша работал в банке экономистом, за какую-то сделку сел в тюрьму, а бедная Дора откладывала свою крохотную пенсию (голодая в буквальном смысле этого слова), передавала посылочки сыну в тюрьму. Младший сын Миша, "чтобы не пропала мамина квартира", сделал обмен и взял ее к себе.

Поверьте, Дора никому не жаловалась. Нам соседи рассказывали. Миша выключал маме свет, не давал пользоваться водой (а жили они на 2-м этаже), и несчастная старушка ходила вниз по очень крутой металлической лестнице. Когда к Мише приходили гости, он запирал маму в маленькую темную кладовку, не разрешая ей выходить. Откуда берется такая жестокость по отношению к родной маме? Но Бог им судья...

Вернемся к Ривочке. Она была младшей дочерью. Времена были смутные. Как говорили в Одессе, "на каждой улице совсем другая власть". Отец Фани Каплан — той самой, которая стреляла в Ленина, — был часовым мастером. Он работал вместе с Ривиным отцом. С детства девочки очень дружили между собой. Ривочка росла очень красивой: беломраморное лицо, прямой греческий нос, глубокие карие глаза, стройная, не по годам статная, но очень скромная и очень молчаливая. Когда Риве было 14 лет, она совершенно случайно познакомилась с фельдшером Ефимом. Какая-то искра пробежала между ними. Это была любовь с первого взгляда. О такой любви поэты слагают стихи.

В те времена девушек рано выдавали замуж. Рива с Ефимом поженились. Когда Ривочке исполнилось 15 лет, она подарила Ефиму сыночка Петеньку. Шел 1916 год. С первых дней жизни Петя поражал всех своим задумчивым взглядом. Казалось, он за всеми наблюдает и все понимает. Ефим много работал, а Ривочка его всегда с любовью ждала. С детской любознательностью и непосредственностью она слушала рассказы Ефима о работе, о жизни. Доктор был старше жены на 10 лет. Он испытывал какую-то необыкновенную нежность и отцовскую заботу к Риве и сыночку. Как они были счастливы! Ефим много занимался с сыном. Маленький Петя обожал отца. В 5 лет малыш свободно читал детские книжки, учил с отцом немецкий и английский языки, играл в шахматы. В 7 лет Петенька поступил в гимназию. Учителя не могли нахвалиться им: воспитанный, интеллигентный, аккуратный. Он выделялся среди других учеников, сам не замечая того.

Так уж повелось, что счастье не бывает долгим... Что-то Рива стала замечать у Ефима частые головные боли, тошноту, слабость. Однажды вечером Ефим сел к кровати сына и долго-долго очень грустно глядел на него.

Ефим был хорошим врачом. Страшный диагноз — рак мозга... О чем тут говорить? Не буду описывать их страданий. Через 7 месяцев Ефима не стало. Но Риве нужно жить ради сына. Она как-то виновато-растерянно смотрела на мир, все еще не веря в то, что произошло...

Меер и Рива

Меер жил в колхозе под Одессой. Крепкого телосложения, коренастый сильный человек. Его слово было весомым. Меер с детства хорошо знал, что такое труд. Он имел лошадь, корову, кроликов, кур, огород, огромный виноградник. Меер любил поговорить, выпить собственное домашнее вино. Они были очень разные — Меер и Рива. Но, наверное, так было угодно судьбе, их познакомили. Рива не любила Меера. Это был другой мир, чужой и непонятный для нее. Не знаю, сломалась ли Рива под его натиском, уговорили ли ее подружки, а может быть, просто не хотелось жить в одиночестве (к тому времени умерли ее родители — не с кем было посоветоваться).

Рива с Петенькой переехали жить к Мееру в колхоз. Уже через 5-6 месяцев Рива поняла, как она ошиблась. Меер не любил Петеньку, кричал на него, а порой и руку прикладывал. В 1924 году у Ривы и Меера родился сын Леонид. Парадокс судьбы: Леней они назвали малыша в честь Ленина, хотя напомню, что Ривина подруга детства — Фаня Каплан — смертельно ранила "вождя революции". В 1926 году у Ривы с Меером родился еще один сын — Григорий. Рива старалась всем детям уделять внимание. Меер же наоборот: был в воспитании детей очень жестоким. У них в доме жили три кошки, а в кухне на большом гвозде висела плетка, которой Меер "воспитывал животных".

Петеньке было очень плохо в этом доме. Ему казалось, что его никто не понимает. За любую провинность Меер наказывал его и отправлял в темный чулан. Бедная Рива не раз пыталась защитить сыночка, но и ей доставалось. Страшная трагедия произошла в 1928 году. Пятнадцатого августа, в жаркий знойный день, Меер с Ривой и двумя маленькими сыновьями отправились к соседям на свадьбу. За какой-то "проступок" Петю оставили дома. А когда вернулись — он уже висел в сарае на веревке... Так Рива в свои 27 лет стала совершенно седой.

Годы шли. Меер работал в колхозе, а Рива — по хозяйству. В 1941 году Леня ушел на фронт, а Гриша эвакуировался с родителями (ему было всего 15 лет). И вдруг в один из дней Гришу поймали на улице, привели в военкомат и решили отправить на фронт. Прибежали родители с документами и стали доказывать, что сыну только 15 лет, но комиссия решила, что он "выглядит" на 18 лет, и ему пора на фронт.

Судьба была благосклонна к обоим сыновьям. Гриша воевал в пехоте,

дошел до Берлина с многочисленными медалями и 2-мя орденами Славы. А Леня был танкистом, отважным разведчиком, он тоже дошел до Берлина, расписался на Рейхстаге, вернулся с 2-мя орденами Славы и медалями. Эти два брата получили на войне различные ранения. Леню трижды оперировали. Бывали случаи, когда он сам у себя ногтем вынимал из головы мелкие частицы осколков.

Наконец-то судьба сжалилась над Ривой, и оба сына живыми вернулись домой. А в 1946 году мы с Леней поженились, а младший брат Гриша женился на моей родной сестре Бронеславе. В доме у Меера мне тяжело жилось. Он постоянно проявлял свой грубый деспотичный характер.

Однажды, когда я была беременна своим первым ребенком, произошел такой случай. С утра я начала перекрашивать их дом. Старики уехали на рынок. В это время ко мне зашла соседка, тоже беременная. На столе стояла миска с солеными огурцами. Перехватив взгляд подруги, я тут же предложила ей огурцы: "Ой, Фаинка, зачем ты это сделала? Старик увидит — тебя убьет". — "Ничего страшного", — смеясь, ответила я. И надо же такому случиться! В это время в дверях появился Меер. Так как в этом колхозе разговаривали на украинском языке, то Меер не закричал, он заревел на весь колхоз, глядя на меня: "Вон з моей хаты, воровка. Вот хто мое добро раздае!".

Все знали нашу семью. Мы были родом из этого колхоза. Мои родители погибли во время войны, попали под бомбежку. Меер не унимался, он кричал все громче и громче. Двери были открыты настежь. Люди, проходившие мимо, в ужасе останавливались. И тогда я, быстро собрав свои вещи, убежала куда глаза глядят. Я бежала 8 километров до станции, села в первый поезд и отправилась в Одессу. Там жила моя старшая сестра Этя. А на следующий день Леня, узнав о случившемся, собрал свои вещи, документы и поехал за мной.

Так мы стали жить в Одессе. Нашли работу, купили комнату. В этой квартире у нас родились дети. Я не злопамятный человек. На праздники и в отпуск мы с мужем старались приезжать в колхоз помочь родителям по хозяйству, по огороду.

Прошли годы. Меер и Рива состарились. Им стало тяжело жить одним, и мы забрали их к себе. Куда ушла жестокость Меера? Им очень нравилось в Одессе. Новые соседи, рядом парк, где они общались со своими сверстниками. Когда Риве исполнилось 72 года, она заболела неизлечимой болезнью. Вскоре ее не стало. Меер пережил свою жену на три года...

Юрий ЖИЛЕНКО

Записки военного врача

Фрагменты

Чуть больше 30 лет назад в самом центре маленького городка Болграда росла ватага детей. Беспечное детство... Родители наши тогда были сегодняшнего нашего возраста. Жизнь казалась нам вечной, открывающей широкие горизонты в счастливой стране. Фильм "Неуловимые мстители" был любимым. И подражая своим кумирам, мы защищали свой двор от набегов пацанов из других районов города. Спорили, мечтали, были одной большой семьей единомышленников.

Я иногда думаю: "Какой мощный потенциал мог бы работать на той земле!". Но увы...

Сегодня два Александра живут в Одессе, один — во Владивостоке, Илья — в Израиле, Володя — в Санкт-Петербурге, один Олег — в Болгарии, другой Олег — в Испании, Петр — в Киеве, Павел — в Бостоне, Юра — Москве. А кого-то уже нет в живых... Их памяти я и посвящаю эти записки.

В конце 80-х годов я начал вести дневники и записывать курьезные случаи, которыми столь богата армейская жизнь. Я даже не подозревал, что эта шалость может со временем перерасти в более оформленную и законченную работу. Я не собираюсь соревноваться с Гашеком или Войновичем, ведь солдаты Швейк и Чонкин являются образцами острейшей социально-политической сатиры, озаренной веселой и задорной усмешкой.

Тем не менее, нельзя не признать, что и сегодня в армии можно встретить и полковника Целлергута, и поручика Лукаша, и кадета Биглера. Просто они находятся в другой внешней оболочке, а характер мышления и поведения практически не изменились.

Ни в коем случае не ставлю перед собой задачу кого-нибудь унизить, оскорбить или высмеять. Я просто показываю тех людей, с которыми приходилось встречаться от Ленинграда до Забайкальских степей и обратно.

Одесса. 1984 год. Лето

Милый уютный, почти родной город встретил меня разноцветием летних красок, теплом, морем с зеленоватым оттенком и миллионной толпой людей, снующих, толкая друг друга сумками, головами, всем, чем угодно, только бы попасть в трамвай.

Попадаю туда и я, новоиспеченный лейтенант медицинской службы, еду за распределением в медицинскую службу округа. Одет, как положено по тем временам, по полной форме — рубашка, галстук, китель и фуражка. А на улице +40 градусов — жара неимоверная, в трамвае — все +80. В армии это называется "стойко переносить все тяготы и лишения военной службы".

В трамвай заходит мужчина, держащий в руках лоток с яйцами. Сесть некуда, стать тоже почти некуда. Трамвай трогается. Сердобольная женщина предлагает с места: "Мужчина, дайте я подержу Ваши яйца". В ответ: "Ой, мамочка, большое спасибо, но я очень боюсь щекотки".

От железнодорожного вокзала ехать две остановки. Все пассажиры участвуют в обсуждении, будут открыты для купания пляжи или нет, будет ли вспышка холеры, выиграет "Черноморец" очередной матч или нет. Такого единения людей в транспорте не существует ни в одном городе. В Ленинграде все заходят, половина достает и читает книги. В Москве проделывают все аналогично, только с газетами. В Минске половина пассажиров ест семечки. В Риге заходят степенно, не толкаясь, и едут, уставившись в одну точку, даже если разговаривают между собой. В Свердловске народ какой-то уставший: зашли, сели — и слава Богу, что еще надо? В Чите заходят все хмурые и, в основном, заряженные алкоголем. "Заряженный" ездил и я, но, увы, такого единения людей там нет.

В Улан-Баторе, — кстати, вспомнил, — существовал транспорт отдельно для советских граждан и отдельно — для монголов, причем нам не рекомендовали садиться к "друзьям и братьям по оружию".

С трепетом захожу на территорию штаба тыла Одесского военного округа, ищу кадровика. На дверях кабинета табличка: "Полковник Задорожко". В голове сразу закрутился мотив песни про дорожку фронтовую. "Ну, — думаю, — не к добру это". Постучал в дверь, открыл, представился. Мне очень добродушно предложили присесть. Затем были заданы дежурные в таком случае вопросы: где родился, учился, женился... И после этого пошли предложения, одно лучше другого, — и Крым, и Днепропетровск, и пригород Одессы. Я вспомнил, как на распределении в академии мой товарищ Миша Харитонов рассуждал: "Романтика, дальние гарнизоны, Дальний Восток — это для дураков. Надо сразу ехать в хорошее место, заводить связи и устраиваться". Наверное, он был прав.

Мое первое место службы — г. Бендеры.

1984 год. Город Бендеры

Я — врач инженерно-понтонного полка, расположенного в знаменитой Бендерской крепости. Вместе со мной в полк пришел служить командиром роты старший лейтенант Миша Логинов. Невысокого роста, жилистый, с волевым подбородком. Не пошла у него служба с первых дней. Уж очень он любил спиртное. Через несколько месяцев был снят с должности и назначен командиром взвода. Многие офицеры отвернулись от него. Единственное место, куда он заходил, был медицинский пункт. "Уважаю я врачей после Афгана", — говорил он, однако про свою службу там, в Афгане, никому не рассказывал.

В феврале 1985 года торжественно отмечался День Советской Армии. Собрались все военнослужащие, приехало много ветеранов. Все поднимают тосты, вино — рекой, а Миша сидит со мной и держит лимонад. Я от удивления чуть на подавился. А он говорит: "Завязал. Навсегда". Многие не верили в его способность. Часто ему предлагали выпить, но он оставался непрошибаемым.

9 мая 1985 года — День 40-летия Победы. Выходит Миша в парадном мундире — и у всех нижние челюсти поотваливались. Оказывается, у старшего лейтенанта два боевых ордена и две боевые медали, не говоря о юбилейных (он по возрасту уже майором должен был быть).

Идем с ним по городу. Люди все в приподнятом настроении, радуются. А Миша мне говорит: "Знаешь, браток, я в Афгане два года был командиром роты разминирования, шел впереди всех. Скольких я мальчишек в гробах домой отправил! Они гибли на глазах, а у меня ни одной царапины. Я их матерям не знал что говорить, хотя был на всех могилах. А врачей чего уважаю — возвращался после "боевых" в часть — и прямо в медицинский пункт. Наливали мне 100 грамм спирта, чтобы хоть как-то расслабиться".

Спустя семь лет после этого разговора, окончив инженерную академию, он стал командиром этого понтонного полка. Сегодня он генерал-майор, живет и работает в России. На таких людях держалась "непобедимая и легендарная".

И на таких, как командир того полка в 1985 году — Владимир Никифорович Скакалин. Русский мужик, сибиряк, окончил Томское военное училище, награжден в мирное время боевыми орденами, военный изобретатель и рационализатор. Это благодаря ему понтонная переправа с дву-

мя пристанями собиралась не три с половиной часа, а за 1 час 20 минут. За этим человеком и солдаты, и офицеры воистину шли и в огонь, и в воду. В любое время года, мокрые с головы до ног, работали не за страх, а за совесть, потому что знали, командир — такой же пахарь, как и они, горой стоит за них.

1985 год. Город Бендеры. А.К. Винник

Первый мой начальник — начмед полка. В свои годы (тогда — 35-36 лет) он выглядел лет на 15 старше. Сгорбленный, седой и, видно, сильно уставший. Мотался по гарнизонам Дальнего Востока, Средней Азии, за границей. Он вместе с семьей снимал квартиру недалеко от нас, и когда я к нему попал, то понял его усталость. Однокомнатная квартира, семья из четырех человек, пройти можно только боком, если на голову ничего не упадет. Квартирный вопрос и в советское время решался туго, а жизнь постоянно ставила каверзные задачи.

Чем он действительно гордился, так это своим "Запорожцем". Водил он машину лихо, часто ездили с ним в Кишинев, Одессу, Тирасполь. Что держало этого человека, где он брал подпитку, в чем находил отдушину? В юморе, шутке, каламбуре, стакане хорошего вина. Он говорил так: "В нашей жизни, полной нервотрепки на работе, неустроенности дома, постоянной тревожности, надо в самом серьезном вопросе находить смешное, иначе попадешь в дурдом".

Как это актуально и сегодня! Например, в части оборудована автостоянка для личного транспорта. Замполитех дает команду: "Все машины ставить мотором вперед!" (в армии все должно быть однообразно). А.К. Винник подчиняется приказу. Тогда выходит приказ по части о наказании, зачитывается на совещании. Затем встает Саша и говорит: "Замполитеху следовало бы знать, что у "Запорожца" двигатель находится сзади, и машину я ставлю, как приказано, мотором вперед".

К замполитам свое отношение он не скрывал, оно сконцентрировано в одном выражении: "Вы, замполиты, по роду своей деятельности должны смотреть людям в душу, а я как врач должен заглядывать им в задницу. Так что у нас разные точки соприкосновения. Я вас не трогаю — и вы меня не трогайте".

Мне начмед сразу сказал так: "Твое дело заниматься больными в стационаре, а прием осуществлять буду я". Начинал он прием с крылатой фразы: "В армии надо бояться трех ВВ — взрывчатого вещества, военного

водителя и военного врача". Симулянтов и аггравантов он раскручивал в три секунды. Заходит "больной" и говорит:

— Доктор, у меня сердце болит.

А доктор ему таблетку левомицитина под язык, вместо валидола:

— Ты, сынок, не торопись, медленно рассасывай, эффект будет лучше.

После таких процедур желание симулировать проходило до окончания службы.

Январь 1986 года. Забайкалье

В танковом полку проходят ночные стрельбы штатным снарядом. Штатным снарядом — это настоящим снарядом, а не болванкой. Как говорится, стрельба по-настоящему.

Зима. Все вокруг в снегу. Температура воздуха -30 градусов. Снег хрустит под ногами, как сухари. Сплошная мгла вокруг.

Первый же выстрел от неожиданности поверг меня в смятение. Дело в том, что ночью, в момент, когда снаряд вылетает из ствола, сначала освещается весь участок, на котором стоит танк, и только через доли секунды слышен звук. Машина аж вжимается в землю от нагрузки, а затем, несмотря на вес, медленно и величаво раскачивается.

Вот там действительно служили настоящие мужики. Дело в том, что в советское время офицеров не увольняли из армии, а ссылали, как декабристов, подальше. Про таких поет А. Розенбаум: "Гулять так гулять, стрелять так стрелять, любить так любить". Чем тяжелее условия жизни, тем быстрее у человека раскрываются черты характера — как положительные, так и отрицательные. Фальшь там не проходит. Либо ты поднимаешься по служебной лестнице, либо ты деградируешь. Именно в тех условиях происходит формирование и офицера, и гражданина, и специалиста в своей области. С огромным уважением вспоминаю С. Бабкина, О. Стогниенко, С. Лукинова, Н. Дуракова, О. Беллона, М. Когана, В. Мищенко, Ю. Якубца.

1990 год. Одесса. Лето

Я — капитан медицинской службы, вернувшись из "ссылки", прибыл в управление кадров Одесского военного округа. На моем кителе слева расположены ленточки: награжден тремя медалями. Полковник посмотрел и говорит: "Смотри, какой бравый капитан! А что это у тебя за медаль?". "За освобождение Монголии!" — отвечаю. Когда по указу Горбаче-

ва в 1989 году начали выводить войска из социалистических стран, правительство Монголии наградило офицеров в знак благодарности. Благодарность, наверное, в шутку назвали "За освобождение Монголии".

12 июня 1999 года

Пришло долгожданное официальное сообщение о возможной отправке врачей-специалистов в составе полевого госпиталя в Югославию. Вечером все кандидаты были собраны на совещание, где был оглашен список документов, которые надо срочно представить в кадровые органы для Военного совета округа для окончательного обсуждения (утверждения) кандидатур.

1. Рапорт в 2-х экземплярах
2. Заявление жены, заверенное нотариусом
3. Служебная характеристика
4. Идентификационный код
5. Автобиография
6. Личный листок по учету кадров
7. Анкета СБУ
8. Послужная карта
9. Представление на должность
10. Выписка из заседания аттестационной комиссии
11. Справка ВВК (военно-врачебной комиссии) на годность к службе за границей
12. Справка о составе семьи и родственниках
13. Фотографии
14. Копии диплома
15. Копии свидетельств о браке и рождении детей
16. Копии паспорта

В свое время для отправки в Афганистан требовались только фотографии на заграничный паспорт.

Владимир НАУМЕЦ

Шляпа с полями

Как на холсте
вне всяких соответствий
вне притяжения
жило лицо.

В. Хлебников

Это было время, когда, увидев милиционера, переходил на другую сторону улицы.

И каждые две недели ко мне в мастерскую на Солянку приходил оперуполномоченный. Проверять. Как я рисую. И что. Иначе — за 101 километр. Ведь из моей мастерской был виден Кремль.

Середина 80-х. Кухня на Казанском переулке. За окном глухая стена французского посольства. Пьем черный чай. По-настоящему черный. Хрущ заваривал. Курим. Помню — считал. По восемь трубок за ночь.

"Чай и табак — это вставляет", — слегка заикаясь, говорил Хрущик. Закатываем кресло на кухню. Хрущик укладывается поглубже, как в гнездо. Шляпу на глаза! Ноги на батарею. Стекло кухонной двери плотно прижималось к креслу. У Хруща цепкая память. Всё обточено. Какие-то сюжеты, которые часто повторялись. Как у него в кармане план Исторического музея. То есть всех подвалов и переходов. А в это время наверху, в залах музея, проходила выставка скифского золота. И он не мог себе простить, что этим не воспользовался.

Серьезно это или нет? Байка. Очередная. Потом следующий сюжет. Всегда интересно и неожиданно.

Как-то я ему сказал: "А у тебя все готово. Только записать — и будет книга. Как бы ты ее назвал?".

Хрущик (тут же): "Окорок, душа и анкета для заполнения".

Я вспомнил его текст в каталоге (середина 70-х): "...по профессии печник. Живу на сбережения бабушки".

В конце 70-х я сделал портрет Хрущика на Чижикова. Он очень оби-

"Я не то чтобы хотела покончить с собой, я хотела заснуть и не проснуться, а раз не это не давали, я хотела плакать — такова моя жизнь в черной Москве с красными флагами"

Ириш

Такой же вопрос о названии я задал Вагану за две недели до смерти.

— "Бегемот и деньги", — сказал он.

делся. Но ничего не сказал. В ответ сделал мой, но так зашифровал знаками, что неясно, кто это.

Я б на его месте тоже обиделся.

Грязная "стэтсэновская" шляпа.

Она была хороша. Но как-то мы зашли в московскую чебуречную на Сретенке. Сначала Хрущик бросил шляпу на скользкий столик. Уходя, прихватил жирными от чебуреков пальцами. Теперь шляпа по-настоящему стала "родной".

Еще на портрете был изображен жировик на щеке. Он уже был со сливу (потом его вырезал знакомый хирург в самый последний момент).

На портрете огромную курительную трубку охватывала неуклюжая ручонка. И это при необыкновенно пластичных пальцах Хрущика.

Линялая, перепачканная краской майка, надетая наизнанку. Вечный хохолок на затылке.

И надпись по фону: "Табак утром и вечером".

Курили, меняли перегретые трубки. Все были фирменные, никакого фуфла Хрущик себе не позволял.

В перерывах — сигареты. И крепкий чай. Ворованный. Зубы табачно-чайного цвета. Когда хихикал.

Моя маленькая Дашенька:

— Папа, а Хрущик такой красивый!

— А что красивое?

— Зубы.

Она воспринимала его особенно.

— Папа, а собак в метро пускают?

— Но будут считать, что бегемот — ты.

— А мне по... (что значит все равно).

И было по нему видно, что это так. Тогда я в два дня написал его портрет.

Сверху, над головой, он оставил свою подпись по-армянски.

Мой друг учил курить табак — сам с дымом улетел...

— Нет, конечно.

— А почему Хрущика пускают?

Это время, когда собака была эталоном.

— Мама, ты такая хорошая, как морская свинка или хомяк.

— Может быть, как собака?

— Нет, собака лучше.

В 75 году Хрущик объяснил мне, как заправлять трубку табаком. Не вынимая из пакета. Чтоб не рассыпать драгоценный табак. Потом "раскочегарить". И что "от хорошего табака дым, как молоко". И что от Чижикова до бульвара — одна трубка.

Разрушенный дымом
пространств
счастье твое берегу
курильщик

Хрущик предпочитал трубки прямые, английские, крупных размеров — "с большой колбой".

Сцена на Чижикова (конец 70-х).

Какой состав моей крови?
Золотая мозаичная пыль
на крепчайшем спирту

Двери распахнуты. Всё в состоянии постоянного ремонта. В углу мешку цемента уже пять лет. В другом — несколько кирпичей и стекла стопкой.

На стенах доски с помойки.

На них наклеены кружева.

Изящно промазаны малярной краской.

Огромное окно, разбитое на квадраты.

"И чего зря нарываться, когда деньги не платят, а погода хорошая"

Ириш

Под ним длинный стол.

Стаканы, черные от чая.

Рядом гнутое кресло-качалка. Для гостей. В нем сидит длинная голландка и курит маленькую голландскую трубку.

Рядом с трагическим лицом сидит Хрущик. Он курит огромную английскую трубку. Молчат.

Объединяет только трубка.

Точнее — голландский табак.

Если отодвинуть кресло-качалку, то в полу будет дверца.

Хрущик открыл ее.

В темноте засветился унитаз.

Прямо внизу.

К нему ведут три-четыре гнилых ступеньки. И садись.

У Хрущика был свой туалет.

По-моему, дверцу в полу Хрущик открывал ключом. Весомое количество ключей, самых невообразимых, висело на цепи.

Цепь крепко приделана к джинсам и опущена в карман.

Хрущика явно при ходьбе клонило в правую сторону.

Вечная шляпа на голове.

С загнутыми полями. Или прямыми. Не шляпка. Не местное производство. Не "самопал". А лучших фирм.

"СТЭТСОН".

Если Хрущик снимал шляпу, он как бы терял половину себя.

Не только в росте.

Шляпа с полями ловила импульсы.

Концентрировала энергию.

На ее полях собирались биополя.

Она окуривалась трубочным дымом лучших сортов. Магических.

Архитектор стаи рыб (он есть — я знаю теперь) как архитектор облаков, цветов на полях, движений людей, событий.

Архитектор человеческой истории.

Сон на 21.1.05

...как синяя чешуя рыбы или розовые пеликаньи перья, все просвечивало, мерцало.

И все можно взять и заменить на что-то другое.

Дашенька:

— Знаешь, какие слова я люблю? Пескарь.

Хрумкать пескаря.

Хрущик хрумкал пескаря.

Сейчас в левой руке у меня дымится трубка. Прямая, с медным кольцом.

По меди резаны листья. Узор не кончен. С левой стороны кольца цифры 1982, с правой — буквы ХВ.

Кольцо и резьбу сделал Хрущик.

В 82 году я купил у него эту трубку. За тридцать рублей.

Вероятно, она была продана только потому, что мундштук не вынимался из-за плотного кольца.

Конечно же, Хрущик ничего не сказал.

Прочистить ее было невозможно.

Пропорции и качество трубки были классических традиций. Англия.

Я залил коньяком трубку на ночь.

Смола растворилась. Трубка ароматизировалась. И теперь обычно из нее курится табак специальный, пропитанный виски или ромом.

Как-то на Пасху я зашел на Чижикова.

Хрущ в новых домашних тапочках. На них свежие буквы. Праздничные. На правой — Х, на левой — В.

— Неужели "Христос воскрес"? — ужаснулся я.

— Нет — "Хрущ Валентин", — был ответ.

Тогда же у Хруща увидел я необыкновенной красоты портрет.

Уйти за внешний облик — тема жизни, работы. Не видеть внешнее. Растворить его.

Люблю людей, за внешностью которых нескончаемая литургия.

Структурированное духовное тело.

Во сне: Воздух. 14 век. Каждый день ищущий и ускользающий. Рана — верхушки деревьев.

Воздух двадцать первый.

Воздух середины и конца.

Воздух. 21 век. Оно.

Лестница Якова — фигуры падающие и порхающие. Как жизнь эта.

И все объединятся в это.

И они.

"Илюша, а где твой карнавальный костюм?"

Даша: "А он у него под одеждой. Разденется, а там у него костюм Адама".

Исполнен как бы дымом и мельчайшими штрихами. Нерукотворный.

Но все же рука Хрущика.

Он и объяснил, что дело в фиксативе. Его не было. Пришлось фиксировать рисунок сладким чаем.

На сладкое налипли мошки, комары, мухи...

Никто не знал. Все высохло. Прошло лето. Когда Хрущик смахнул тряпкой лишнее, остались одни лапки.

Счастье увидеть работу художника (гения) не в окончании, а в процессе.

В Лондонской национальной галерее выставлен неоконченный холст Леонардо. Умбра, кость и белила выявляют форму из общего тона.

Точно свет постепенно нарастает. Но цвета еще нет. Его и не надо. Видимо, Леонардо "раскрашивал" уже потом, когда все найдено.

Для массового зрителя.

Сама работа многое при этом теряла. Так как спускалась из духовного (светового) пространства в чувственное (цветовое).

Англичане умно выставили этот шедевр. В отдельном, затемненном зале. Он постепенно высветляется для входящего.

Входя в темноту, нужен свет.

О цвете он не думает.

Хрущ не понимал букву "Щ".

Хотя она и присутствует в его фамилии. При мне он писал записку Щукину. Написал — "счюкину". Конечно же, с маленькой буквы.

Вспоминал, что пошел в первый класс по крышам, влез в окно. И со своими папиросами.

В 1955 году директор одесской художественной школы был без гла-

"Мой стиль? Как можно описать пение птицы?"

Пикассо

Из дневника: "...какая должна быть работа — словно знак водяной на свету проступил".

"Ощущение гармонии длится не более секунды, более человеческое существо выдержать не может.

Ф.М. Достоевский

Древние обладали свободой делать ошибки. Даже выбора ошибок. Например — обратная перспектива дает эту свободу. Она многозначна и допускает разные изображения одного и того же.

за и с фамилией Горб. Милейший человек. Голоса его я не слышал. Общался интеллигентно, на импульсах.

Хрущик тогда был другой.

Чистый, упитанный.

Грудь колесом, ученическая форма застегнута на две пуговицы. Только форма, другой одежды не помню.

Иссиня-черная щетка волос.

Смуглое круглое лицо.

Умные узкие глаза.

Лучшего рисовальщика не было.

Натюрморт с уткой, безупречной красоты.

Точными короткими штрихами.

Нежнейшими полутонами.

Он ничему не учился.

С этим рожден. Просто появлялся. Постепенно.

В глубине его работ я всегда вижу чистоту, ясность и выверенность древнего японского искусства.

Несмотря на любую внешнюю неряшливость.

Этому научить невозможно.

Чувство композиции, которое потеряно.

Чувство формы нездешнее.

Кем он был в предыдущей жизни?

Два-три взмаха стамеской.

Где-то потерто цветным мелком.

Что-то пропитано акварелькой.

Сон на 28.02.05 (о жизни)

...или спектакль продолжается, или действие повторное, но спектакль.

В натянутой струне вся нота жизни — ЛЯ. (Не соль)

19.1.02.

— Что я могу сказать? Только то, что ничего сказать не могу. Поэтому изображаю. Смотрите — и каждый увидит то, что увидит.

Дашенька: "Как хорошо, что пальцы на ногах показывают направление".

Процарапано шариковой ручкой.

Из помоечного обломка какой-то старой мебели — живая рыбка.

Просто обманка.

Такую не раз хватали, чтоб закусить.

Как-то в Москве мы зашли в храм Иоанна Воина поставить свечку.

Хрущик замер перед Распятием.

Приложил шляпу к груди.

Почти не дышит.

Я подошел и увидел замечательной резьбы Распятие. Нераскрашенное. Из ценного дерева. Цельное.

Глазами Хруща я проследил каждый поворот стамески.

Мастерская работа.

Выйдя из храма, Хрущ точно определил, за какое время он сделает такое же.

В журнале "Аполлон" за октябрь 74 года перечислены семь духов, помогающих иконописцу в работе.

Седьмой — дух Святого страха — напоминает, что ты ничего не можешь (от себя).

Тут же, неподалеку от храма, был антикварный. Хрущик не упустил случая туда зайти.

Он знал толк в старье. Не знал, а чувствовал. С порога он попросил две наполеоновские вазы. По 10 тысяч каждая (это притом, что в кармане нет и на пачку сигарет).

Не смущаясь, со знанием дела, Хрущик рассматривал фирменные знаки. Продавец покрывался потом, когда он их переворачивал, вертел

60е-70е-80е годы.

Ушло святое поколение людей "на троих".

10.1.2000

В эпоху сверхделовых и карьерных людей есть особое достоинство оставаться самим собою.

Сон на 12.7.01

"...изображение дыхания важнее самого художника".

Дневник 13.11.95

"...что-то успокоилось, что-то завершилось, что-то прояснилось (после удара лицом о мраморную доску стола); что-то произошло, ушел какой-то страх".

Как работать?

Или, как сказал знакомый:

"Надо рубить фишку — пипл скушает или же пипл не скушает".

так и сяк, стучал пальцем, прислушиваясь к звону. Заикаясь, Хрущик узнавал, сколько еще таких ваз и сколько еще они будут в продаже. Указывал на трещинку. Другую вазу просил оставить за собой.

Приподнимал шляпу. И мы уходили.

Хрущик знал много фирменных знаков. Старинных. И придавал им огромное значение. Старался коллекционировать. Школу он прошел еще на Староконном. Потом он не пропускал ни одного антикварного.

Как-то я показал ему свои рисунки на металле. Серия разных типов.

Из сумасшедшего дома.

Всё с натуры. Документ.

Сразу же вопрос: "Какими резцами?".

— Голландскими, — соврал я. — Клеймо — обезьянка в короне.

Хрущик задумался. Такого клейма он не знал.

Не сказал ни слова.

А самодельные резцы были куплены с рук в Строгановке.

Как-то отвечал на вопрос о том, как я работаю, одному искусствоведу (в штатском).

"Выпью полбутылки портвейна — остальное — на холст. Покурю — посыплю сверху пеплом из трубки. Окурком проведу пару линий. Потом все закрепляю лаком для волос "Прелесть".

Лиечка Орлова добрый ангел и друг московских неформальных художников, многих спасла в 70-80-е годы.

Работая в издательстве "Искусство", она обеспечивала работой и их.

Но в какой-то момент она увлеклась.

И забыла, что сама художник.

Сон на 21.9.01 5 утра

Такой текст:

"Первые рано открывают глаза и видят, как они живут.

Вторые поздно открывают глаза и видят, как они мертвы.

Третьи вообще не открывают глаз, потому что они не спят вообще".

Вот больница, а рядом магазин. Я захожу в теплый, наполненный дымом и разговорами магазин.

А внутри меня прожигающая мысль. Что мне надо не сюда, а в больницу. Но я не иду, потому что там нет людей, знающих расположение звезд. К звездам ближе люди у магазина. На скамейках. Но будущего здесь нет. Здесь хорошо мне известное прошлое. Этот запах масляной краски, смешанный с запахом коньяка.

Баранки с солью в московском подвале хрустят, как уголь по холсту. Всё идет на прорыв.

Решила посетить свою мастерскую.
Открывает с трепетом.
Видит — кто-то лежит. Мятый.
В невообразимом прикиде.
Быстро вскакивает.
Изогнувшись, галантно целует ручку Лиечке.
И высоким голоском: "Х-Х-Хрущик!".
Что это? Условный знак или ключевое слово? Она не поняла.
Она не была в Одессе.
Но запомнила.

И сквозь один план просвечивает другой.
Сквозь магазин — больница.
Сквозь больницу — храм.

После каких-то праздников я был несколько возбужден. Но денег не было. Проходили мы с Хрущиком около памятника. Димитров. Нога вперед. Рука вперед. С кулаком.
Хрущик от кулака в восторге.
Останавливает московскую девицу и интимно-полушепотом: "А что у него в кулаке?".
Но возбуждение не проходило.
И надо было его загасить.
Хрущ все понял.
И повез в метро непонятным маршрутом.
Временами доставал массивную связку ключей. Перебирал.
Спальный московский район.
Многоэтажки. Темно.
Куда-то входили.

Помню — вот я снимаю со стены мастерской большую икону Богородицы Тихвинской — и за окном забили колокола.
В скомканность ворвалась чистота.
Я воспринимал все, сей миг происходящее, так, как будто это уже давно произошло.

После концерта никто не встает и не благодарит скрипку (которая сыграла, т. е. инструмент)

И на какой-то этаж.

Хрущик ловко открывал замки.

Видно, что место ему знакомо.

Одна стена — золотая черепица икон.

За дверцей стеклянного шкафа — набор бутылок.

Хрущик наливал из лучших.

Особенно коньяк.

Себе ни капли.

— И ты что, уже никогда?

— Нет — если только выбор — петля или стакан.

Сережа Ануфриев однажды имел неосторожность, когда говорил о многогранности души человеческой.

Он сказал (27.6.86): "Человек как граненый стакан, светится то одна грань, то другая. Мерцает то внутренняя, то внешняя. Граней много и они разные".

Хрущик: "А я как старый алкоголик интересуюсь только тем, что внутри стакана, и мне наплевать, какие грани при этом светятся.

Главное — чем стакан наполнен".

Это как почтальон. Неважно, в какую одежду он одет и на каком велосипеде приехал. Важно — какую почту он принес.

В 87 году я сделал не менее трех портретов. Хрущика. Возможно, и больше. Но в дневнике зафиксировал три.

2 ноября — на большом оргалите маслом. Парадный. Поколенный.

Шляпа прямая. Трубка.

Дым. Как после битвы полководец.

Как Лиечку, еврейку, держали в московском издательстве столько лет — непонятно.

Ведь это было время, когда партработники говорили о картинах М. Шагала: "Евреи, да еще летают".

Семейные невзгоды бывают тогда, когда есть семья, — и это счастье.

Творческие мучения тогда, когда есть творчество, — и это счастье.

Житейские страдания — когда есть жизнь. А это великое счастье.

Семейные невзгоды бывают тогда, когда есть семья, и это счастье.

Но спокойный. Царский.

А 24 декабря еще два Хруща.

Один — небольшой. Меловая бумага. Акварель.

Другой побольше. Красная сангина. Соус черный. Гуашь. На коричневом картоне.

На них редкий вариант Хруща.

В ночном колпаке, высоком, точно у кавказских пастухов. Шерстяном и рваном. В этом колпаке он спал на столярном станке в ЖСК.

Старенький свитерок с вытянутым воротом. Во рту редкая для Хруща гнутая трубка. Впервые. Жизнь прогнула.

Тоска-печаль всего облика.

Огромная усталость. Бездомность.

Этот портрет сконцентрировал в себе все предыдущие. Всех периодов и состояний. В этом облике Хруща они мелькают мгновенными кадрами, собираясь в один.

Рембрандт. Если бы получилось.

Если мы начинали с Хрущиком ходить по мусорникам и грустными глазами рассматривать хлам — значит, скоро предстоит совместная работа. Внутренний зов. Настало время разбрасывать камни.

Мастерская Васи Рябченко великодушно до утра.

Куски оргалита, картоны от ящиков, столешницы, дверцы тумбочек и прочая, прочая.

Подходила в работу почти любая поверхность.

Музыка на полную катушку.

Дешевый портвейн. Хрущику — чифирь.

Творческие мучения тогда, когда есть творчество — и это счастье.

Житейские страдания — когда есть жизнь. А это великое счастье.

"Пока живешь, будь мертвым, совершенно мертвым, а затем поступай как хочешь, потому что тогда все в порядке".

Лао Цзы

9.9.94.

Когда птица летит — ее нет нигде.

Когда птица летит — она везде.

(Думаю — это разное восприятие мира Востоком и Западом.)

Когда падали сумерки, начиналось действо.

Бралась дверца.

Один из нас делал мазок.

Лучше неожиданный. Невразумительный.

Предоставлял ход другому.

И ответ еще более неожидан.

Ты так. А я вот так. Нищак.

Игра посложнее шахмат.

Но проще, чем перетягивание каната.

Каждую секунду в голове миллион вариантов. Только выбирай.

Лучше такой, какой не ждал ни он, ни ты.

Особенно приятно мазнуть поверх неудачного. Своего или не своего.

Хрясь! — и все разрушить.

По стенам течет краска, лицо в брызгах. Начинаешь пальцами выявлять пятно.

И вдруг неожиданно какой-то закорючкой объединять. На разрушенном построить новое.

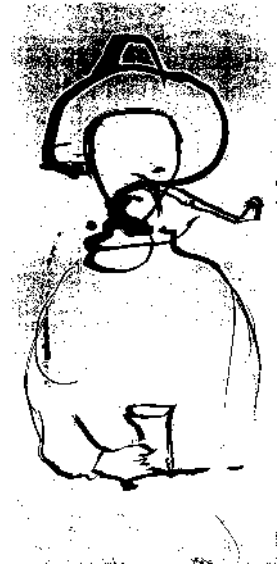
Разрушить холст и в три мазка построить новый.

А так как критерии и оценки у нас были одинаковы, то лучшие места мы оставляли. Делать ход только по неудачному. И без обид.

С молчаливого согласия.

Только так вся плоскость действий может прийти к логическому завершению. К гармонии.

Необъяснимой. Прочувствованной внутренне.

Помню, одна работа явно не получалась. Не находилось решение.

Мы понимали оба, но не обменялись ни словом.

Вообще, за всю ночь не более трех слов.

Понимая, что с этой плоскостью нам не справиться, пишем крупными буквами по всему полю: ВСЁ ЭТО ЭСТЭТСТВО.

И это оказалось окончательным решением задачи.

Работа получилась. Состоялась.

Потом шедевры подписывались. Каждый с той стороны, какая больше нравится.

Хрущик заикался: "Все мы х-х-художники. Только один ч-ч-член, а другой не член".

И когда члены правления расселись в автобусе куда-то ехать, и шофер высунулся с криком: "Так куда едем?!" — Хрущик всех оглядел и ответил: "В газовую камеру".

Хрущик был непрост на подъем.

Чтоб куда-то ехать.

Сколько раз слышал, как провожали его на вокзале.

Хрущик со всеми обнялся. Расцеловался. Вошел в вагон. Прошел насквозь.

И вышел через другую дверь.

Смешался с толпой.

Все машут вслед уходящему вагону.

"Праздность — сестра таланта".

Надпись в мастерской

В Турции приснилась фраза: "Жизнь — это десятки тысяч лет, перевернувшиеся в нас жизнью".

Рассказ В. Немухина "Они там (в Париже) работают, чтоб получить удовольствие, и покупают их поэтому.

Как-то уговорил он меня ехать с ним в Молдавию. Его приглашали оформить охотничий дом.

Резать по дереву для начальства.

Он почему-то никак не мог собраться.

Не мог один.

И мы даже взяли билеты.

За час до отхода поезда Хрущик штукатурил стену. Потом строгал доску.

За двадцать минут до отхода поезда стал ставить чайник. Расставлять чашки.

Он явно не понимал время.

Или не хотел.

Но билеты куплены.

И я стою с вещами на выход.

Пришлось в последний момент вскочить в тамбур.

Чтобы перекурить.

У небольшого озера рядом с охотничьим домом мы забили по трубке. Молдавия.

И тут Хрущик приметил у воды двух смуглых девиц.

Они стояли невдалеке и сушили длинные волосы.

Глаза у Хрущика загорелись, и он раскурил трубку.

Надел шляпу.

Потом штаны. И заправил цепь.

Майку швырнул в сторону.

Выпячивая грудь как-то петушком, стал укорачивать расстояние.

Между ним и девицами.

Разве Н. Ге или Саврасов получали удовольствие? Или Хаим Сутин?

В Париже художников нет — один рынок.

Реклама, выставки, аукционы — это другое. Это мимо.

Хемингуэй увидел (в квартале, где жил Брак) ассенизатора и пивную и понял — отсюда родился кубизм".

"Разглядывание часов — приятный способ убить время".
И. Бродский

Когда поравнялся — девицы оказались на голову выше.

Они смотрели сверху на шляпу и хихикали.

Хрущик доверительным тоном им что-то шептал.

Они стали хохотать.

Хрущик показал массивную связку ключей, которые тяжелой цепью свисали с его тощего и жилистого тела.

Девицы уже плакали от смеха.

Хрущик развернулся.

Медленно подошел ко мне.

— Поехали отсюда.

И мы уехали из Молдавии.

Одно время у меня была мастерская на Войковской. Две пустые комнаты. Высокие. Тихие.

На стенах сохнут трехметровые холсты.

Все горизонтальные — "Тело на камнях".

Все вертикальные — "Распятие".

Приезжала туда Рита с маленькой Юлей. Внимательно рассматривали этот экспрессионизм без границ.

Тогда я открывал банку краски масляной. Переворачивал ее на холст, который на полу. И возил по нему, пока краска не кончится. Открывал следующую.

— Ну, как тебе? — спросил Рита Юлю.

— Мощняк, — ответила маленькая Юля и чуть было не заплакала.

Вдруг понимаешь всю абсурдность происходящего, и свое участие, и свою вину в этой абсурдности.

Стараешься как можно меньше принимать в ней участие.

"Жить так, как будто ты умер".

Потом, отстраняясь, чувствуешь силу и мудрость происходящего.

Высший Промысел.

То, чего не достигнуть нашему разумению и принимается за абсурдность.

(Я еще по Одессе запомнил ее замечательный объект с деревянным бруском и подписью "ЮЛЯЖ".)

Перед моим отъездом в Одессу Хрущик предложил присоединить ключи от этой мастерской к его могучей связке.

Что я и сделал.

В тайной надежде — Хрущик будет работать, выйдет на размер, найдет свою тему. А то все какие-то рыбки, кайфики.

И все чемоданного размера.

Материалы есть. Тихо. Светло.

Полы свободны. Соседей нет.

Но через месяц я нашел только пару угольных почеркушек и пепельницу. Переполненную. Не только окурками.

Тяжелыми размышлениями.

Все непросто.

Это не выход из метро. С указателями.

Направо — "выход на тему".

Налево — "выход на размер".

Не станешь же рисовать рыбку в 3 метра? А почему бы и нет?

Смотря как.

А как?

Как-то в конце 70-х была квартирная выставка.

У Хрущика на Чижикова.

Я по всем стенам развесил много маленьких ярких работ.

Красное с зеленым, синим, белым и желтым.

Все на дощечках.

И все разделились на зрителей и участников действа на этой арене.

Но — зритель тоже участник.

Он — анализ того, что на сцене.

Но он тоже кукла на нитках.

Иногда кто-то рвет эти нити, пытаясь быть свободным, и превращается в груду обломков.

— О чем думает пыль, когда ее стирают с поверхности?

"Помни обо мне", — шепчет пыль.

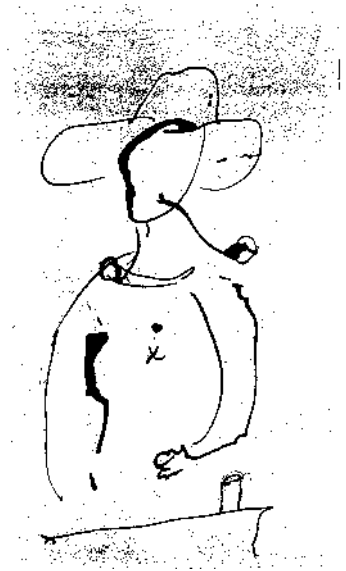
Оден

Так и мы, когда стирают с поверхности мира этого

Блестят. Переливаются.
Написаны на густом лаке.
— Сплошное лакомство, — сказала мне тогда Людочка Ястреб.
Умела определить точно.
В двух словах.
Но этого достаточно.
Я тут же забросил это сладкое дело.
Но попробовать было надо.

"...он рисовал так, как после войны инвалиды рисовали в электричках".

Из разговора с Л.

По длинному коридору ЖСК шла женщина преклонных лет со внешностью современной ведьмы.

От нее исходили резкие нездешние звуки. Позывные. Как спутник в космосе.

Но сама она их не слышала.

Звуки издавал ее слуховой аппарат.

В руках длинный металлический штырь. Он выдвигался. Легко вертелся по сторонам. Это Альвика вышла проверить ауру помещения.

Астральное тело коридора.

Немного раньше я делал рисунки на репинские темы. Целую серию.

"Астральное тело бурлаков"

"Астральное тело Волги"

Видимо, что-то висело в воздухе.

Однажды Хрущик проснулся в поту. Темно. Над ним стоит Альвика.

А перед лицом Хрущика качается и мерцает длинный железный палец.

Альвика проверяла ауру Хруща.

Но он был неуловим.

Стрелка прыгала то в минус, то в плюс, издавая космические сигналы.

Альвика удалилась.

Этим прибором и таким же манером она проверяла все работы Хрущика.

Перед тем как их купить.

И собрала уже много.

Вся отдельная комната в ЖСК была увешана Хрущем.

В рамках. Под стеклом.

Все желающие и платежеспособные приходили посмотреть.

На то, что понравилось, указывали пальцем. Пока Альвики не было.

Хрущик тут же доставал работу из-под стекла.

Мгновенно делал копию.

Приблизительную. Похоже, но только издали.

Копию он вставлял в стекло.

Постепенно вся комната была скопирована. Точней — вся коллекция.

Альвика не замечала.

При проверке аура оставалась той же.

В оригинале остался лишь портрет самой Альвики. Изумительного мастерства. Такой не подделать.

Но после проверки ауры самого Хрущика он перешел спать в столярку.

Спал на столярном станке, завернувшись в тулупчик.

Весь в стружках приходил ко мне пить чай. Только перейти дорогу. Напившись, садился к телефону.

Со всеми, с кем он разговаривал, обязательно договаривался о встрече.

Сегодня. Сейчас. И звонил следующему.

Тоже договаривался.

В другом месте. В другое время.

Не сегодня.

Договорившись со всеми, оставлял телефон в покое.

И мы спокойно заваривали чай.

Кастрюлю овсянки.

Доставали табак. Книги.

И до утра.

А если Хрущик уходил, то обычно к тому, с кем не договаривался. Спонтанно. Как в голову придет.

Делал ход неожиданный.

Всех рассыпал вокруг.

Всё разрушал. Все связи.

Потом неожиданным, но гениальным ходом все объединял.

Как в живописи.

Не делал ходов, которые ожидали.

Просчитывали.

Поэтому Хрущик непредсказуем.

Неуловим.

Разве можно его представить с книжкой-календарем, расписанным по дням и часам?

Хрущ — птица вольная.

Мир его ловил, ловил и не поймал.

Хрущ ему назначил встречу, а сам ушел в другую сторону.

Сейчас мир таков, что каждого можно просчитать.

Или каждый себя просчитал и все свои последующие ходы.

Вольная птица редкость.

Птиц, отрабатывающих траекторию своего полета. А не в ежедневной борьбе за рыбью голову.

Свобода дорого стоит. И платить нужно собой.

Хрущик обожал женщин.

Всех. Начиная с бабушки.

Она для него как Арина Родионовна и Анна Керн.

В одном лице.

А сам Хрущик для Одессы как Пушкин в иной ипостаси. Изобразительной. Пластической.

Постоянно при первом взгляде на его работу хочется воскликнуть:

— Ай да Хрущик, ай да сукин сын!

Камер-юнкер Хрущик на балу у графа Воронцова.

Нет. Хрущик свободнее. Отвязнее.

Ему, признанному баловню Одессы, надо.....

Как Бенвенуто Челлини. Флоренция. Любимому неразумному сыну.

Например — памятник-шляпа.

Из суперсплава, как космический корабль.

Как летающая тарелка.

Главное — передать чувство, что вот-вот она внезапно оторвется и улетит.

Передать оторванность.

Как понимать?

Почему "Окорок, душа и анкета для заполнения"?

Окорок — несмотря на то, что Хрущик так внимательно относился к своей внешности.

К одежде. К телу.

Окорок — просто кусок мяса, прокопченный дымом. Из трубки.

Просто оболочка, которую требовалось пришукрасить. Содержать в порядке.

По мере сил и возможности.

А внутри — душа.

Их Хрущик разделяет.

Оболочка (окорок) и душа (нечто противоположное оболочке).

И — анкета для заполнения.

Анкета это тот мир наш, где все расписаны и пронумерованы.

То, что Хрущик ненавидел и от чего убегал.

Анкета — это система.

Это конец свободы.

И между окороком и анкетой только душа свободна.

А вообще, Хрущик нездешний.

Помню его любимый анекдот.

Двое бандитов, достав ножи, стоят на дороге и спорят, луна в небе или месяц. Решили спросить у прохожего. Тот, смекнув ситуацию:

— Ребята, я не местный.

Это его позиция. Просто никто.

Просто выбежал пописать.

По паспорту Хрущик был прописан в доме, который 15 лет как снесли.

Хрущик пытался делать и мои портреты. Но не мог справиться с натурой. Не понимал. Редькой вверх или редькой вниз. Получалось слащаво.

Приукрашено и омоложено.

Преподносил в виде комплимента.

Раз Хрущик долго бился над моим неуловимым обликом.

Веер всевозможных поворотов.

Листы разбросал по полу.

Стали обсуждать.

Из соседней комнаты выбегает трехлетний Илюшка.

Начинает по рисункам бегать.

Туда-обратно. Как челнок.

Уголь на листах не зафиксирован.

И рисунки покрываются крошечными пальчиками и пятками.

Всё. Теперь можно фиксировать.

"Хрущик, — ты гений", — думаю я.

Как Хрущ писал женщин!

Обнаженное тело. Как он его чувствовал!

Дашенька про ненарисованную картину:

"В левом углу маленькое пятно. Слова. Если провести параллель — образуется кубизм Матисса.

Ритм сечения неукротим.

Выстраиваем круг вдоль нижнего бортика. Образуется нечто. Бегущая фасоль (фа-соль) в перпендикуляре. Когда стараешься, тогда не получается. Лучше свесить ножки в бассейн — вот и параллель. Заключаем — что все диагонально к праотцам реализма".

В моих портретах качества были противоположные.

Вот я пишу женский портрет. Актриса театра Гоголя или московская поэтесса.

Стараюсь покрасивей. Помоложе.

Результат один. Все говорят:

— Похоже, но ей еще лет семь погулять надо. Или десять. Тогда будет самый раз.

Чем больше вывернет, тем сексуальнее получится.

Он его знал. Изучал. Понимал.

Не думаю, что он рисовал с манекена, лежащего у него в мастерской на Пушкинской в позе Венеры Джорджоне.

Вот мы в две руки пишем "Кающаяся Магдалина".

Хрущик вывернул грудь Магдалины так, что я ничего не мог дополнить.

Но я написал Христа, и он не тронул.

Забавная картинка получилась.

Грудь Магдалины размером со все Распятие.

— Да, Мемлинг, Мемлонг, — как-то особенно задумчиво произносил Хрущ.

И глаза его приобретали такое выражение, как будто он смотрел вглубь себя.

И мне вдруг стало ясно, что во многих работах Хрущика присутствовал Мемлинг. Его утонченность и "изощренность".

В 88-м году Ириш уговорила меня делать выставку.

Натворил много. Разного.

Пора показать. Открыть лицо людям.

Альвика предоставляла две комнаты в ЖСК. За картинку.

Нежилое помещение.

Конторская атмосфера.

Позывные Альвики.

И кто сюда пойдет?

Но помещение не отслеживалось КГБ.

И это был центр Москвы.

Ты узнаёшь счастье, когда видишь его воплощенным?

Тогда ты счастливый человек.

"Грустно, когда позвоночник распрямляется лишь на кресте".
Е. Лец

Но каждый человек несет свой крест. Обязан нести. И только тогда человек распрямляется. То есть — крест распрямляет человека.

Я вяло согласился.

Кое-как разбросал по стенам большие холсты. Маленькие поставил на пол. Ведь самому интересно посмотреть на все это со стороны.

Помню, как увидел по-настоящему одну свою работу только в Шереметьево, когда таможенники попросили несчастного американца развернуть трехметровый рулон.

А я стоял за перегородкой и с расстояния отмечал про себя удачные и неудачные места.

Теперь, когда все собрано вместе и развешано, многое можно увидеть.

Моя предыдущая выставка случилась в детском саду. Бывшем.

Старинный дом. Уютно. Светло. 2-й этаж. Во всю стену 6-метровый холст "И смерть убивает смерть".

Он и написан был здесь же, на полу.

Было живо. Толпа. Американка Эн Левит от галереи Мэри Бун.

Какие-то люди из швейцарского банка.

Много молодых концептуалистов.

Они потом и создали здесь свою группу "Детский сад".

Сейчас у Альвики все проходило спокойно.

Но вот является директор Бернского музея фон Тавель.

За ним, вернее, по его совету, богатый немец Ланг.

И покупает всё.

Всю выставку. Два зала.

И Хрущик вдруг перестает общаться. Молчит. О чем-то думает.

Я решил, что он хочет процент. Альвика заявила о проценте сразу. Через помощников.

Но всё не так.
Хрущика мучила другая идея.
Творческая.
Все та же — тема.
Своя тема и соответствующей ей размер.
Ни фон Тавеля, ни Ланга на свою экспозицию он не пригласил.
Маленькие стеклянные картинки.
Птички-рыбки. Для украшения.
Салон. Хоть и талантливо.
А внутренняя потенция огромна.
И силы еще есть (каких-то 45 лет).
Хрущик чувствовал нутром — срочно надо делать вывод.
Но озвучить эту мысль он не смог.
Не было сил. Просто молчал.
Я понял.
Его надо остерегаться.
Он опасен. Непредсказуем.
Все может.

Московский период Хрущик провел в одежде днем и ночью.
Ночью, потому что не спал.
А днем — был всегда готов ко всему, если и засыпал ненадолго.
Не помню, чтоб принимал ванну или душ.
Не то что Руслан Макоев.
(Тот отмывался в ванной часами, и однажды, выйдя, попросил всю

Как-то я спросил Хрущика — какого он мнения о фиолетовых тонах.

— Фиолетовый — это загадка, — ответил Хрущик, — а моя любимая пара — английский красный и кобальт синий.

Я не помню, чтоб у Хрущика когда-нибудь была палитра.

оранжевую одежду, какая есть в доме. Ириш ему выдала все, что имелось. И перевела на английский бумагу для Раджнеша. Руслан оделся, взял бумагу, и больше мы его не видели.)

Была у Хрущика мастерская на Пушкинской. Как бы запасная. Секретная.

В центре полутемной комнаты на полу полулежал женский манекен.

Весь в цветных драпировках.

Руки-ноги на шарнирах.

На голове и в нужном месте настоящие волосы. Или очень похожи на настоящие.

Помню в углу тумбочку.

Набита бутылками с вином.

Для гостей.

Рядом на мольберте маленькие портретики маслом.

Тремя мазками прекрасное лицо (жена Аркаши Л.). В разных вариантах.

Но ничего не закончено

Все делано урывками.

Три мазка в три секунды.

Работать здесь было невозможно.

Атмосфера была отравлена манекеном.

Есть мастерские с очень плохой аурой.

Конечно, тип он был отвратный.

Невыносимый.

Один очень умный человек, написавший несколько книг из жизни замечательных людей (и художников тоже), так сказал о моем портрете Хрущa:

— Это секретный китайский солдат.

Это было точное попадание.

Его восприятие Хрущa совпало с моим, но я не смог определить это словом. Я нарисовал.

А он произнес ключевое слово — "секретный".

Для многих, если не для всех, Хрущик остался секретом.

Вот говорит, заикаясь, какие-то жаргонные словечки.

Хихикает театрально. Шепчет.

Смеется на публику.

Актер, конечно, гениальный.

Но что он там себе думает?

Где он?

Где он настоящий?

При всем том чувствуешь, что в голове у него совсем другое.

Какие-то варианты. Он далеко.

И где-то там строятся комбинации на всех уровнях. Как в его живописи.

Почему почти что все ему прощалось?

И на групповых фото художников он всегда в центре. Никогда где-нибудь на заднем плане. Или сбоку.

Попади он в тюрьму, я думаю, было бы то же самое. Сразу нашел бы общий язык. Сыграл.

Зеки почитали бы его своим.

Да они и считали, раз приходили на Чижикова.

Случайный человек, со стороны, глядя на Хрущика, думал:

— Что за непонятное создание?

— И откуда он такой взялся?

А вот ниоткуда.

Одесса родила.

И где эта елка, на которую вешались эти игрушки?

И какая она? Его внутренняя концентрация.

Загадка. Как и все его работы.

Кто-то сравнивал:

"Как воздушный шарик на ниточке. Несешь — красиво. Но отпустить нельзя — улетит".

Дети о нем:

"Хрущик — зверь златогривый, по ночам ходит".

Другой уровень восприятия действительности.
Другой опыт предыдущих жизней.
И все это чувствовалось нутром.

Хрущик один из редких художников, кто видел красивое в некрасивом.
Прекрасное в безобразном.
Во всем огромном диапазоне.
Так работал.
И так жил.

Разговор Ж. Малахина с моей матерью:

— Вот пишу книгу. О чем? О том, что я ее писать не хочу. Пишу о том, что писать книги не хочу, — и получается книга.

В Москве, в Беляево, был прекрасный выставочный зал. Высокий, просторный. Стены стеклянные. Всегда пустой.

Под ним бункер. Обычный. Бетонный. Коридоры, комнаты, тупики.

В бункере царил Хрущик.

Он был хозяином всех подземных лабиринтов.

И случись атомная атака, все посетители выставки, все любители прекрасного, могли спокойно спуститься под землю к Хрущу и пересидеть у него недельку.

В бункер приходили все.

Чаще ночью.

Днем хозяин спал.

Да и в бункере неясно — день или ночь.

Как под шляпой Хруща.

Бетонные стены. Пыточное освещение.

Работаем на ощупь.

Так, внутренним зрением представляешь, что должно получиться.

Вынесешь на дневной свет — и ахнешь.

Состояние в бункере такое, будто завтра с утра должен принять яд.

Тебя завернут в твои холсты и сожгут.

В душе что-то дребезжало.

Звенело.

Поднявшись из бункера на поверхность, я решил писать "Царь-колокол".

В натуральную величину. Иначе не зазвенит.

Диптих. Одна часть — колокол днем. Другая — ночью. Но из сколотой части колокола — яркий свет.

Только теперь мне понятно, что это была реакция на бункер.

Писал в выставочном зале, при дневном свете.

И там же, еще мокрые, выставил.

(11 сент. 88 г. открылась выставка "День Москвы". Хрущик решил не выставляться.)

9.4.99.

Время это...

Я припоминаю прошлое так, как будто его не было совсем, а я предугадываю будущее.

Так иногда кажется, когда вдруг начинаешь постигать глубину.

Иногда, когда вдруг.

А воздух — после дождя.

Явственно возник мираж мастерской, Солянка, Москва.

"Мы жили в городе цвета окаменевшей водки".

И. Бродский

Веду две жизни, как летающая рыба. Выскочил в другую среду — и обратно под воду. (У Жванецкого рыба ведет тоже две жизни. Одну — в живом виде. Другую — в копченом.)

Когда бутылка пива — драгоценность. Как и банка с окурками. Ими я набивал трубку.

— Глохни, рыба, горя хапнешь, — возник голос из будущего.

Звезды были расположены так, что Чистые Пруды казались мутным вермутом. Они были размытыми и счастливыми.

— Праздник одуванчиков, — говорил мой покойный друг.

И чувствовалось Присутствие.

Вздохнул. Дождь.

Звезды расположены так, и все происходило так. Твоя задача — отдаться этому.

Ты ребенок и понимаешь цветные пятна и линии, которые вне времени. И перед тобой река. За ней Русский Дом. А за спиной церковь, мерцающая в зрачках.

Внутри тебя прокручивается исповедь.

Ты готовишься. Может, в последний раз.

Или первый. Это закрыто.

Взгляд скользит по воде, крестам, мелькающим фигурам.

А звезды (в их расположении) вверху.

.....

Помню непреднамеренное убийство мышонка.

В распахнутых дверях с трагическим лицом стоит Хрущик с мышонком в руке.

Забивал какой-то щит.

Пробегал мышонок.

Рука сработала мгновенно.

Хрущик расстроился — он не успел даже подумать.
А точный глаз и точная рука опередили его.

Руку Хруща, его пальцы, надо было видеть во время работы.
Он держал кисть так, что если с нее и упадет капля, то точно в зрачок.

Дурдом на Левобережной. Москва (начало 80-х). Курилка. Окна и лампы в сетках.
В центре — ведро. Туда плевали и сбрасывали окурки.
Все делились на "аликов" и "шуриков" — алкоголиков и шизофреников.
Старая гармонь с инкрустацией перламутром и костью.
Все тихо слушают.
Алик поет: "Ты будешь уркам клей варить сапожный, а я — шнурками на базаре торговать".
Его глаза смотрят сквозь ведро с плевками.
Другой Алик, совсем юный, со слезами:
— Я скорее хочу вернуться. У меня на столе осталась неоконченная бутылка портвейна.
Я тоже хотел вернуться.
Меня ждала неоконченная мозаика.

Вот и сейчас из разных кусочков-камешков пытаюсь что-то составить. Кусочки все малозначащие. Но вместе могут что-то выстроить.
Какую-то сумму.
Не так важны сами детали, пустяковые случаи нашей жизни, вся мо-

висел-болтался

и не находил
себе места

и улыбался-кланялся

и танцевал
со смертными

и жил
пока не умер

и вспорхнул
когда родился

"Сумма нулей — страшная величина".

Е. Лец

заичная дребедень. Но они — та атмосфера. Которой уже нет. Тот воздух, на котором все держится.

"Главное не узор, а воздух,
на котором он держится".

О. Мандельштам

Позвонил Шура Ануфриев из какого-то штата Америки.

— Когда я видел в последний раз Хруща, он был мягкий-мягкий, — такой, как в детстве. Тогда он Риту называл — "т-т-тетя Рита" (это потом уже —

Р-Ритуха).

Позже он стал жестким, очень жестким. Но я его увидел мягким — наверное, он уже знал, что болен.

Потом Шура сказал:

— Хрущик — это маленький Сычик. Так похожи.

Интересное сравнение, но поверхностное.

На самом деле Сычев — это маленький Хрущик (несмотря на свой рост и вес).

Если их сравнить по количеству таланта и свободы.

Сто двенадцать мгновений Хруща.

Конечно, каждый видел его разного.

По-разному.

У каждого — свой Хрущик.

Неуловимый. Ежесекундно меняющийся.

Вот он говорит: "Нищак", — а вот — "Толдяк".

"Дашенька (засыпая под сирену "скорой помощи"):

— Папа, а звук воздух уплотняет? А цвет?

Только неправильные (поверхностные) вопросы имеют ответ.

Правильные (глубочайшие) вопросы не имеют ответа.

Кришнамурти

Время
покажет место
не здесь
и не сейчас

Хихикает. Заикается. Молчит.
Смеется декоративно.
Жокей. Тореадор. Целует ручки.
Оборванец. Бомж. Дамский угодник.
Антиквар. Старьевщик. Печник.
Эстет. Неуч-тонкач. Лентяй-труженик.
Нищий. Матершинник. Обманщик.
Без царя в голове. Божий человек.
Изощренно-утонченный. Звериное чутье.
Хам. Пижон. Вор и подонок. Гений.
Птица свободного падения.
И взлета.

— "Я потерял в жизни много, а главное — здоровье", — не раз говорил Хрущик, — рассказывал мне по телефону незнакомый женский голос.
— Ночь на 24 октября спал спокойно. В 8 часов открыл глаза.
Сказал: "Доброе утро", — и умер.

Любимая тема Хруща это рыбки.
Он написал и вырезал из дерева их множество.
Я никогда не рисовал рыбок.
Как-то через год после смерти Хрущика прокрывал золотом неболь-шую рельефную плоскость.
Внизу появилась рябь воды.
А из каких-то затенов выпрыгнула из воды рыбка.

Д. Шостакович терпеть не мог ноту фисис (фа дубль диез).
Особенно в 5-1 симфонии П.И. Чайковского.
"Не выношу", — говорил Шостакович.

Я только чуть-чуть помог ей.
Золотая рыбка в золотом небе.
Ее полет описывал омегу.

"Что ты рисуешь лошадь?
Нарисуй хвост — что, тоже не можешь?"

М. Врубель

Вот и я пытался изобразить художника.
Но не могу даже и его шляпу.
Прости.

P. S.
В те годы мы жили и работали, "как на корабле во время потопа — писать и закупоривать в бутылку.
Потом прочтут".
А пустых бутылок у нас было много.

Ловля Хруща

Когда Хрущик был совсем маленький и передвигался на колесах, к нему подлетел Ангел и протянул карандаши.

— Б-бабушка, — тоненько засмеялся Хрущик и уснул.

Как можно поймать Хруща?
Какие сети расставить?
Из каких линий, пятен, мазков?
Проведешь две линии — и он между них ускальзывает.
Наносишь пятно — и он сквозь него просачивается.
Делаешь мазок — и он за ним исчезает.
Что такое Хрущик — его каждый видел по-своему.
Может быть, такой, а может такой.

Если же проследить за процессом выявления неповторимого образа Хруща, то быстрее видишь, кем он не был, чем кем он был.

Он изменчив
ни застенчивый, ни наглый
ни ударник труда, ни лентяй
не любимчик союза и фонда
не пижон, не шантрапа
вчера он стар — сегодня молод
ни весёло-грустно-задумчивый
разве можно просчитать его алгеброй?
может — так? но — нет

при приближении присматривается
но это не то.
шляпа отдельно не имеет смысла
всё не то, не то.
можно зачеркнуть.
не получилось
его не поймать.
подведем черту

Рисунки Владимира НАУМЦА

Елена НЕКРАСОВА

Жизнь полна компромиссов*

Ну вот я и в Одессе. Но радость встречи с любимым городом мне отравляет Кристина. Конечно, не со зла, просто она хорошо подготовилась к путешествию — откопала в Интернете кучу статей про Одессу и уже составила план осмотра достопримечательностей. То и дело спрашивает — знаю ли я, где находится Воронцовский дворец? Знаю. А оперный театр? Знаю. А в каком году он был построен и как звали архитектора? Иди ты к черту, Кристина!! Но... я молчу.

Потому что так устроена жизнь (по крайней мере, моя) — всегда или чего-нибудь сильно не хватает, или явный перебор. Вот даже в детстве. У меня были интеллигентные родители, врачи, но папа постоянно покупал мне пластмассовых солдатиков. Я знал, что детям положено играть, и поэтому безропотно расставлял их на полу, но вот что было делать дальше? Я задумывался... вернее, сидя на полу, я погружался в тупую прострацию, а потом оказывалось, что у моих солдатов отгрызены головы. Я сгрызал им головы неумышленно, но это повторялось снова и снова... просто я был задумчивым ребенком. Папа стал бить меня ремнем, и мама не возражала. Вздыхая, она объясняла мне, что человек должен нести ответственность за содеянное. Меня наказывали, но продолжали покупать солдатиков. А я не знал, что не люблю в них играть...

Иди ты на фиг, Кристина! Где гармония в этом мире? Почему нельзя приехать в родной город и побродить одиноко? Зайти к друзьям... хотя какие друзья? Не посещать же одноклассников. Да. Здесь нет друзей. И там нет. Нигде нет. Только моя Кристина.

Мы прилетели около полуночи, город лежал во тьме, только на центральных улицах через один теплились фонари — так было и раньше, но есть и отличие — теперь среди кромешной тьмы то и дело высвечиваются (и вызвучиваются) островки уличных кафе, их очень много, и если они не пустуют в прохладную апрельскую ночь, что же тут летом творится? Воздух пахнет морем, океан пахнет совершенно иначе (по мне, так он вообще не пахнет), что говорить... это запах моего детства. Пока мы ехали в гостиницу "Красная", таксист лет сорока со слезами на глазах поведал историю своей жизни — он любит жену и ребенка, но его мама задалась целью испортить им жизнь, и у нее получается, на днях жена бросила беднягу...

* Глава из повести

В самой роскошной гостинице города нас встретил пыльный швейцар, именно так — когда он распахнул двери, от его шелковой ливреи (с пышными галунами) взлетело облако пыли. Гостиничный холл освещался тусклым светом, повсюду печально лежали плешивые ковры. Центральную лестницу обрамляли херувимы-негры с отбитыми носами, зато обильно крашенные черным лаком, ужасно блестящим. Проходя по коридору второго этажа, я машинально взглянул в огромное зеркало и ничего там не увидел, даже сердце екнуло... но сразу же понял, что зеркало весьма антикварное, в патине. Но главное — ванна! На ней мы обнаружили (вернее, обнаружила Кристина) желто-серые подтеки. Горничная спокойно объяснила, что это — въевшаяся грязь, которая не отмывается. В том смысле, что такая грязь — не грязь, и ванна практически чистая. Кристина возмутилась и очень расстроилась, и потребовала другой номер. Но свободных люксов не оказалось. Тогда Кристина решила перебраться в другую гостиницу и стала нервно засовывать в чемодан свои вещи. Я сомневался в успехе мероприятия, наверняка в другой гостинице нас ожидали другие сюрпризы.

Ах, Одесса! Как все это знакомо, как мило, как по-одесски... но Кристине кажется, что за двести баксов она имеет право на чистую ванну. Как она ошибается... Кристине не помогут экскурсии и осмотр памятников старины, дух нашего города ей никогда не прочувствовать...

Но горничная сломалась. Сдалась. Пошла на попятную. Возможно, наш отказ от номера чем-то грозил ее карьере. Девушка принесла баночку с надписью "щавелевая кислота" и довольно быстро очистила ванну от ненавистных Кристине подтеков. И раздраженно объяснила, что эмаль вся стертая, что мы изгадим белый цвет после первого же мытья, и с такими нашими претензиями ей придется вычищать эту ванну каждый день. Я не стал переводить — зачем лишний раз волновать Кристину?..

Но самое ужасное, что я случайно уснул. Хотел ненадолго вытянуть ноги, прилег на диван и моментально провалился в сон, какая жалость! Я так мечтал отправиться на ночную прогулку, встретиться с Одессой, так сказать, тет-а-тет, без дурацкой Кристины. И вот уже утро. Я плохо выспался, я отлежал себе бок и смял лицо, я жду, пока моя крошка наведет марафет, и думаю — где же это я? Неужели в Одессе? Наши окна выходят во внутренний двор, коты роются в мусорных баках, где я?! Я не принадлежу сам себе, на это у меня не хватает денег, какая печаль... я тут лишний, а Кристина — нет. Она путешественник, она — экскурсант, она — мой хозяин. Какое дерьмо! Надо завязывать думать об этом, ведь жизнь только начинается...

Нет, правда, что-то Билли долго копается, целый час уже там сидит... пачкает ванну. Завтрак, который им принесли, только обострил чувство голода, но еще заказывать неохота, лучше поесть где-нибудь на свежем воздухе с видом на море... там солнышко, отличная погода, но маразм крепчает. Билл проснулся в восемь утра, а может, он вообще не спал, хрен его знает, и стал рваться в мастерскую. Джек сказал все, что он по этому поводу думает. Билли обиделся и пошел мыться... Вчера, когда Билл узнал, что мастерская Буряка находится недалеко от гостиницы, он прямо с самолета потащил его туда, а было два часа ночи. В темноте Джек перепутал дворы и уже подумал, что тот двухэтажный дом снесли на фиг... но потом понял ошибку (Билли уже пребывал в тихой истерике), когда разглядел в глубине двора белеющий бюст вождя пролетариата. Памятник Ленину стоял в соседнем дворике, значит, это соседний... он даже вспомнил связанную с ним историю — в разгар Перестройки бюст хотели увезти, но жильцы встали на его защиту, огородили колючей проволокой и посменно дежурили, пока все не улеглось... об этом даже в газетах писали.

Двор Буряка зиял чернотой, светилась только пара чердачных окон, но они ни хрена не освещали, разумеется. Хорошо, что у таксиста нашелся фонарик, да, блин, красиво жить не запретишь! За час простоя (в ста метрах от гостиницы!) водитель затребовал сто баксов сверх стоимости дороги из аэропорта, причем сама дорога обошлась в пятнадцать... а Билли даже не поморщился, только все выпытывал — ты уверен, что это здесь, ты уверен, да? Достал. Джек помнил — полуподвал слева от арки, несколько ступеней вниз, на двери была замызганная табличка с надписью "Художественная мастерская". Он осветил дверь фонариком — табличка на месте, посветил в окна — там занавески, что дальше? На двери — здоровенный висячий замок. Хорошо, конечно, что дом не снесли, и мастерская на месте, но это же не частная собственность, это от Союза художников, сто раз уже могла перейти к другому владельцу. Билли предложил оставить записку, что коллекционер-иностранец хочет встретиться с хозяином, на такое грех не клюнуть.

И вот, когда они стали сочинять записку, приехала милиция. Из подъезда тут же выскочила старушонка, одетая по-зимнему, и стала визжать, как раненная мышь. Мол, она чуть инфаркт не схватила, потому что у нее бессонница, а тут грабители, а она одна в квартире, а они светят фонарем, а у нее ноги стали ватные, но хорошо, что хоть телефон сегодня заработал,

а то ведь неделю совсем не работал... старуха с первого этажа, окна прямо над Буряком, следила из окна, сволочь, и ни звука, ни шороха... и не она одна наблюдала, потому что вскоре их штук десять набежало, Билли охренел... Двое ментов были настроены решительно, руки на капот, обыскали, не нашли ничего криминального, кроме фонарика, и уже собрались везти в отделение разбираться, что к чему, но тут водитель заныл, что не виноват, что он взял в аэропорту иностранцев, а они попросили остановиться и подождать... Иностранцы? Это и спасло.

Они показали паспорта, Джек объяснил, что хотел повидать друга-художника, что ничего плохого и в мыслях... Билли трясся, водитель нервно курил, менты понимающе кивали, старухи держались поодаль, момент настал! Джек сунул блюстителям по сотне баксов на рыло, и инцидент был исчерпан... Все. Теперь он не даст собой помыкать, хватит. Самое неприятное — бабки обмолвились, что в мастерской уже год никто не появляется, раньше ходил один бородатый, а сейчас пропал. Это осложняет дело. Надо пойти в Союз художников и выяснить, где Буряк, может, он вообще умер... но почему мастерская закрыта уже целый год? Непонятно. Ясно одно — что помещение пустует, и незачем околачиваться под дверью, тем более после вчерашнего... разве что вскрыть ее и посмотреть, вдруг там все осталось по-прежнему? Это было бы круто, ограбить Буряка... хотя старухи не дадут... а можно сразу обратиться в милицию. Скажем, баксов за тыщу менты взломают дверь? Наверняка... или нет? А если соврать что-нибудь? Сказать, что уезжая в Штаты, он забыл у друга свою коллекцию значков? Но это если Буряка уже нет в живых... нет, это стрёмно, да ну, бред!

Он уже начинает впадать в истерию, как Билли... нет! Или все будет по закону, или никак, хватит уже... в самолете Билли не на шутку загрузил его своими знаниями про Одессу, сыпал какими-то идиотскими датами, типа когда забили первую сваю в порту... Джек не выдержал и сказал, что лучше бы он думал о деле. А Билли, оказывается, только о деле и думал, просто болтал, чтобы снять напряжение. И когда он начал говорить "о деле", мало не показалось... а что будет, если будет так? А что, если эдак? А вдруг такое случится? А сякое? Кошмар... И так перевозбудился, что потащил его сходу в мастерскую... нет, у чувака явно едет крыша, нельзя ему потакать.

А в гостинице еще устроил эту разборку с горничной, хотя Джек сто раз предупреждал — на Украине может быть такая срань, какой он отродясь не видал, и деньги ничего не решают... "Я бывал в бедных странах, но за хорошие деньги там всегда можно получить хороший сервис!" Там можно, а здесь — как повезет, такой вот парадокс. Или такая психология,

однако факт налицо, чего дергаться? Хотя, скорее всего, он был взвинчен после ареста, вот и раскапризничался...

Так. Полтора часа в ванной. Он что, дрочит там, что ли? Мечтает о Роби? От голода уже урчит в животе, пожрать и идти в Союз, это рядом с Художественным музеем, он помнит, он оформлял там картины на вывоз... и не забыть купить шоколадку секретарше.

Вот и я! Джек, какой у тебя план? Я на тебя полностью полагаюсь... я думаю, надо разыскать друзей этого Бурьяка, ты знаешь его друзей? Ты говорил, что у тебя есть какие-то телефоны.

Скажи мне, Билли... а что ты делал полтора часа в ванной?

Я? Я думал... Знаешь, я думаю...

Билли! Я хочу есть, понимаешь?! И пока я голоден, я не буду с тобой говорить о делах! А ты еще не одет... все! Быстро одевайся и выходим на улицу!

.....

Эх, платаны... пятнистые, толстые... раньше корни платанов разрывали асфальт, теперь тротуары замостили фигурной плиткой, но корни все равно побеждают, вся эта красота трескается и вспучивается, надо смотреть под ноги, чуть было не растянулся уже... Дома стали понаряднее, не такие облезлые, много отреставрированных... таксист рассказывал, что на Греческой площади снесли круглый дом и построили огромный стеклянный магазин, а так вроде все по-старому... а, еще какой-то небоскреб прямо в море, вроде гостиница, надо будет посмотреть. А Пушкинская улица точь-в-точь, как раньше...

Одну минуту, Билли, я сейчас!

Вот она, их подворотня, а за ней еще должно быть два глухих дворика без окон, однажды они тут трахались с Зойкой, так жутко напились, что ничего уже не соображали... да, вот тут лежало бревно, а эта стена была увита диким виноградом... ладно, Билли ждет...

Джек, а почему ты жил в Одессе? Я забыл... ты здесь учился?

Ну да, учился в университете.

Ух ты! А на каком факультете?

На романо-германской филологии...

Потрясающе! Джек, так ты языковед, ты культуролог! Философ! Вот почему ты все время что-то пишешь, оказывается... невероятно! Фермер, коллекционер и ученый! Смотри, Джек! Там художники, ты знаешь кого-нибудь? Можешь спросить, вдруг они знают про Бурьяка?

Билли, я не буду пока ни у кого спрашивать, пойдут разговоры, зачем это нам? Сначала мы пойдем в Союз художников... нет, сначала мы съедим что-нибудь вон в том кафе, оно мне нравится, ты не против?

Нет, нет... как скажешь, но как ты думаешь, ведь наверняка кто-то из этих художников знает Бурьяка? Смотри, тут продаются пейзажи и натюрморты... сколько всего... это такое специальное место, да?

Да, Билли, это Горсад, Городской сад, тут продаются сувениры и плохие картины...

Но ведь у Бурьяка тоже плохие! Ты сам говорил! А вдруг он здесь их продает?!

Хорошо, давай посмотрим...

А ведь Билли прав, между прочим, тут ему самое место... даже какие-то знакомые рожи, или так кажется? Вон того со странными губами точно где-то видел, а что он продает? Зверюшек из ракушек... да, эти обвислые губы на костистом лице... нет, не вспомнить. Наверняка тут можно найти знакомых... хотя он имел дело с нормальными художниками, а не с этой горсадовской шушерой, вот только с Буряком прокололся... в глазах рябит от всей этой мазни и безделушек, продавцов полно, а покупателей нет, видимо, еще не сезон. Ага, в Билла уже вцепилась пожилая мадам, впаривает какие-то шкатулки, пора сваливать. О, на той стороне приличного вида кафе, можно туда зайти... хотелось посидеть на улице, но прохладно, ветер какой-то...

Нет, Билли, его здесь нет, пойдем...

Пойдем, Джек! Эта дама говорит по-французски, я почти ничего не понял...

Я думаю, она сама ничего не поняла.

О, смотри, какие там красивые здания! Как называется эта улица?

Это Дерибасовская, самый центр города.

О, Дерьибасовска! А скажи, Прьеображьенска улица далеко отсюда? Она должна пересекать Дерьибасовску, я смотрел по карте. Там находится великолепный масонский дом, его построил архитектор Гартвиг. Представляешь, треугольный дом с каменными рыцарями у входа, я хочу сделать фото...

Присаживайся, мы пришли.

Будем обедать?

Завтракать.

Отлично! А скажи, ты знаешь такую площадь, сейчас... Екать...ериньенская площадь? Бывшая Поть...потьемкинская?

Знаю. Это возле Потемкинской лестницы.

Далеко?

Тут все недалеко, Билли, ты уже знаешь город лучше меня, не прикидывайся.

Да. Там находилась тайная масонская ложа, в доме номер три. Этот дом принадлежал какому-то капитану, такая сложная русская фамилия, сейчас не вспомню... и когда дом недавно реставрировали, то в подвале обнаружили замурованный масонский храм со всеми атрибутами....

Разве у масонов бывают храмы?

Ну конечно! Ложа и есть храм! В ложе находятся две колонны, алтарь, грубый и совершенный камни, шахматный пол, да много всего... масонский храм символизирует мироздание!

Это круто, Билли. Так, посмотрим, что тут есть... я буду суп-пюре из овощей и антрекот с картофелем, а ты как знаешь... меню на двух языках, так что выбирай, вегетарианское там в самом конце.

Москва

Владимир ПОРУДОМИНСКИЙ

Сценарий для Феллини

Уходящая натура

Мы обнаружили этого мальчика на заднем дворе у входа в полуподвал, где помещалось домоуправление. Такого мальчика никому из нас еще никогда в жизни видеть не приходилось.

— Это что у тебя? — спросил Гага и подергал за длинный завитой локон, свисавший у мальчика на висок из-под синей суконной фуражки.

Светлые глаза мальчика налились слезами. Он пожал плечами и ничего не ответил.

Я догадался, что это за локоны, — просто до этой минуты я был уверен, что таких мальчиков давно нет на свете, и встретить их можно только в рассказах Шолом-Алейхема, которые я читал позапрошлым летом.

— Тебя как зовут? — снова спросил Гага.

— Нахум, — едва слышно ответил мальчик.

— На х...! — Гага громко расхохотался.

Гага, которого на самом деле звали Егором, был сыном дворничихи Петровны. Он был известным хулиганом, даже взрослые его побаивались.

— А что я с ним поделаю! — кричала тощая, похожая на вяленую рыбу Петровна, когда кто-нибудь жаловался ей на сына. — Отец жив был — лупил смертным боем, а я что могу?! Пойдет воевать или в тюрьму, там умуразуму научат!..

Она утирала глаза грязным белым фартуком. Отца Гаги, прежнего нашего дворника, убили на фронте в первый же месяц войны.

— Ну, что ты к нему пристал? — сказал Анга и положил на плечо Гаге огромную ладонь, вызывавшую у меня зависть.

Анга был сильнее всех ребят нашего двора, возможно, даже всех ребят, обитавших на нашей улице Сталина.

Мальчик с локонами на висках, в синей суконной фуражке, коротком пальтеце, с холщовой котомкой за плечами жался к стене у входа в полуподвал. Мы трое обступили его. Он был младше нас, лет десяти-одиннадцати, и заметно мельче — узкие плечи, бледное лицо с нежным румянцем на скулах, тонкие руки.

Стоял ясный денек ранней сибирской осени: неяркое солнце, свежий прозрачный воздух, в котором предметы гляделись объемно, и все цвета

вокруг обозначались не насыщенно, но четко, — бледная голубизна неба и маслянистая зелень штакетника, отразившиеся в налитой ночным дождем луже, золото длинных иголок лиственницы, уже начавших осыпаться в соседнем — детсадовском — дворе.

— Ты что — эвакуированный? — спросил Анга и кивнул на вход в полуподвал, где помещалось домоуправление.

Мать Анги Алиса Эдуардовна была у нас управдомом. Я помнил и его отца, латышского стрелка, такого же рослого, широкоплечего и светловолосого, как Анга, ходившего в длинной, чуть не до земли, шинели и остроконечном, с большой красной звездой на лбу, красноармейском шлеме, — стрелок сумел умереть своей смертью, не дождавшись тридцать седьмого года.

— Выковыренный? — засмеялся Гага и снова потрепал пальцем локон на виске мальчика.

Мальчик испуганно смотрел на нас и молчал.

— Он не понимает, — сказал я.

— Нерусский, что ли? — удивился Гага.

— Не понимает, — повторил я, не вдаваясь в подробности.

— Ты откуда? — Анга показал двумя пальцами идущего человека.

— Польша, — тихо сказал мальчик.

— Польша? У кого больше, тот и пан?.. — Гага снова захохотал.

Он достал из кармана обсыпанный табачными крошками белый мятный пряник и протянул мальчику: "Хавай".

Уже ввели карточки, но голодное время полной мерой еще не коснулось нас. Скоро мы узнаем подлинную цену пайки хлеба и пригоршни сахарного песка, в школе на большой перемене нам будут давать в качестве бесплатного завтрака по полстакана кедровых орехов. Полученный по талону ржаной пирог с жесткой горбушей, засоленной так, что на поверхности белели кристаллы соли, покажется лакомством. Однако и в тот день, о котором идет речь, мятный пряник уже почитался большой ценностью — просто так не купишь, так что нежданный жест Гаги был несказанной щедростью.

Мальчик с каким-то отчаянием посмотрел на белый рифленый кружок, лежащий на грязной Гагиной ладони, снова поднял глаза и еле слышно то ли спросил, то ли сказал:

— Кошер?..

Мы переглянулись.

— Чегой-то он несет? — Гага повернулся ко мне, к Анге. — Думает, мы кошек тут, что ли, едим. Вот дикие! Да ты бери. Мятный... — он сунул пряник мальчику в карман пальто.

Мальчик пожал плечами и улыбнулся. В глазах у него были слезы.

— Что это он? — спросил меня Анга. — Правда, будто с луны свалился.

— Может быть, по-немецки с ним поговорить? — предложил я. — Еврейский язык похож на немецкий...

Из двери полуподвала выбрался Семен Моисеевич по прозвищу Котовский. Толстый, с обритой наголо большой круглой головой, он и в самом деле походил на означенного всенародного героя, каким его изображали на картинках. Семен Моисеевич тоже воевал в гражданскую, был в кавалерии и любил рассказывать, что сам Буденный после какого-то боя похвалил его: "Хорошо рубишь, тезка!".

— Мы ведь с Буденным — тезки, — непременно прибавлял он. — Только он Семен Михайлович, а я Семен Моисеевич.

Наш Котовский был член домового комитета и заядлый общественник.

— Ничего не выходит, ребята, — обратился он к нам, будто полагая, что мы в курсе дела. — Придется им дальше ехать. Алиса Эдуардовна так старалась, и туда звонила, и сюда, и не знаю куда, чтобы как-нибудь их здесь оставить, — всюду один ответ: ехать согласно предписанию. Конечно, предписание есть предписание, документ, — Семен Моисеевич произнес слово с ударением на "у" и значительно поднял вверх палец, — но что значит "согласно предписанию", если предписание у них в К., это еще шестьсот километров, а на вокзале сидит мать с двумя больными малыми детьми, и как туда в К. ехать, и когда, и на каком поезде, и что кушать по дороге, никто толком не может сказать...

Он нагнулся к мальчику и, задыхаясь, начал что-то быстро объяснять ему по-еврейски (тогда почти все, и моя бабушка, у которой я жил в этом городе, тоже называла идиш "жаргоном"). Мальчик, широко раскрыв глаза, с отчаянной надеждой смотрел в его круглое красное лицо.

Появилась Алиса Эдуардовна и с ней отец мальчика, едва доходивший ей до плеча рыжебородый человек в посеревшем от возраста черном пальто с большими пуговицами и черной шляпе. У него были такие же, как у мальчика, ясные, светлые глаза.

— К сожалению, ничего больше сделать для вас не в силах, — сказала Алиса Эдуардовна. — Что могла...

Ее строгое лицо по обыкновению казалось непроницаемым. Она протянула собеседнику руку. Отец мальчика принял ее крупную руку обеими руками:

— Что вы, что вы! Такое вам спасибо! Такое спасибо!..

— Что могла, — повторила Алиса Эдуардовна. — Доброго пути... Я на

санэпидстанцию, — это уже Семену Моисеевичу. — А вы не торчите во дворе. Идите уроки делать, — это, конечно, нам. — Анга, учти, вечером проверю математику за два дня.

— У меня все в исправности, — спокойно ответил Анга.

— Об этом я тебе скажу...

Застегивая на ходу свою вечную кожаную куртку, Алиса Эдуардовна широким четким шагом направилась к воротам.

Отец мальчика обвел нас улыбающимися глазами:

— Ой, как жаль, как жаль, как жаль, — заговорил он слегка нараспев, но при этом торопливо сглатывая слова. — Такие могли быть у тебя хорошие товарищи, — он потрепал плечо сына. — Смотри, такие большие, сильные. С такими никто не обидит. Нахум у меня очень хороший мальчик. А как в шашки играет! Всегда выигрывает. Но что делать! Дорог много, а судьба одна...

— А вы откуда будете? Из Польши, что ли? — спросил Гага.

— Откуда? Вы будете смеяться, молодые люди, но откуда уже нету, осталось только куда.

— У вас в К. есть кто-нибудь? Какие-нибудь родные? — спросил я, потому что сам жил у бабушки.

— Родные? Разве эта женщина, — он показал в сторону удалявшейся Алисы Эдуардовны, — мне не родная? И вы, дети, разве мне не родные? И он? — отец мальчика кивнул на Семена Моисеевича. — Завтра в К. добрые люди дадут нам кусочек крыши над головой и станут наши лучшие родные.

Когда он улыбался, во рту у него белел ровный рядок мелких зубов.

— А чем вы занимаетесь? — поинтересовался Анга. — Где работаете?

— Чем занимается человек? Ловит счастье. Вот так... — отец мальчика взмахнул рукой, будто ловил что-то в воздухе, и вдруг между указательным и средним пальцами его белой руки оказалась медная пятикопеечная монета. — Но счастье можно только ловить, поймать его нельзя. Только ты обрадовался, что поймал, — его уже нет...

Он разжал пальцы: в руке у него ничего не было.

— Потрясно! — восхитился Гага. — Циркач, что ли?

Вниз по нашей улице на небольшой площади был разбит цирк-шапито. В известных нам местах, где брезент покрова не был плотно закреплен у земли, мы пролезали в помещение и, забившись где-нибудь на верхотуре, смотрели все одно и то же представление, которое давали уходящим на фронт красноармейцам.

— Тателе, пошли, — потянул мальчик отца за рукав и прибавил что-то непонятное.

Гага сунул руку в карман, достал еще один мятный пряник (пек он их там, что ли?): "Держите". Помедлил, снова полез в карман, достал еще пряники, сразу два (похоже, минувшей ночью он со своими дружками с Заречной стороны навестил какой-нибудь продуктовый ларек): "Вот — еще"...

— Ой, молодой человек, молодой человек! Вы еще сами не понимаете. Когда у вас будет такая борода, как у меня, только совсем белая, вы будете приятно вспоминать этот день. Это я вам говорю.

— Пошли, — мальчик снова потянул отца за рукав. В глазах у мальчика была тоска. — Там мамеле ждет...

И он снова залепетал что-то непонятное.

— Здесь шестьдесят рублей, — Семен Моисеевич протянул отцу мальчика две красных тридцатирублевых ассигнации. — На них еще можно купить что-нибудь. Там, у вокзала, бабы продают яблоки. Так вы берите не румяные, а зеленые, — зеленые сочнее...

Отец взял мальчика за руку, и пока они пересекали широкое пространство двора, я видел, как он, склонившись к сыну, что-то горячо говорил и говорил ему. Мальчик слушал, подняв к нему голову, и от его узенькой спины с подвешенной на ней серой котомкой веяло непереносимым отчаянием.

— Когда-то и я был таким мальчиком, — глядя им вслед, сказал Семен Моисеевич, — рос в местечке и учился в хедере разным глупостям. Но потом, слава Богу, попал в город, на завод. А потом революция, и — "По коням!". Даже не думал, что остались еще такие местечки, такие мальчики. Ну, да победим врага, все по-своему переделаем...

Послышалась приближающаяся военная песня, ровный стук о землю сотен обутых в тяжелые солдатские сапоги ног. Мы вышли за ворота. Слева, уже вдалеке, виднелись две удалявшиеся в сторону вокзала фигурки. Отец держал сына за руку и, склонившись к мальчику, все толковал ему что-то. А следом, с другого конца улицы, заполняя ее, вслед им двигалась нескончаемая военная колонна, новые, не сношенные еще подметки крепко, в лад, печатали шаг, обтянутые серым сукном шинелей плечи чуть покачивались в такт шагу, и казалось, раздвигали в стороны стоявшие вдоль улицы слева и справа дома. Тысячи грудей, вдыхая свежий осенний воздух, дружно выкрикивали бравые слова песни: "Пятьдесят вторая, боевая, сибирская стрелковая дивизия идет...".

Прощальный романс

История смешная и грустная, нелепая, может быть, мистическая. Она началась в двухместном купе скорого поезда — с поэтом Валентином Берестовым мы возвращались из Крыма. Там мы выступали перед юными читателями в пионерском лагере "Артек", в нескольких школах на Южном берегу. В Москве, судя по сводкам погоды, нас ждала уже полновесная осень. Крым одарил нас десятью днями особенного, густого и ласкового осеннего солнца, сверкающим теплым морем, белыми прогулочными теплоходами, над которыми летали чайки и мощногрудые альбатросы, охристыми виноградниками на склонах гор, неторопливыми вечерними променадами по ялтинской набережной, где то и дело попадался навстречу кто-нибудь из московских знакомых, сухим вином и чебуреками в не слишком опрятных закусочных Гурзуфа и Симеиза. Душа расправилась, не была обременена заботами и тревогами, которые мы, оберегая последние часы душевной свободы, почти бессознательно отодвигали до прибытия в столицу, — в вагоне мы весьма беспечно беседовали, вспоминая разные занятные происшествия (жизнь Берестова полнилась интересными встречами), много шутили и смеялись.

Незадолго перед тем у Валентина Берестова вышла книжка: не стихи — повести про археологию и археологов ("Два огня" — так, кажется, она называлась); он окончил исторический факультет, ездил в экспедиции. В отрочестве Берестов показал свои первые поэтические опыты Корнею Ивановичу Чуковскому, тот признал мальчика очень талантливым, ввел в круг лучших наших писателей. Берестову посчастливилось с юных лет беседовать с Анной Андреевной Ахматовой и Надеждой Яковлевной Мандельштам, с Алексеем Толстым и Маршаком, Михаилом Светловым и Ираклием Андрониковым.

Тогда, в поезде, Валя пожаловал мне свою книгу, а заодно поведал (очень поучительная байка!), как сделался археологом. Собирался он, понятно в Литературный, и ни у кого из его знаменитых старших приятелей не возникало сомнения, что только туда ему и дорога. Но однажды на каком-то обеде или ужине у Алексея Толстого к юноше стал внимательно приглядываться известный медик академик Сперанский (их было два — педиатр и патофизиолог, не помню, какой из них). "Я был неопытен, — рассказывал Валя, — мне льстило, когда в обществе известнейших литераторов меня просили почитать стихи, изобразить кого-нибудь. (Берестов

хорошо передавал голос и манеры других людей.) Вот и в тот вечер я читал, изображал и радовался успеху. Но академик Сперанский увидел происходящее иными глазами. Улучив минуту, он отозвал меня в сторонку и доверительно сказал: "Молодой человек, вас здесь выпьют с чаем". И хотя все ко мне относились уважительно, более того, любовно, я, слушая Сперанского, вдруг вспомнил мальчика Паву из чеховского "Ионыча", — помнишь, когда собирались гости, ему говорили: "Пава, изобрази!". И я поступил на исторический".

Позже я не раз слышал от Берестова еще одну занимательную новеллу — то ли действительный случай, то ли сочинил себе и другим в назидание. Однажды в каком-то журнале, проглядывая от нечего делать ответы на кроссворд, помещенный в предыдущем номере, он под одним из чисел обнаружил: "Берестов". Ого! Кроссворд в издании, выходящем многотысячным тиражом, это, наверно, — уже слава! Тотчас поспешил в библиотеку — заглянуть в предыдущий номер. Как там сформулировано: "Современный поэт" или "Известный поэт", или, может быть, что-нибудь еще более лестное? Но в журнале под названным числом значилось: "Персонаж повести Пушкина "Барышня-крестьянка". "Прекрасная пилюля от зазнайства!" — заключал новеллу Валентин Берестов.

Но свои стихи он всегда читал охотно. Тогда, в поезде, — за окном уже стемнело, только узкая палевая полоска помогала отделить землю от неба, — мы не зажигали света: Валя читал и читал, его стихи всегда радовали меня открытым искренним видением мира, легким дыханием, доброй улыбкой, которая с годами обретала мудрость, но притом умела оставаться детской. В какой-то момент он надолго замолчал, словно припоминая что-то важное, что непременно следует еще прочитать, — в тишине явственно слышно было, как стучат колеса, как на купейном столике звенят ложечки в опустевших чайных стаканах, время от времени в окно врывался пунктирно разорванный свет фонарей на каких-то станциях и разъездах, которые мы проезжали. В темноте круглое мягкое лицо Берестова казалось еще бледнее, чем обычно.

"Ну вот, напоследок, совсем недавнее", — проговорил он наконец. Прочитанные им восемь строк поразили меня настроением, глубиной, точностью, — я запомнил их сразу и навсегда.

Я поле жизни перешел
И отдохнуть присел.
Там одуванчик тихо цвел,
И жаворонок пел.

И так мне было хорошо,
Что я забыл почти,
Что поле жизни перешел
И дальше нет пути.

"Напиши мне эти стихи", — попросил я. И Берестов записал восемь строк на обороте обложки подаренной перед тем книги.

Прошло несколько — нет, не лет, — десятилетий. Стихи жили в моей памяти. В минуты трудных раздумий я нередко повторял их. Однажды, уже в 1990-х, при встрече, почти случайной, Валентин Берестов сказал мне, что собирает двухтомник. "А мое любимое там будет?" — спросил я. "Это какое же?" Я прочитал ему восемь строчек. "Какие хорошие стихи! — воскликнул Валя с той простодушной радостью, с какой часто говорил о своей работе. — Подумай, а я совершенно позабыл их". Он вдруг озаботился: "Автограф у тебя сохранился?" — "А как же. Подписанный. Могу предъявить".

На другое утро он долго рассматривал автограф, несколько раз, вслух и про себя, повторил стихи, пожелал было переделать две последние строчки. Я просил его оставить как есть. В "Книжном обозрении" вместе с объявлением об издании собрания сочинений Валентина Берестова были напечатаны стихи из будущей книги, среди них — и "мои" восемь строк, мне посвященные, что, признаюсь, очень меня обрадовало.

А потом Валя умер. Не скажешь — неожиданно: он многие годы недомогал сердцем, но для всех нас — нежданно.

Собрание стихотворений Валентина Берестова увидело свет уже после смерти автора. Об этом мне сообщил по телефону другой хороший поэт — Евгений Храмов. С Женей мы были давними добрыми приятелями. Вдобавок и жили по соседству: по нескольку раз на дню я пробегал мимо его подъезда, отмеченного темно-серой мемориальной доской с портретом знаменитого полярного радиста Эрнста Кренкеля. Люсю Кренкель, дочь прославленного полярника и жену поэта Храмова, я знаю с детства, помню еще в дошкольную пору, когда она в прозрачной тунике, то ли лиловой, то ли малахитово-зеленой, танцевала с другими девочками-босоножками из студии Айседоры Дункан на сцене нашего домового клуба и казалась мне ужасно взрослой.

Женя, большой, полный, несуетливый, на людях держал себя вальяжно, барственно, — эта маска баловня, бонвивана, позволяющего себе поступать так, как он пожелает, а не так, как от него требуют, помогала ему сохранять достоинство в трудное время почти повседневной необходи-

мости нравственного выбора. Он был замечательно образован, интеллигентен, подвижен умом и словом, беседа с ним приносила удовлетворение взятым духовным уровнем и оставляла послевкусие душевной радости. Мы не раз путешествовали вместе — пушкинское Болдино, Спасское-Лутовиново, Северный Кавказ, места сибирской декабристской ссылки. В гостиничном номере он умел часами, вроде бы беспечное фар ниенте, валяться на кровати, поверх одеяла, вполне одетый — совсем не новый, но всегда презентабельно выглядевший темный костюм, неизменно белая рубашка и галстук: расположив на груди небольшую дорожную шахматную доску (он был отличный шахматист), Женя исследовал расставленную позицию и одновременно беседовал о литературе, истории, политике, читал стихи, свои и чужие. Он ценил творческие удачи других поэтов (даже тех, кого не жаловал лично), говорил о таких удачах взволнованно, искренне восхищался ими; благодаря ему мне много прекрасного открылось в стихах современных поэтов.

Женя Храмов позвонил и сказал: "Прости мне, но я вынужден отобрать у тебя стихи, тебе посвященные. Дело в том, что восемь строк про поле жизни написал не Валентин Берестов, а я". Стихотворение много лет назад было опубликовано в каком-то периодическом издании, позже напечатано в одном из поэтических сборников Евгения Храмова. Он даже попенял мне за то, что я не заметил стихотворения в книге, им подаренной. А я и вправду не заметил, хотя стихи Жени люблю и читаю охотно и внимательно. Наверно, потому и не заметил, что с того давнего вечера в вагоне крымского поезда это были для меня — берестовские стихи. Так же, как для самого Берестова. Мог ли он сам напечатать их в газете и поместить в собрании сочинений, если бы хоть на минуту усомнился в этом?

Высочайшие нравственные достоинства Валентина Берестова всем хорошо известны. Валентин Берестов присвоил себе восемь храмовских строк, присвоил в том смысле, что, прочитав однажды где-то, тотчас неосознанно почувствовал их своими, вобрал душой, памятью, постоянно носил в себе, свыкся с ними. Произошло поразительное — полное совпадение мысли, настроения, образной системы двух поэтов. Один сказал то, что хотел бы сказать другой, и сказал так, как другой мог бы сказать. Валя был щедро одарен творчески, полнился стихами, восемь присвоенных им строк на какое-то время оказались захвачены этим постоянным движением творческой стихии. (Он был к тому же и очень рассеян: тогда, в Крыму, пожаловался мне, что не может справиться с приобретенной электробритвой, — они как раз вошли в обиход: вместо того чтобы

брить, она "поет". Оказалось, он включал бритву вместо электрической в розетку радиоточки.)

Позже все, видимо, как-то упорядочилось: Валя отстранился, отвык от стихотворения про поле жизни, исключил его из числа своих сочинений, попросту забыл. Но тут оказался я, да еще с автографом, и убедил его — моя вина. Кажется, Евгений Храмов вел переговоры с наследниками Берестова, просил опубликовать поправку. Но скоро и Женя умер — тоже совсем, совсем нежданно. Если (ныне модны такого рода предположения) Женя и Валя в самом деле беседуют где-нибудь в ином мире, выяснение обстоятельств этой истории вряд ли отнимет у них много времени. Двум поэтам есть о чем поговорить.

Композитор Иван Соколов, хорошо знакомый и с Берестовым, и с Храмовым, положил любимые мной восемь строк на музыку, романс он тоже посвятил мне. Музыка печальная, чистая, светлая: слушая тихое дыхание одуванчика и песнь жаворонка в вышине, хорошо вспоминать прошлое, думать о будущем, беседовать с друзьями, теми, кто уже перешел поле жизни, и теми, кто еще бредет по нему, — первых, увы, уже куда больше, чем вторых...

Сценарий для Феллини

Эта история произошла полвека назад, в июне 1949-го. Вся страна праздновала 150-летие со дня рождения А.С. Пушкина. Понаехали и зарубежные гости, тогдашние прогрессивные деятели мировой культуры. Повсюду проходили торжественные мероприятия, особое внимание уделялось памятным местам, так или иначе связанным с жизнью и творчеством великого поэта. К таким местам относится и Грузия, в ту пору тоже — "наша страна". Пушкин, как известно, побывал на этой прекрасной земле, направляясь в Арзрум, и даже написал стихи "На холмах Грузии лежит ночная мгла...".

На праздники в Грузию направилась солидная делегация, в составе которой были и весьма именитые иностранные представители. Всякого рода торжества в Грузии отличались в те времена особенной щедростью изобретения и исполнения. Не забудем, что это была родина вождя. Каждый город, каждый населенный пункт на пути следования делегации должен был встретить ее чем-то незаурядным, запоминающимся. Не говоря о шашлыках и отменном красном вине.

Маршрут делегации проходил, в частности, через большое село, стоя-

щее на шоссе. Программой предполагалось, что почетные гости надолго здесь не задержатся, но все же остановятся на четверть часа пообщаться с народом и обменяться с ним соображениями о поэтическом наследии юбиляра. И требовалось что-то поднести дорогим гостям кроме хлеба-соли и самодеятельного ансамбля песни и танца, заученно двигавшегося каждый календарный праздник под ритмичные похлопывания ладоней по натянутой барабанной шкуре. Местные власти мучительно бились над этой задачей, пока кому-то из тамошних руководителей не пришла в голову поистине замечательная мысль.

В селе жил человек, очень похожий на Пушкина. То есть, может быть, не на самого Пушкина, но на его портреты, бюсты и памятники в рост. Дети-школьники, хорошо знакомые с внешностью поэта по книгам и учебникам, встретив этого односельчанина на улице, бежали за ним и дразнили: "Пушкин! Пушкин!" — что очень его сердило. После некоторых раздумий у отцов селения сложился следующий режиссерский план встречи делегации.

Машины останавливаются на площадке перед Домом культуры. Деятели литературы и различных искусств выходят из машин и застывают в изумлении. Перед ними на высоком постаменте, окруженном народом, стоит живой Пушкин. Он стоит точь-в-точь в такой позе, как на широко известном московском памятнике: одна рука за отворотом пальто, в другой шляпа. Он громко читает сверху навстречу подходящей делегации стихотворение "Кавказ подо мною". Появляется председатель сельсовета с хлебом-солью и его заместители, несущие в руках наполненные вином роги. Когда чтение заканчивается, вступает в дело ансамбль, вовлекая членов делегации и всех присутствующих в исполнение национальных песен и танцев.

Сельчанин, похожий на Пушкина, пробовал сопротивляться, но, когда ему кое-что пообещали, кое-чем пригрозили, уныло согласился. Сложность состояла в том, что будущий Пушкин почти не знал русского языка. К нему приставили молодую учительницу, недавнюю выпускницу пединститута. Председатель сельсовета посчитал количество строк стихотворения "Кавказ" и разделил на число дней, оставшихся до праздничного действия: "Чтоб каждый день три строчки учил". Юная наставница Пушкина согласно склонила голову: "Только скажите ему, пусть перед занятиями чеснок не кушает"...

Жена председателя сельсовета, правда, без охоты, согласилась выдать для экипировки великого поэта праздничное коричневое пальто мужа

и его зеленую фетровую шляпу, но только в самый день торжества. Репетировал Пушкин в брезентовом плаще экспедитора, держа в руке за спиной шляпку учительницы русского языка, что казалось ему страшно унизительным. Выучить он сумел лишь первые шесть строк стихотворения, но так как читал он их медленно, поочередно вспоминая каждое слово, решили, что этого хватит.

Наконец настал долгожданный день. Из района сообщили по телефону, что делегация должна прибыть к часу, что встреча должна пройти на высоком уровне и не затягиваться, — к шести гостей ждут в Тбилиси, где состоится торжественное заседание в Театре оперы и балета имени Руставели.

Народу было приказано сходиться на площадь заранее, часам к одиннадцати. Посреди площади возвышался пьедестал, сложенный из кирпича. Его сделали раза в два выше московского. Чтобы Пушкин мог взобраться наверх, к пьедесталу подставляли лестницу, которую потом убирали. Пушкин стоял на фоне неба, как столпник, в коричневом пальто председателя, со своей курчавой головой и нарисованными жженой пробкой бакенбардами и, шевеля губами, повторял трудно дававшиеся ему бессмертные слова стихотворения, которые должен был прокричать вниз.

К часу делегация не появилась. Люди, собравшиеся на площади, обсудили все последние сельские новости, — сделалось скучновато. Наименее сознательные уходили прочь, воровато оглядываясь. Солнце припекало, день стоял безветренный, душный. Участники ансамбля, мужчины в черкесках с газырями и женщины в длинных черно-белых платьях, ушли в тень на террасу Дома культуры. Старики курили на ступеньках крыльца. Из района, куда около двух с трудом дозвонился председатель, сказали, что график движения делегации сильно ломается. В А. застолье очень затянулось и в Б. тоже, а в В., где находятся сейчас гости, никак не удается прекратить концерт самодеятельности.

По лицу Пушкина, смывая краску бакенбард, стекали черные струйки пота. Он потребовал, чтобы его пустили сходить по нужде. "Одна нога там, другая здесь, — строго сказал председатель, сам подтаскивая лестницу. — Делегация появится с минуты на минуту. Стихи повторяй". Справив нужду, Пушкин подбежал к бочке с дождевой водой и окунул в нее свою курчавую голову. Оказалось, что делать этого было не нужно. Едва он возвратился на пьедестал, из набежавшей тучки полил еще по-весеннему быстрый дождь. Женщины, задержавшиеся было на площади, с громким квохтаньем стали разбегаться. Мужчины деловито следовали за ними, быстро, как в национальном танце, перебирая ногами. И тут появились машины.

Первым увидел их Пушкин с высоты своего пьедестала. "Едут!" — закричал он. И забормотал эти неподдающиеся: "потоков рожденье", "обвалов движенье"... Председатель с хлебом-солью тотчас возник на ступенях крыльца и закричал отчаянным голосом: "Все назад!". Заместители заливали вином роги. Ансамбль посыпался с террасы, на ходу выстраиваясь в ряд. Сверкающая колонна омытых дождем черных лимузинов вырвалась на площадь и, не притормозив, мчалась дальше. Фиоритуры начальственных клаксонов, кажется, не столько приветствовали народ, сколько распугивали неосторожных, оказавшихся на асфальте шоссе.

В первое мгновенье никто не в силах был постигнуть, что же произошло. Председатель так и застыл со своим подносом. Два заместителя застыли по обе его стороны с рогами, воздетыми вверх. Застыли участники ансамбля, расправившие уже руки в танце, наподобие крыльев орла, и сельчане, начавшие было сбегаться обратно на площадь. А в следующее мгновенье, когда последняя машина, не черная, а серая, видно, с обслугой, промелькнула мимо, Пушкин с мокрой курчавой головой, страшно вскрикнув, ринулся вниз с пьедестала. Он упал, пачкая в земле и пыли праздничное коричневое пальто председателя, но тотчас вскочил на ноги и, ковыляя, побежал по шоссе вслед за колонной. На бегу он громко ругался по-грузински и по-русски. Время от времени останавливался, хватал с обочины камень или ком земли и бросал вслед колонне, уже давно скрывшейся из глаз. "Кавказ подо мною!.. — кричал он, задыхаясь и бросая камни. — Один в вышине... Отдаленный поднявшись... Рожденье, б... движенье..." Так бежал он, пока не рухнул в изнеможении, приведя в состояние полной негодности парадное коричневое пальто председателя сельсовета.

Вот такая история. Как говорится, за что купил... Мне всегда хотелось предложить ее Феллини. Но встретиться с ним так и не пришлось. Как, впрочем, и с Антониони.

Кельн

Юрий КУДЛАЧ

Окраина

Мишкин отец был очень серьезным и даже несколько мрачноватым человеком. Музыку он не понимал, не любил, а музыкантов считал паразитами на теле государства.

— Объясни мне, ну что полезного они производят? — спрашивал он у жены. — Один пшик, сотрясение воздуха. За что им только деньги платят? Хоть убей, не могу понять! Ну, врач — тот лечит людей, портной одевает, ученый двигает вперед нашу советскую науку, строитель строит дома. А музыкант? Возьми любой концерт: сто идиотов сидят в зале, а сто первый — на сцене. А впрочем, тот, что на сцене, не такой уж идиот, если существуют первые сто.

Их близкая родственница, веселая и разбитная тетя Тамара называла его "суровый Дант".

Если нарисовать гипотетический портрет человека, полярно противоположного отцу, то получится портрет Мишкиной матери Эсфири Леонидовны — нежной, восторженной порою до аффектации, с широко раскрытыми огромными всегда удивленными глазами. В детстве ее учили играть на скрипке. За полным отсутствием таланта скрипачки из нее не вышло, но благоговение перед великими музыкантами сохранялось в ее душе до глубокой старости. Слово "Бетховен" Миша услышал от нее раньше, чем слово "троллейбус".

— Ах, Левушка, как ты можешь так говорить?— она прижимала руки к груди. — Тебе недоступны духовные радости. Ты подобен человеку, который проходит мимо рая, только потому, что тот отделен невысоким забором. Приподняться на цыпочки, стать чуть-чуть выше, заглянуть за забор — на это тебе недостает простого любопытства. Боже мой, твои чувства примитивны! Высокое искусство не исторгает слез из твоих глаз.

— Чушь! — отмахивался отец. — Что ты несешь, Эся? Вбила себе в голову эту ерунду, а у ребенка, между прочим, штаны прохудились. Вместо того чтобы исторгать слезы, взяла бы иголку, да и зашила бы прореху. А то, понимаешь, забор, рай, духовные радости... А Мишка задницей светит.

Отец любил жену, хотя и не всегда был ей верен. Однажды маленький Миша, возвратившись из школы, застал мать всю в слезах. Она сидела на полу, держа в руках какую-то фотографию. Часом позже, когда она, слегка успокоившись, ушла на кухню готовить Мише обед, он рассмотрел эту

фотографию. На ней был изображен отец, стоящий рядом с молодой женщиной. Поначалу Мише показалось, что это мама, но потом, внимательно вглядевшись, он понял, что это незнакомая женщина. Но очень похожая на мать: такая же завивка, такие же накрашенные бантиком губы. И даже платье, в которое была одета незнакомка, было похоже на одно из маминых — расширяющаяся книзу юбка, увешанная кусочками материи, которые, как Миша уже знал, называются воланами. Отец обнимал эту женщину за талию, а она глядела не на него, а в объектив, и широко улыбалась. Миша был еще маленьким и не понял, почему мама, глядя на эту фотографию, плакала. Может, ей не понравилось то, что у этой женщины есть такое же платье, как у нее?

Конечно, мать настаивала на том, чтобы Миша начал заниматься музыкой. Отец оказал яростное сопротивление. Но на этот раз мама, в общем, человек мягкий и безвольный, проявила невероятную настойчивость и упорство. В ее стремлении сделать из сына профессионального пианиста смешались многие мотивы: прежде всего, конечно, искренняя и бескорыстная любовь к музыке; во-вторых, уверенность в том, что музыканты — избранный народ, люди, перед которыми бог открывает какие-то неведомые тайны и глубины, обычному, "простому" человеку недоступные (в этом была доля истины, Миша понял это позже); и наконец, ей безумно хотелось, чтобы ее единственный сын, ее душа, ее любовь, ее жизнь, стал тем, кем не смогла стать она сама.

Семья Тарговицких жила на окраине, где по пыльным немощеным улицам деловито шли куда-то строгие гуси, а куры — существа с возвышенной душой — рылись в подзаборных лопухах в тщетной надежде разыскать жемчужное зерно; где на убогой площади перед райкомом стоял вездесущий Ленин с протянутой рукой по прозвищу Жебрак, и где вполне невинный роман учителя химии с учительницей физкультуры был на протяжении долгих лет событием районного масштаба.

Мишкин папа был отоларингологом и работал в маленькой больнице, обособленно стоящей на самом краю города. Дальше начиналась степь. Маленького Мишаню изводили мальчишки. Стоило ему появиться на соседней улице, они прерывали свое излюбленное занятие — игру в блаю — и издевательски кричали: "Ухо, горло, нос, сиська, писька, хвост!" — намекая на профессию его отца. Этого Михаил не мог стерпеть. Он впадал в ярость и тут же лез в драку, не считаясь ни с количеством врагов, ни с их возрастом и телосложением. Его били. Порою очень жестоко. Когда после очередной неравной схватки он приходил домой, мама, рыдая, кричала:

"Что же это такое?! Они же убьют его!". Она клала Мишке свинцовые примочки на лицо, а его руки погружала в тазик с содовым раствором. Дай слово, что больше ты туда не пойдешь, сквозь слезы просила мама. Миня отмалчивался, слово не давал. Вечером возвращался отец, смотрел на избитого сына и задавал один и тот же вопрос: за дело дрался? Мишка подтверждал, что за дело. Отец удовлетворенно кивал и больше ни о чем не спрашивал. Через несколько дней все повторялось. Постепенно Миша научился всем приемам уличной драки, а после того как он так ударил Алешку Макарченко, предводителя этой степной голоты, что тот получил небольшое сотрясение мозга, его, признав за ним силу духа и смелость, оставили в покое. Папа ходил к родителям Алешки извиняться. Но при этом так сиял, что родители его извинений не приняли.

А в это время на дворе, широко раздвинув ноги в серых галифе, прочно и, как тогда казалось, незыблемо стояло усатое средневековье.

Тем не менее, Мишкино детство было счастливым. Конечно, сильно мешала и раздражала вмененная мамой в обязанность игра на пианино. Стиснув зубы и изнывая от скуки, он гонял вверх-вниз по клавиатуре постылые гаммы и ненавистные упражнения Ганона. А во дворе тем временем шла настоящая жизнь: разноплеменная толпа мальчишек, пересчитавшись на "аты-баты", делилась на команды и самозабвенно играла в футбол, со страшной силой бабахая мячом в гулкие железные ворота. На этот звук выходила дворничиха, или, как говорили в городе, дворничка, Нина Андреевна Могила — неряшливая грузная вонючая баба с жирными волосами. Она размахивала метлой и кричала страшным грубым голосом: "Га, шоб вы сдохли, иродово племя! Головой своей стукайте, выблядки жидовские! Шоб вас пэрэвэрнуло та й шлепнуло!". В ответ открывалось окно в квартире напротив, и в нем появлялась серебряная голова Леокадии Казимировны, воздушной польской старушки, которую мальчишки прозвали Виконт Добра Желант.

— Кель выражанс, мадам Могила, кель выражанс! То сон джечи!

— Джечи?! — грозно кричала дворничка. — Джечи?! Христопродавцы! Повбывала бы!

— Матка Бозка ченстоховска! — всплескивала ручками Виконт Добра Желант. — Чи розуме пани, цо муви?

Но тут обязательно влезал мясник Моня Перельмутер:

— А вы, мадам Могила, нашего Христа нэ чипайтэ! — злобно прищурив глаза, скрежетал Моня. — Вам до его дила нема! Вин з нас выйшов, наш парэнь.

— Вей'з мир, Моня, шо вы говорите! Мало нам с того Христа неприятностей?

Это уже Фаня, Фанюра, мама закадычного Мишкиного друга Бори.

— Берэлэ! — вываливалась из окна Фанюра. — Срочно иди до дому! И не слухай, шо воны говорять, — оны уси самашечие!

— И-и-и-раз, и-и-и-два... — доносилось из квартиры Тарговицких. Это мама принимала самое непосредственное участие в Мишиных экзерсисах.

— Ми-ишка-а-а!! — раздавался индейский вопль того самого Бори-Бэрэлэ. — Гениг вже граты, мы ж на тэбэ чекаймо!

— И-и-и-раз, и-и-и-два...

— Шоб ты вже своимы кИшками подавывся, — надсаживалась дворничка, повернув свое сальное лицо в сторону Мишкиного окна, — ти бъють ув голову, а цей — прямо по голови! Ж-ж-жэды!

Борин дедушка, бриллиантовый светлый старик Израиль Талесник, свято соблюдал субботу, хотя с Богом у него были приятельские отношения.

— Спасибо тебе, готеню, за то, что не сделал меня женщиной! — традиционно начинал утреннюю молитву дедушка Изя. — Особенно такой, как кривая Циля. Такой оторвы ты, готеню, еще не видел. Когда у тебя будет свободное время, загляни на наш базар — я тоби очень ракомендую: там Циля торгует памадоры. Если то, чем та ныкейва торгует, это памадоры, то я, готеню, бурятский крестоносец — прости меня за грубое слово. Не будь я старый Талесник, если эта кривая уродина, шо одним глазом смотрит ув Магадан (не приведи Господи!), а другим — прямо ыв Иерусалим (дай Бог нам всем в следующем году там встретиться!), не спит на тех памадорах. Хорошо еще, если одна!

— Между нами, готеню, — переходя на интимный шепот, продолжал Талесник, — я сам видел, как утром от нее выходил гицель Арон — тот самый, шо живет на Ремесленной и у которого жена больна зобом. Конечно, кривая лучше, чем зобатая, — я его понимаю: он пьет горькую — ему нужно утешение, которое ты, готеню, ему дать при всем желании не можешь, потому шо ты не женщина. Пусть он ходит к Циле — я ничего не имею против. Но зачем же так пить? Аид-а'шикер хуже фашиста! Ты шо, этого не знал? А шо ты вообще знаешь? Сидишь себе там, на небе, как гриб, и до тебя наши дела не касаются! Не, ты гиб а'кик: я к нему обращаюсь как к человеку, а он воды в рот набрал. Вус? А, не морочь мне голову! Тоже мне, Бог называется!

И дедушка Талесник раздраженно срывал с себя молитвенное облачение. Начинался новый день.

— Ривка! — кричал Талесник жене. — Где мои папиросы?

По субботам нельзя было курить, но старик говорил, что глупые раввины неправильно понимают закон Божий.

— Не курить, — он раздраженно стучал кривым пальцем по столу, — а за-ку-ри-вать! Потому что закуривать — это работа, а курить — удовольствие. Что тут непонятного?! А наш ребе просто болван — это всем известно! Он так разбирается в Торе, как я в сен... в хрю... в как его там?!

— В синхрофазотроне, — бархатным голосом подсказывала тетя Рива.

Каждую субботу по утрам Миша приходил к Талесникам, чтобы дать прикурить дедушке Изе.

— Ты хороший мальчик, хотя и плохой еврей, — говорил дедушка, ласково гладя Мишу по голове, — но это лучше, чем наоборот!

Миша получал традиционных десять копеек на фруктовое мороженое, и они с Борькой, обняв друг друга за плечи, шли в соседний двор, где голубятник Вовчик, которому старой немецкой гранатой на длинной деревянной ручке оторвало ступню, когда он, использовав найденную гранату вместо молотка, приколачивал ею последнюю ступеньку к неустойчивой стремянке, уже поджидал их, чтобы поведать новую удивительную историю о похождениях своего дяди, разведчика партизанского отряда, который был влюблен в молдавскую девушку Мариулу — красавицу и чертовски смелую гражданку. И хотя в их лохматые головы и закрадывалось смутное подозрение, что таинственный Вовкин дядя никакой не разведчик, а может быть, и самого дяди никогда не было, но Вовчик рассказывал с таким увлечением, так размахивал руками, так брызгал слюной, что хочешь, не хочешь, а приходилось верить и в дядю, и в геройскую Мариулу, собственноручно убившую двадцать пять фашистских офицеров, и в неизбежность возмездия. Насладившись Вовкиными фантазиями, Мишка с Борей переходили на другую сторону улицы — туда, где за старым кривым забором рос небольшой садик. Вставив хитрые морды в заборные дыры, они, перебивая друг друга, начинали длинный разговор с хозяином садика, упрашивая его разрешить им сорвать яблоко или грушу.

— А ну, байстрюки, геть звидси! — сурово кричал Николай Остапович.

Но байстрюки отлично знали, что суровости этой цена — грош.

— Ну, дядько Мыкола! — клянчили они на два голоса. — Вон скильки у вас хруктив на зэмли лэжить.

— Щас! — говорил Мыкола. — Антэке вох я буду для вас грушкеу гнилых збыраты!

В конце концов, они уходили с полной торбой отборных яблок и груш.

Мишиных родителей уважала вся улица. Особенно отца, Льва Григорьевича. Хирург от Бога, он прославился на весь город после одного случая.

Какие-то восточные люди привезли на базар кумыс — продукт, которого до того в городке никто никогда не видел, и уж тем более не пробовал. Десятилетний мальчик Сева, сын прораба Климчука, который у своих родителей ни в чем отказа не знал, ужасно скучая, тынялся по базару, пока его мама изнурительно пыталась выторговать три копейки у торговки сметаной, вдруг увидел бутылку с надписью "Кумыс". Он вспомнил популярное выражение "Кумыс — напиток богатырей", и ему немедленно захотелось стать богатырем. Выпив стакан кумыса, Сева богатырем не стал, а вместо этого опустился на землю и начал синеть и задыхаться. Смертельно напуганная мама, издавая тоненьким голосом жуткие вопли и не зная, что делать, стала его трясти. Но это почему-то не помогало. Вокруг образовалась толпа, никто не понимал, что происходит. Наконец кто-то побежал искать телефон-автомат, чтобы вызвать "скорую помощь".

Лев Григорьевич, посланец судьбы, в это время в соседнем ряду, прячась от еврейских взглядов, покупал свинину. Услышав женские крики, он протолкался сквозь толпу, увидел синее Севино лицо и валяющуюся рядом бутылку кумыса, мгновенно поставил диагноз — отек Квинке. Дыхательные пути полностью перекрыты — жить мальчишке оставалось меньше минуты. Решительным движением смахнув на землю загрохотавшие банки со сметаной, бутылки с молоком, миски с творогом и другими товарами, он, не обращая внимания на проклятия торговок, поднял мальчика и положил его на прилавок. Вихрем промчался в соседний мясной ряд, выхватил из рук мясника тонкий, острый, как бритва, нож, на бегу вытер его своим носовым платком и, склонившись над уже потерявшим сознание Севой, заорал диким срывающимся голосом: "Духи! Авторучку! Пластырь!". Как видно, Севе умирать было еще рано, потому что все это нашлось в карманах обступивших прилавок и оторопевших от происходящего людей. Мгновенно развинтив авторучку, Лев Григорьевич протер корпус-трубку и нож духами, прицелился и коротким точным движением вонзил нож в Севино горло. Какая-то женщина, пронзительно вскрикнув, упала в обморок. Тарговицкий выдернул нож, в образовавшуюся кровоточащую рану ловко вставил корпус авторучки и закрепил его пластырем. Раздался громкий всхлип — Сева вздохнул. В это время прибыла "скорая помощь".

Через две недели Севу выписали из больницы. Он больше никогда не прикасался к кумысу, а на горле его на всю жизнь остался небольшой

шрам — прикосновение ангела. Благодарный же прораб Климчук, раззвонив по всему городу эту историю, преподнес Льву Григорьевичу невероятный подарок — фотообои. Такого в городе не имел никто. Суровый Дант не хотел брать, но, заглянув в собачьи глаза прораба, взял. За что впоследствии и расплатился.

С тех пор фамилия Тарговицкий стала для горожан синонимом слова волшебник. У него лечились, к нему ложились на операции, а очень часто просто приходили за советом.

Украинцы приглашали Тарговицких на свадьбы, евреи — на бар мицва, поляки — на конфирмацию, и все — на похороны. Лев Григорьевич относился к этим приглашениям очень серьезно. В его шкафу на почетном месте рядом с украинским рушником лежала темно-синяя бархатная затейливо расшитая кипа со специальной металлической заколкой, которой он прикреплял кипу к своим густейшим черным с собольей проседью волосам.

Эсфирь Леонидовна, собираясь на очередной еврейский праздник, всегда особенно волновалась.

— Мы так виноваты перед ними, — говорила она, качая головой и трагически сдвигая брови.

— Чем? — недоумевал Суровый Дант.

— Ну какие мы евреи? — вздыхала Эсфирь Леонидовна. — Особенно ты — бывший беззаветный красный конник. Ты не только конник, ты циник — любишь свиные отбивные. А они — святые. У них Бог живет в душе. Я не устаю удивляться — как это они нас не отторгают? Знаешь, на их месте...

— Еще бы они нас отторгали! А кто будет лечить их сопливых детей? Живут, понимаешь, в грязи. Полная антисанитария.

При этих словах он умолкал, косясь на маленького Мишу.

Миша не понимал смысла этих разговоров. Что такое "Бог в душе"? И потом, он никогда не видел в доме прозрачного Талесника эту загадочную антисанитарию. Кровать была, шкаф — тоже. Антисанитарии не было. Его мысли тут же перескакивали на другие, гораздо более важные дела: Борька нашел в подвале ржавый немецкий штык, и теперь надо было где-то раздобыть хорошего качества кирпич, растолочь его и счистить ржавчину. Кроме того, надо как-то уговорить Вовку, чтобы он согласился присобачить к этому штыку деревянную рукоятку, что сразу сделало бы его как две капли воды похожим на мушкетерскую шпагу.

— Жалко, конечно, что этот штык нашел Борька, а не я, — думал Миша.

Правда, оружие у него уже было: настоящий эспадрон, который он пару месяцев назад с огромным трудом выменял у Петюни Димитриади на большой медный царский пятак. Но рукоятка, которую Петя шикарно называл "гарда", держалась на честном слове. Ее следовало бы приварить, а как? Была одна-единственная надежда: на Слободке — там, где был сумасшедший дом, ремонтировали трамвайную линию. Этим секретом поделился с ним Ванька, сын участкового, который жил на углу возле аптеки. Ванька божился, что сам видел, как там что-то сваривали. Теперь надо каким-то образом убежать из дому, да потом еще переть через весь город, держа в руках здоровущий эспадрон. Это все было сопряжено с большими опасностями: во-первых, отец, если узнает, может запросто выпороть; во-вторых, по дороге эспадрон могут отобрать пацаны с улицы Панаса Мирного — враги и конкуренты; и наконец, сварщик может потребовать за работу минимум чекушку, а денег-то всего в кармане — двадцать копеек, которые Миша сэкономил на двух мороженых.

Между тем мама надела креп-жоржетовое в крупных цветах летящее платье, которое очень молодило ее, и они всей семьей направились на день рождения к тете Иде Пуриц, подруге маминого детства.

Там было весело. Гости, выпив горилки с перцем, танцевали фрейлехс, а потом начали уговаривать Талесника спеть. Он долго ломался, говорил, что сегодня не в голосе (можно было подумать, что он — Карузо), что он забыл все слова. Но потом все-таки вышел на середину комнаты и под аккомпанемент старенького вдрызг разбитого пианино-прямострунки спел "Рахилю":

"Рахиля, шоб ви здохли, ви мне нравитесь!"

По рядам порхнул смешок, гости зааплодировали. Приободрившийся Талесник рванул "Ай-яй, а штэкэлэ", а потом и свой коронный номер:

А'гитен морген, Фейге-Сошэ,
Вус зитцт ды азой особенэ?
Гитен морген, Файвл-Йошэ —
Мир азой удобэнэ...
Гитен морген, Файвл-Йошэ,
Мир азой удобэнэ.

Именно в этот момент в настежь распахнутом окне внезапно появилась нечесаная голова дворничихи Нины Андреевны. Гости втянули головы в плечи, ожидая услышать брань. Сдвинув брови, дворничка грозно оглядела собравшихся, потом вдруг подмигнула и пропитым хриплым голосом запела второй куплет:

А'гитен морген, Файвл-Йошэ,
Их виль мит а дир гуляевэ.

И гости, все как один, воспрянув духом, дружным хором грянули: "Гитен морген, Фейге-Сошэ! Виль дих провожаевэ". Пела Виконт Добра Желант, пел Ласло Сабо — краснодеревщик с Коминтерновской, пел Моня Перельмутер, пели родители голубятника Вовки, пел прораб Климчук, пела тетка Петюни Димитриади — фининспектор, пела Ванькина мама — жена участкового, пели Лев Григорьевич с Эсфирью Леонидовной. Песня, переполнив двор, выплеснулась на улицу и, прихрамывая увеличенной секундой — этой расплывчатой границей между иронией и грустью, потекла вниз, к далекому Черному морю.

А в это время Мишка сладко спал в соседней комнате на кишащем клопами диване, и на груди его, урча и улыбаясь, дремал рыжий кот по имени Робинзон.

Ганновер

Виталий АМУРСКИЙ*

Ода газетным листам

Газетные листы быстрей листвы желтеют,
Становятся и хрупче, и темней.
Газетные листы для печек не жалеют,
Как не жалеют в парках старых пней.

Газетные листы — любовь моя и трепет —
Заметка, врезка, репортаж, подвал...
Спасибо, что тот юношеский лепет
Вы вынесли, в себя мне веру дав.

Газетные листы — гербарий мой давнишний,
Ненужный никому, состарившейся мир,
Растрепанный, ослепший и поникший,
Но незабвенный, словно в бурю Лир.

* * *

Тетрадочных линий наклоны —
Июльского ливня размах,
Небесных составов вагоны
Стучат по крылатым мостам,

По радугам на горизонте,
По брызгам, летящим от них.
У друга одолженный зонтик
Чудесно сближает двоих.

О, россыпь веселого грома,
Заботы сбивающий душ,
Стальное мерцание хрома
Коврами распластанных луж!

Не раму, но сердце открою
В Эдемский оставленный сад,
Где радостно, право, порою
Мне было лет сорок назад.

* В подборку добавлено стихотворение "Распутица мыслей, строк...", а в стихотворении "Детгизовский Жюль Верн..." изменение в конце.

Из "Детской комнаты"

Поэт — на облаке скворечник
На молнии — почтовый ящик
Греха не сотворивший грешник
Премного слон и малость ящер

В моря влюбленный как безумец
Китом ныряющий у киля
Нептун бы дал ему трезубец
Да у стихов не та стихия

* * *

Холодов приближение и кружение птиц
Закрывая глаза падать медленно ниц

Ни о ком ни о чем не грустя не скорбя
Падать тихо в себя

Падать тихо паря
В сон как в снег декабря

Над притихшей землей над остывшей золой
В тот московский былой

Зря
Заря

* * *

Приснился Энск. Пустая —
Безлюдная, точнее, — цепь домов,
Озябших птиц встревоженная стая
На линиях провисших проводов.

Трехрядки вздохи, чей-то голос тихий —
Души хмельной рассеянная блажь,
И — то ли лики, то ли просто блики —
Морфеем намалеванный мираж.

То резче всё, то незаметно тает,
И песня там то выше, то на спад,
Зовет к себе, да близко не пускает.
Открыл глаза. Не спится. Надо спать.

* * *

Монмартр
В окнах
Тушь
Теней
Как
Кругликовой
Дань

* * *

Видение — Москва, перрон,
Отмеченные снегом дали,
Расплеснутая тушь ворон
И — репинское: ах, "Не ждали".

* * *

Е. С.

Распутица мыслей, строф,
Дела не с руки.
Случайный лист — апостроф
Повис в пустоте строки.

Летящих стай непокой —
Бесстрелочный циферблат,
На память, как есть — *такой*
Дарю тебе мир свой, брат.

На память из тех земель,
Куда, без дороги вспять,
Увел меня сердца хмель
Нерусские травы мять.

* * *

Детгизовский Жюль Верн. Июль. Простуда.
Как часто вновь из прошлого, оттуда,
Где океан погасших звездных точек,
Мерцание солоноватых строчек
Накатывает на меня, пьяня,
И в памяти дрожат, пленя:
Шум мельницы. Дорога. Дача.
За окнами, как будто плача,
Покачивает с моря ветер
Березово-сосновый веер.
Растрепанность воспоминаний. Тени.
Не для истории — для сердца темы:
Хлеб темный. Молоко. Картошка. Печка.
Перегорела лампа. Сумрак. Свечка.
Травинка вот, вот — божия коровка.
С жировками хозяйскими коробка.
Готовили. Читали. Что-то мыли.
Подсчитывали. Жили-были,
А бас неторопливый Левитана
Озвучивал Левиафана.

Париж

После Гомера

1

Внутри Тезея дремлет Минотавр.
Он гнал его всю ночь до лабиринта.
Наполнит небо вздохами Эриний.
Им все одно — кто прав, а кто неправ.
В нутро иное обронив клубок,
Не мучайся причудливости линий.
Им все равно — герой ли, полубог.
И было утро. И последний взгляд...
Нас каждый бой не делает моложе.
Харону переправы не предложит.
День, дважды оглянувшийся назад.
Оставь на память музыку баллад —
Так времени изменчив обжиг.
И ты, Тезей, представь, что все был сон.
До срока остановимся в начале.
Печален оттого, чем был сражен,
Или сражен лишь тем, что был печален?

2

И поскольку время не чернит финальных сцен,
На дорогах, проверенных Одиссеем,
В междуречье мифов — времстрясенье,
Старый век у Парки в горсти — обесцвеченный гобелен.
Да и ты был тогда не реальней, чем эти дни.
А эпоха героев — для хрупких плеч Пенелоп.
Просто долог век неоконченных книг.
Если то же самое знают не только оба.
И теперь за восемь тысяч далеких войн — корабли...
За предчувствие вечности чем, Телемак, расплатиться?
Серый сумрак Тавриды скрывает за звездами лица,
Там, где столько столетий все к морю приходит Улисс.

3

Над Херсонесом пар старинных вин
Сжигает жаркий воздух в желтой топке.

Метет песок дорических руин
День на воображаемых раскопках.
Так солнце поднималось столько раз,
Под хор племен, трясущих трон Олимпа.
Ты вспомнишь прошлого рожденья час
По золоту Эгейского залива,
Мне имя выудишь из раковин со дна.
Знакомое, как яблоко раздора,
И вспомнишь, чем окончилась война...
К чему, ответь, нам музы Терпсихоры.
Зачем, мой друг, так много городов,
Когда в итоге некуда вернуться?
Из века повторяется одно.
И так же невозможно обмануться.

4

От тяжести утра под утро болит голова.
Расстегнуты Книги Хождений великих героев.
Стою на ветру у ворот — ни жива ни мертва, —
Я словно отшельник под гиблыми стенами Трои.
Сбегаю по грифу к долинам тибетской реки.
В этнический полюс — и тени на плечи ложатся.
Сменив над пролетами встречный налет декорации.
Где песня рождается, струны врезая в колки.
Мне хочется думать, что бархатный занавес сорван,
И выскользнуть птицею из темноты натюрморта,
Напомнив себе, что корветы выходят из порта
В открытое море задолго до мысли о шторме.
Пишу но воде, забывая о всех островах,
Сорвав эполеты тугих театральных регалий,
На карточных тронах минуя законы деталей,
Сменив флибустьерский на белый, невидимый флаг.

5

А если мир покинутый ковчег,
Тогда зачем пытаешься прочесть
Насечки букв действительного века,
Упавший в зеркала археотек
Заложником числа или молекул?

Переселенцы из античных лет,
Не удивляйтесь: прошлого здесь нет,
А только запах греческого пляжа,
Запомненный здесь кем-то наугад,
По ком влюбленный взгляд
Затянут неводом-пейзажем.

Письмена

Что знала Психея о царстве Микенском
Вдали от пророчеств и предсказаний,
Застывших в камне случайной фрески
Сухим каллиграфам ученой данью,
Когда в шерстяной темноте теснились

Тельцы и овцы, сгорая на вырост;
Ахейских юношей страсти и стрелы
Летели, лелея слух Персефоны?..
Но бабочка над Илионом летела,
Кем-то к нежности приговоренной,
Себе уготовив иное закланье...

С языка морей

1
Нам только моря высохшие сны
Затерянных в волнах — и не проститься
В бутылке забродивших писем Стикса
Ни красных капель и ни чьей вины.
На отмель гавани забытой литься
Молитвой плит ракушечных; Калипсо
Звать именем из черных списков сна
Всех дней, ночей и промежутков,
Прибитых к пирсу грузом междометий,
Когда смывает патину трагедий
За зноем занавешенным причалом,
Тобою обреченного вначале
Утра.

2

Прикроешь ставни крыльями фантазий.
Творящих треть шагов на парапете.
Молчанья плеть и звукоряда вертел
Внести в отрывок тонкостанной связи,
Когда летишь необратимым криком...
Улики слова — в память Эвридики,
Рыданье волн, дробящихся о камни,
За песни — одинокости отрава
На донце страсти; ни Орфей, ни Каин,
А только голос твой как бы случайный
С плеча минут опавший белой вязью...
И верность губ запястью
Тайны.

Потоп

В керамический Крым затяжные дожди голосят,
Как в нагревшийся колокол хор звонарей-цикад.
Испещренный сосуд, обозначенный Южный Крестом,
Как большой затонувший корабль под прогнувшимся дном

Бытия, что открыло прореху под тоннами грез
Капитанов, затерянных в белых полях тубероз.
Так и я, оказавшись на палубе в чреве ночей,
Судовых их журналов и долгой бессонницы чтец.

Чьей свободы в тебе? Я с тобой замечаю родство
По изгибам колец — тонких змей, обнимающих ствол,
И приветствую боль, — память лет из деревьев и трав,
Потускневший портрет бытия в скорлупе из оправ

Каждой прожитой эры под огненным флагом вождей;
Это эхо твое из одних бесконечных дождей,
Что разлилось потопом, наполнив глиняный остов;
Это мой не приезд, это твой несмолкающий зов.

* * *

Мария, Малена, именем трав и воды,
Одно расстоянье с иною скрестив судьбою,
Среди других, спасающих красотою,
Чем ближе к самой, тем сложнее прослыть святым.

Но здесь образа заменяют сердец зеркала,
Слова пеленая молчания чистой водою.
За веер ребра отданных, два крыла
Библейской осенью сложены надо мною.

* * *

Индийские боги золотили волосы Анны,
Когда она ходила одна вдоль океана,
Похожего на изумрудную рану,
В стране из мангровых гамм.
Пыльцою струилась прана,
Змеей вдоль гибкого стана,
Браслетами по ногам...

Если долго смотреть в сторону океана,
Настоящее в кожу врастает наколкой тайны,
Пряча взгляды в солнцезащитный сумрак...

Есть Волосы Вероники и желтые стебли Ганга.
Но я видела в мастерской художника портрет Анны,
И не могу забыть этот портрет никак.

* * *

На прошлом — пыль; о будущем ни слова.
Мир есть число, — напомнит мне философ.
Господь еще не выходил из дома,
И сборщики не собирали денег;
Усталость от полетов и падений
Поэты пьют с травой и валидолом.
Как я умею жить лишь в настоящем,

Так в нем мой долг любой — необоснован.
И что есть мир? Он как причал скользящий,
Причал еще не расплескал всех лодок...
Мне нужно к морю, там стоит ребенок,
Ребенок тот ко мне подходит тихо
И называет мне большую птицу —
Причал с водой перетекают в небо,
А небо вдруг перетекает в Слово...

"Листает время дни недели..."

* * *

Давно листва опала. Голых кленов
Так непривычно видеть наготу.
Не бьют березы путникам поклонов,
Небесную смущают высоту.

Морозной синью небо полыхает.
Ноябрь истек. Дыханье декабря
Неведеньем с утра ворон пугает,
Чтоб не орали над полями зря.

Сидят, нахохлившись, не соблюдая рангов,
Покачиваясь мерно на ветру.
И я под ними — молчаливый Брахма,
А может быть, непризнанный гуру.

* * *

В кромешной тьме осенней ночи
Хохочет ветер до утра,
По крышам скачет, словно хочет
Продлить бессонницу пера.

Не спится сердцу, ярым словом
Тревожит душу мне оно.
С луной заигрывает снова
Мое неспящее окно.

И так до зимних снегопадов
Моя бессонница живет.
И только ты одна не рада:
Покоя ветер не дает.

* * *

Листает время дни недели,
Что впереди — не знаю я.
И к протрезвленью, и похмелью
Благоволит душа моя.

От нашей глупости устала
И лжи столичного дерьма.
Я в жизни выстрадал немало —
Не оттого ль душа нема?

И потому так жажду бури —
Пусть грянет гром и все сметет!
Очистит жизнь от всякой дури
И Человека вознесет.

Валерия РЕПИНА

"Не ищи значенья слова..."

* * *

Никому не спать,
Дождь споткнулся на крыше
И упал на оконную гладь.
Воздух дышит
Собою и запахом трав,
Навеянным чьими-то снами.
Каждый по-своему прав,
Тишину разделив с небесами.
Время узлом все туже,
Стрелками летопись пишет.
Никому не спать — всем слушать.
Никому не спать — всем слышать.

* * *

Небо кажется ближе,
Если закрыть глаза.
Ветер как будто ниже —
Белая полоса.
Звуки четче и резче,
Можно почувствовать ноты.
Проще намного и легче,
Закрывшись, спросить себя: "Кто ты?".
В цветное раскрасить тени,
Мыслями, а не взглядом.
Ты кажешься мне совершенней,
Когда не со мною рядом.

* * *

Не ищи значенья слова —
Все равно его не будет.
Вновь к предательству готовы
Твои ветреные губы.
Не черти случайных знаков,
Они цифра ноль — и только.

Все идет незримо к праху —
Ровно тысяча осколков.
Не копи воспоминаний,
Они призрачная дымка.
Ни к чему напоминанья
О несделанных ошибках...

Владимир АЛЕКСАНДРОВ

Мой Утесов

Автор этой публикации Владимир Анатольевич Александров — человек обаятельный, не зря Утесов с ним близко сошелся. К нему не подходит убийственная кликуха "фанат". Нет, Александров никакой не фанат. Он искренний, последовательный и верный поклонник таланта истинно народного певца. Бывшие фронтовики, ветераны войны вспоминают утесовские песни со слезами на глазах.

Надо ль удивляться, что такой отзывчивый человек, как Александров, столь сильно полюбил утесовское творчество и преданно служит памяти Артиста.

Традиционные "утесовские" вечера, ежегодно организуемые Александровым, состоялись и в дни, когда отмечалось столетие Леонида Осиповича. Они прошли в колпинском Дворце культуры "Ижорский" и в окружном Доме офицеров на Литейном с громадным успехом.

А город, который Утесов называл своей духовной родиной, не очень-то горячее участие принял в праздновании юбилея. Петербургские концертные залы, где некогда Утесов выступал, буквально ломившиеся под напором желающих увидеть и услышать всеобщего любимца, не сумели отыскать в своих расписаниях хоть какого-то окошечка, в коем бы обозначено было и знаменитое имя, и мероприятия, посвященные столетнему юбилею. Не до того? Вероятно.

А Александров с трудом, но все-таки "пробил" аж мемориальную доску! Она в нынешнем году будет установлена на доме по Надеждинской, где жил Утесов, ленинградец по духу.*

Недавно В. Александров был гостем Всемирного клуба одесситов и любезно предоставил нам публикацию мемуаров, впервые увидевших свет в журнале "Нева" (№ 6, 1995 г.).

Я — счастливый человек. Судьба подарила мне дружбу с Леонидом Осиповичем Утесовым. И эта дружба длилась более двадцати лет...

Как же это произошло?

В самой маленькой комнатушке нашего дома на станции Саблино жил дядя Саша Казанцев, у него был патефон с блестящей ручкой. По вечерам дядя Саша заводил патефон. Пластинок было немного, но чаще всего он ставил "Раскинулось море широко" — он слушал эту песню, и на глазах появлялись слезы. В 1943 году его сын, морской пехотинец, погиб в боях за Родину. Дядя Саша говорил, что эту песню поет Леонид Утесов, что поет

* Журнал "Нева", № 6, 1995 г.

он сердцем. Мне нравилась эта песня и исполнитель, и я вместе с дядей Сашей в комнате, освещенной коптилкой, тихо сидел на койке и тоже плакал.

Я полюбил этот необычный задушевный голос. Стал собирать и собрал довольно большое количество утесовских пластинок. Но я мечтал попасть на концерт, и моя мечта вскоре сбылась. 20 июля 1952 года в "Саду отдыха" на Невском (жаль, что этот сад потерял свое значение в культурной жизни Санкт-Петербурга) я попал на концерт...

Кончились гастроли. Утесов уехал из Ленинграда, мне удалось на шкале своего маленького лампового приемника отыскать волну, на которой ежедневно, начиная с 8 часов вечера и до рассвета, звучали песни Утесова, только Утесова, — это был радиомаяк, потому что между песнями передавали позывные. Видимым "огоньком" маяка был голос Утесова, и кто-то плыл или летел на этот голос! Одним из них был я.

Вскоре я ушел в армию, вернувшись, написал Леониду Осиповичу письмо. Адреса я не знал и написал так: "Москва, театр эстрады, Утесову". На ответ я не надеялся, хотелось просто выразить ему свои чувства. Но вдруг пришел ответ!

Милый товарищ Александров!

Получил Ваше письмо. Спасибо Вам за чудесные и ласковые слова. Мне было приятно их читать. Человеку, работающему в искусстве, всегда радостно, когда его труд — я боюсь сказать "творчество", говоря о себе, — доходит до сердца людей.

Ваше письмо меня очень тронуло. Когда буду в Ленинграде, буду рад с Вами встретиться. Желаю Вам всех благ.

С приветом — Л. Утесов. (02.12.59)

Взволнован я был необычайно...

В первый же приезд Леонида Осиповича в Ленинград я пошел к нему в гостиницу, предварительно позвонив. Волновался ужасно. Что я ему скажу, о чем он может со мной говорить? Леонид Осипович стоял у парадных дверей гостиницы "Европейская", — я подошел, он пригласил меня в номер и, о чудо, мы проговорили около часа. О чем? Пересказать не могу, так как сильно волновался. Говорил, конечно, больше он. При расставании сказал: "Будете в Москве — заходите". Я вышел из гостиницы, душа у меня пела. Я был счастлив! В Москву я попал нескоро, но началась переписка. У меня хранятся 44 письма от Леонида Осиповича. Думаю, всем, кто любит его, интересно с некоторыми из них ознакомиться.

Кроме писем были встречи. Желая почаще с ним встречаться, я устроился внештатным сотрудником бюро путешествий и экскурсий и сопровождал по выходным дням группы в Москву.

Приезжая, каждый раз делал одно и то же: дождавшись 11 часов, звонил, сообщал о том, что приехал и что хотел бы увидеться. Леонид Осипович назначал мне время, и я шел, повторяя заклинание — не задерживаться более 20 минут, нехорошо быть навязчивым. С этой решимостью входил в его квартиру в Каретном переулке, а выходил через 3-4 часа. И не я был в этом виноват.

Леонид Осипович был великолепным рассказчиком, он любил рассказывать, особенно хорошему слушателю, а я, вероятно, был хорошим слушателем, к тому же искусство я любил, хорошо знал театр, учился в то время в театральном институте, — то есть общий язык находили.

Каким человеком был Леонид Осипович? Очень интересным, много знающим и много помнящим, деликатным, добрым, очень контактным: куда бы он не приходил — всегда становился центром внимания, там всегда раздавался смех. Он был очень остроумным, способным на неожиданные экспромты. Например, когда я делился с ним впечатлениями о "Гамлете" в исполнении В. Высоцкого, он сказал: "Высоцкий — очень талантливый человек, Гамлет великолепен, но это не принц датский, а принц из Марьиной рощи". Он был человеком тонко чувствующим, говорил, что он сентиментальный человек и что любит сентиментальных людей. Но он был мужественным человеком, если был в чем-то убежден, никакие силы не могли изменить его убеждений.

Милый Володя!

Я получил Ваше письмо, в котором Вы высказываете опасения за мою "судьбу". Она стала лучше, и Ваши опасения напрасны. Мне только обидно, что люди, проработавшие со мной много лет, не поняли необходимости реконструкции оркестра.

Я понимаю, что им тяжело и обидно, но что же делать, если иначе я поступить не мог. Существовать в двух городах, значит катиться вниз. Никакая творческая работа немыслима. Я огорчен не меньше их. Но что же было делать?

Сейчас у меня "омоложенный оркестр". Успех очень большой...

Дело в том, что легендарный оркестр, в основном, состоял из музыкантов, живущих в Ленинграде.

Славный мой Володя!

Получил Ваши письма. Ну что я могу Вам сказать о себе? Живу, грущу, тружусь. Вот и все. 21-го буду показывать премьеру в Московском театре эстрады. Вот налил чернила в ручку. Заметно?

Программа моя не вся новая, но есть и много новых номеров.

В отношении пролога "на стуле" не старайтесь меня убедить. Вам это не удастся...

Привет жене. Крепко жму руку.

Ваш Л. Утесов.
05.10.62 г.

Пролог "на стуле" — это из программы "Перелистывая страницы", где Леонид Осипович сидит с молоденьким Евгением Петросяном и предается воспоминаниям, тут же, сидя, исполняет свои лучшие песни.

Ему тогда было под семьдесят, мне казалось, что это очень много, и я боялся: публика подумает, что он уже весь концерт на ногах не выдержит, что он старый, ему трудно. Но вот началось второе отделение, и оказалось, как вспоминает народный артист России Г. Шебуев, "что все мы, зрители, бессовестным образом обмануты. Нас разыграли. Мы были обмануты хитрым мистификатором, злостным "симулянтом".

Утесов показал нам пародийную сценку-диспут на тему: где и когда родился джаз, в Америке или в Европе, в Нью-Орлеане или в Одессе. Утесов, стоя к нам спиной, с предельным неистовством дирижировал. Но что это? Сначала задвигались его плечи, потом ноги, и Утесов с привычной легкостью затанцевал. Даю честное слово, он танцевал! И когда после какого-то неописуемого "одесского батмана" под гром аплодисментов он обернулся к нам лицом, — мы увидели того Утесова, молодого, гомерически жизнерадостного. Он стоял перед нами, слегка наклонив голову, с руками на сердце, с озорным лукавым юмором в глазах, с доброй и благодарной юношеской улыбкой. Перед нами стоял Лёля, Лёдя Утесов. Он смеялся, Ледя беззвучно смеялся. Может быть, он смеялся над нами, сидящими в зале? Нет, Ледя смеялся от счастья, что в свои годы он может доставить так много минут радости, смеха, веселья публике, зрителям, которым без остатка посвятил свою жизнь". Я, конечно же, был неправ.

В сентябре 1962 года умерла Елена Иосифовна, жена Леонида Осиповича, с которой он прожил 49 лет... Я тяжело переживал эту его потерю, но чем я мог его утешить? Писал ему теплые письма, он мне отвечал.

Милый и славный мой друг!

Я получил Ваше чудесное, полное трогательного сочувствия и дружбы письмо. Спасибо Вам! Вы очень хороший. Встречая таких, как Вы, я начинаю верить в нашу молодежь, в которой часто разочаровываюсь.

Горе мое очень велико, а жить — надо. А можно жить только тогда, когда вокруг хорошие люди.

Вы хороший, и за это крепко Вас целую. Сердечный привет Тамаре.

Ваш Л. Утесов.
12.11.62 г.

У меня должен был появиться ребенок, я решил, что если мальчик — назову Леонидом, если девочка — Леной. Родилась девочка.

Дорогой Володя!

Сердечно поздравляю с рождением Леночки. Пусть она будет такая же умная, добрая и человечная, как была моя Елена. Целую ее, и Вас, и маму Тамару.

Л. Утесов.
07.02.63 г.

Здравствуйте, милый Володя!

Получил фото. Какая очаровательная девчонка Леночка. Спасибо за постоянную память о Елене Иосифовне. Как складывается Ваша жизнь? Я сейчас отдыхаю. Предполагаю в двадцатых числах мая поехать в Италию. В № 7 журнала "Москва" будут напечатаны мои новеллы и стихи. Не пропустите! Возможно, что приеду на несколько дней в Ленинград почитать свои "произведения". Будьте здоровы. Вам и Тамаре привет. Леночке — поцелуй.

Л. Утесов.
18.04.64 г.

Здравствуйте, милый Володя!

Получил Ваше письмо с опозданием, так как я живу вне Москвы. 25-го уезжаю на гастроли. Журнал "Москва" читайте № 9. Записать песни можно будет, когда вернусь в Москву. Вы пишете о фильме. Это ведь не от меня зависит. Нужно, чтобы целый ряд организаций, ведающих кинематографией, этого пожелали. Дело не в сценарии. Сейчас группа молодых ребят, кончающих ГИК, сделала небольшой фильм обо мне как свою диплом-

ную работу. Я еще сам не видел. Итак, желаю Вам всех благ. Сердечный привет семейству.

Жму руку. Л. Утесов.
Устье. Московская область. 19.08.64 г.

...Я сейчас не выступаю. Оркестр выступает без меня с молодыми артистами. Я только руковожу. Чувствую себя неважно. Температура воздуха замучила. В Москве сейчас — Африка. Шлю Вам и всему Вашему семейству сердечный привет.

Ваш Л. Утесов.
28.05.67 г.

Милый Володя!

Получил Ваше письмо. Завидую, что будете в Одессе. Правда, ее надо уметь увидеть как следует. Мои места особого интереса не представляют. Треугольный пер., Дегтярная, 10, Княжеская, 2, Училище Файла — угол Торговой и Елизаветинской.

Может быть, теперь это все по-другому...

Ваш Л. Утесов.
03.07.67 г.

Милый Володя!

...Секрет Одессы для каждого разный. Для одних море, солнце, лазурное небо. Для других — напоминание о привязанностях к людям, которые дороги. Для третьих — очаровательная специфика одесситов. Когда приеду в Ленинград, не знаю.

Я считаю, что родился 22 марта, энциклопедия считает, что 21-го. Она энциклопедия, и ей видней. Это все ответы на Ваши вопросы...

С приветом Л. Утесов.
29.05.68 г.

Милый Володя!

Опять вопросы. По Вашей воле я превращаюсь в энциклопедический словарь...

...Сейчас готовлю театрализованную программу.

...Скоро должны поступить в продажу: (пластинки) антология оркестра под управлением "великого, гениального, неповторимого и т. д." автора этих строк.

С приветом Л. Утесов.
27.05.69 г.

Дорогой Володя!

Получил Ваше письмо с ответом "кинодеятеля". Все его доводы — "липа".

Богословский хочет поднять шум. Мне лично все это изрядно надоело. Вам большое спасибо за дружбу. У молодости — сила. У старости — апатия.

Пластинки делаются. Выйдет пластинка "Веселые ребята". Вся музыка с моими комментариями. Хорошо? Шлю Вам и Вашему семейству самый горячий привет.

Ваш Л Утесов.
23.06.69 г.

В этом письме речь идет о замене голоса Утесова в восстановленном кинофильме "Веселые ребята" голосом В. Трошина.

Я писал письма в разные инстанции, какой-то "кинодеятель" мне что-то ответил, я его ответ послал Леониду Осиповичу. В конце концов, справедливость восторжествовала, в фильме по-прежнему звучит голос Утесова.

Милый Володя!

...Я почти здоров. Заканчиваю постановку новой программы. Очевидно, она появится к моему юбилею. Ваши мысли по поводу Вашей творческой работы мне не очень ясны. То ли все хорошо, то ли плохо. Руководя, можно очень много сделать хорошего. Думаю, что у Вас получится. Много денег тоже неплохо. Итак, вперед?

Штурмуйте и громите бюрократизм в искусстве, изнутри. Это хорошая позиция.

Желаю успехов. Привет семье...

Ваш Л. Утесов.
31.01.70 г.

Меня в это время назначили заведующим отделом культуры Колпинского района Ленинграда. "Много денег" — это 200 рублей в месяц.

...О моих делах вы, может быть, знаете. Сделал фильм для телевидения. Закончил книгу "Спасибо, сердце". Ну вот и все.

Жму Вашу энтузиастическую руку.

Привет семейству.

Ваш Л. Утесов.
13.12.71 г.

Милый мой Володя! Ну и удивили Вы меня, одновременно и обрадовали. Человек, любящий театр так, как любите его Вы, не должен оставаться только поклонником этого великого искусства, а должен включиться в творческий процесс. Это, конечно, очень приятно, что Вас зовут директорствовать в ТЮЗ. Театр этот хороший. Я надеюсь, Вы сознаете, что должность директора — не только административные обязанности, но и творческое руководство. Я верю, что и то, и другое Вам по плечу. Буду рад, если это свершится, и если так произойдет, то вырвитесь хотя бы на денек в Москву для беседы. Я думаю, что, побеседовав со мной, Вы уясните себе некоторые необходимые особенности на этом новом для Вас весьма интересном пути.

Итак, желаю Вам, чтобы все было так, как Вам хочется. Шлю привет Вашей семье, а Вам крепко жму руку.

Ваш Л. Утесов.
22.05.72 г.

Милый мой Володя!

Не печальтесь несостоявшимся пока директорством. Все будет в свое время. Я закончил книгу. На днях сдаю. В начале ноября выйдет альбом пластинок (антология 1930-1945 года), не пропустите. Будете в Москве — заходите.

Привет семье.

Ваш Л. Утесов.
22.10.72 г.

Милый мой Володя!

Ваши "страдания" по поводу альбома напрасны. Сейчас начался массовый выпуск, и я думаю, что Вам удастся "обрести покой". Правда, издание ухудшено внешне. Статья о Каревой нуждается в редактуре. Я ее отдам в журнал. Пусть они решают. Я — за.

Приедете — заходите, поговорим.

С приветом Ваш Утесов.
30.01.73 г.

Милый "старик" Володя!

...Хорошим певцам режиссер не нужен. А плохим? Ни один писатель-классик не кончил Литфак. Значит, нужно закрыть этот вуз?

Шаляпин не кончал консерваторию. Закрыть?

Великие актеры не кончили ГИТИС. Закрыть?

При встрече поговорим. О Каревой пишите. Если будет хорошо, напечатаем.

Привет семье.

Ваш Л. Утесов.

Только не подумайте, что я сержусь. А то Вы очень впечатлительны.

04.04.73 г.

Дорогой Володя!

Очень ценя Ваше ко мне отношение, скажу: что Вы послали письмо "Кинопанораме" — хорошо. Беседой Александрова с Орловой многие остались недовольны. Правда, моя беседа с ним была снята — раньше. Ну, это все обошлось. А вот Ваше письмо Николаю Викторовичу может вызвать впечатление моего участия в этом деле, а это нежелательно. Я, конечно, Вам за это "не выдам", но думаю, что это ошибка.

Но и эта "ошибка" говорит о Вашем ко мне отношении, и за это спасибо. Вот видите, как я повернул? Желаю Вам всего самого хорошего в наступающем году. Сердечный привет жене, поцелуй дочурке и дружеское рукопожатие Вам.

Ваш Л. Утесов.

28.12.74 г.

Здесь вновь речь идет о замене голоса Утесова в "Веселых ребятах". Николаю Викторовичу Подгорному — председателю Президиума Верховного Совета СССР — я направил письмо с просьбой рассмотреть вопрос о присвоении звания Героя Социалистического Труда Л.О. Утесову.

Эти звания в то время давали щедро, но Утесова, как всегда, обходили, и я решил действовать. Ему я в этом признался, его реакция — в этом письме.

Героем он не стал, и теперь я думаю, что и слава богу — он народный артист не только по указу, но и по любви к нему, а это выше всех званий!

Здравствуйте, Володя!

Я думаю, что Вы уже знаете, что вышла книга Леонида Осиповича. Не знаю, удалось ли Вам ее купить. Знаю, что в Ленинграде это так же трудно, как в Москве. Л. О. сейчас болеет, он в больнице. Я посылаю Вам его визитную карточку. Пойдете с ней в магазин В.Т.О., который находится на Невском, в "Доме искусств". Пройдите к директору магазина. Л. О. до-

говорился с ним, что по карточкам будут давать (конечно, за 2 рубля). А когда будете в Москве, папа сделает Вам подпись. Пока всего хорошего. Привет жене и Леночке.

Эд. Утесова.
21.01.77 г.

Здравствуйте, Володя!

Ах! Если бы я мог писать длинные письма, я написал бы Вам целую поэму о верности дружбе!

Скажу коротко: Я Вас очень люблю. Все, что Вы написали в Вашем письме, очень меня порадовало. Неужели Леночке скоро будет 17 лет? Как же это скоро все произошло? Очень прошу, перед этим событием напомните мне. Я могу забыть и буду потом весьма огорчен.

Обнимаю Вас и все семейство.

Ваш Л. Утесов.
25.10.79 г.

Я не напомнил, но он не забыл:

Александровой Лене.

Милая Леночка!

Тебе 17 лет. Это начало пути по жизни. Пусть этот путь будет интересный и радостный. Ты теперь уже человек взрослый. Я очень хочу, чтобы ты была Человеком. Для этого надо быть добрым, честным и делать так, чтобы люди тебя ценили. Надо делать добро и бороться со злом. Верю, что так ты и построишь свою жизнь. Поздравляю от всей души тебя с днем рождения. Сердечный привет твоим "предкам".

Отечески целую тебя.

Л. Утесов.
02.02.80 г.

Дорогой Володя!

Получил Ваше послание.

Ваша статья обо мне великолепна. Но, ей-богу (которого, как Вы знаете, нет), я гораздо хуже, чем Вы меня представляете.

Я не могу понять, что нужно сделать (соединяя мою статейку с Ва-

шим портретом моей "личности"). Напишите все, что хотите, и я с удовольствием подпишу.

Всегда Ваш Л. Утесов.

Привет всем Вашим. Л. У.

30.03.81 г.

Моя статья о Леониде Осиповиче Утесове была напечатана в газете "Ижорец".

Это последнее письмо Леонида Осиповича ко мне...

Но пришел черный день, 9 марта 1982 года, и Леонида Осиповича Утесова не стало. На похоронах я дал себе слово, что каждый год 22 марта, в его день рождения, я буду устраивать утесовские вечера на базе замечательного эстрадного оркестра под управлением прекрасного музыканта и человека Льва Захаровича Калмановича.

Таких вечеров состоялось четырнадцать (в год смерти вечер был в мае, и один раз был повторный в ленинградском Доме офицеров). Все вечера проходили в театрально-концертном зале Дворца культуры "Ижорский" в Колпине, где я работаю директором. Зрителей меньше 500 человек не бывало, а в марте 1994 года было более 800, сидели на ступеньках, стояли.

Вот вам показатель популярности артиста (точнее, любви к артисту), его нет в живых уже тринадцать лет, а люди на его вечера все приходят и приходят.

На этих вечерах безвозмездно выступали бывшие утесовские музыканты: Аркадий Михайлович Котлярский, ныне покойные Виктор Андреевич Миронов, Николай Александрович Носов. Принимали участие в вечерах могикане нашей эстрады Бен Бенцианов, Павел Рудаков, Герман Орлов, а также любимый артист Утесова Игорь Дмитриев, музыковед, рыцарь джаза Владимир Борисович Фейертаг, известный музыкант Виталий Понаровский со своей младшей дочерью Надеждой Понаровской, Нина и Владимир Виниченко — мастера чечетки, к тому же безвременно ушедший из жизни Владимир Виниченко был сыном одного из ярких музыкантов джаза Утесова.

Последний раз с Леонидом Осиповичем я встретился в его квартире в декабре 1981 года; в это время в концертном зале "Россия" в Москве устраивался вечер, посвященный 70-летию А. Райкина, я очень хотел попасть на этот вечер, заехал к Леониду Осиповичу за помощью. Он собирался на вечер, возмущался, что кто-то из начальников требует, чтобы он сказал заранее, о чем собирается говорить на вечере. "Откуда я знаю, о чем

я буду говорить, ведь это зависит оттого, как пойдет вечер, может быть, я исполню "С одесского кичмана", — ворчал он.

Выступил он, как всегда, оригинально, с юмором, с душевной теплотой.

И вот уже Утесову 100 лет! А что для Утесова годы? Ровным счетом ничего. Он песне отдал все сполна, и в этом его бессмертие.

Никогда и никакою вьюгой
След певца не будет заметен.
Был он нашим задушевным другом,
Был частицей нашей жизни он.
Не забудем мы любимых песен
И черты знакомого лица.
Улица Утесова в Одессе
Через наши пролегла сердца.

Ф. Лаубе

Елена КОЛТУНОВА

Он был счастливый человек

К столетию Григория Колтунова

Мне было лет тринадцать, когда по какому-то пустяшному случаю я в слезах воскликнула:

— Ну почему я такая невезучая!

Отец строго посмотрел на меня:

— Глупости! Просто ты еще не научилась ценить того, что дала тебе жизнь. Тебе повезло с самого начала — ты родилась в Одессе. Это уже не просто везение — это счастье!

— Но ведь и ты родился в Одессе, значит, ты счастливый человек?

— Конечно, — ответил отец.

И это было правдой.

Старейший отечественный кинодраматург, режиссер, писатель и музыкант Григорий Колтунов, которого еще при жизни называли классиком и патриархом кинематографа, любил и ценил жизнь. И жизнь, не всегда балуя, а порой и огорчая, причиняя боль, была к нему милосердна.

Она подарила ему талант, она наградила его долголетием и дала силы, чтобы почти до конца прожитых лет заниматься творчеством.

Кстати, патриархом отца стали называть, не потому что он дожил до 92-х лет, а намного раньше. И не только оттого, что он пришел, вернее, ворвался в кинематограф в уже далеком 1934 году, когда, прислав на республиканский конкурс свой первый сценарий, "Ошибка Лены Окуневой", получил за него первую премию. Патриарх — это не только возраст, стаж и опыт. Патриарх — это отношение. Отеческое отношение к творческой молодежи, к начинающим, подчас голодным и неустроенным, но талантливым сценаристам, актерам и режиссерам. Об отце говорили: "У Колтунова счастливая рука". И этой счастливой рукой он привел в большой кинематограф Феликса Миронера, Генриха Габая, Сергея Параджанова, Иннокентия Смоктуновского... Талантливые художники — они и сами со временем проторили бы свою дорогу, но кто знает истинную цену этому "со временем"? Знать, что ты помог, поддержал, открыл талант — не это ли счастье! И отец был счастлив и черпал радость в успехах своих крестников.

Отступление. Сергея Параджанова Колтунов впервые увидел на студии им. Довженко в 1954 г., когда тот работал ассистентом режиссера на каком-то фильме. По собственной инициативе Параджанов привел на

съемку одного из эпизодов маленького ослика. И этот ослик сразу же сделал эпизод живым и теплым. Отец понял, что перед ним талантливый человек, с огромным кинематографическим чутьем и нестандартным видением. Колтунов буквально за руку потащил Параджанова к высокому начальству, в результате чего будущему признанному гениальному режиссеру была дана его первая самостоятельная постановка — фильм "Андриеш" по сценарию (в соавторстве) Колтунова. Как-то вскоре после выпуска "Андриеша" отец и Параджанов встретились у ворот Одесской киностудии. Параджанов схватил отца за руку и крикнул какому-то проходившему мимо студийному фотографу: "Советую запечатлеть кадр, как два будущих классика жмут друг другу руки!".

Итак, отец был счастливый человек, ибо душа его была не омрачена завистью. Он мог, умиляясь до слез, с восторгом рассказывать о какой-то интересной находке, интересном эпизоде, увиденном им в чужой работе. Помню, как он буквально погнал меня на телеграф дать поздравительную телеграмму режиссеру Артуру Войтецкому, фильм которого "Рассказы о любви" премьерным показом прошел на телевидении.

Но радуясь дарованию других, он, естественно, был счастлив, когда творческая удача приходила к нему самому.

Его творчество было многогранно. Актер, музыкант, композитор, драматург, режиссер, писатель, поэт... Романы "Кинжал" и "Пятый грех", повести, рассказы, стихи, вошедшие в его трилогию по "Шах-наме" Фирдоуси, более 70 сценариев и пьес, более 40 вышедших на экраны фильмов, многие из которых были отмечены престижными призами на международных кинофестивалях. Ему была присуждена специальная премия жюри Каннского кинофестиваля за сценарий фильма "Сорок первый". "Специальная" потому, что по регламенту фестиваля сценаристам — авторам экранизаций премия не присуждалась. Для Григория Колтунова было сделано исключение.

Отступление. В письме к отцу известного французского киноведа и историка кино Жоржа Садуля и в статье советского кинокритика Абра-

мова описываются те бурные дебаты, которые разгорелись между членами жюри и советской киноделегацией, настаивавшей на том, чтобы премию дали фильму в целом. Из-за этого жюри собралось вторично и снова вынесло вердикт: "Премия присуждается за сценарий с формулировкой "За оригинальный сценарий, гуманизм и революционную романтику" и ни по какой другой номинации больше". "Так Вас короновали вторично", — писал Жорж Садуль.

Премиями в Венеции и в Сан-Франциско был награжден фильм Колтунова "Месть". А трилогия "Сказание о Рустаме", "Рустам и Сухраб" и "Сказание о Сиявуше" (по "Шах-наме") стали победителями на кинофестивале стран Азии.

Отец не был обделен званиями, правда, пришедшими к нему уже в немолодые годы: заслуженный деятель искусств Таджикистана (за трилогию по Фирдоуси), а через 20 лет — и Украины. Но запоздалость правительственного признания не мучила отца. Потому что было признание кинематографической общественности, потому что его фильмы знали и любили в народе. Любили, не зная имени сценариста, а порой вообще не зная, что такое сценарий. Но мальчишки скрещивали пальцы, подражая мотористу Райскому из "ЧП". И время от времени кто-то говорил кому-то: "Я не брал, он не давал. Он не давал, я не брал", — копируя милиционера Грищенко из "Зеленого фургона". И к шестидесятилетию отца среди огромного вороха поздравительных телеграмм была телеграмма от Бориса Андреева с подписью "Лючики", намекающая на роль Андреева в отцовском фильме "Максимка".

Отступление. На 90-летие отца пришли поздравительные телеграммы с киностудий всех бывших союзных республик. И в своем выступлении Григорий Колтунов сказал: "Я счастлив, что хоть на один день сумел восстановить Советский Союз".

Для Григория Колтунова ценнее всех званий было то, что его сценарий "Голубые дороги" удостоился чести быть опубликованным в "Новом мире" Твардовского. Честь, которая выпала еще на долю только гениальным Чаплину и Довженко.

Огорчало ли отца то, что многие его сценарии так и не получили экранного воплощения? Конечно, огорчало, хотя при творческой активности отца и притом, что в то время в год выпускалось считанное число фильмов, ему, сценаристу, у которого раз в полтора-два года, а то и чаще, выходили картины, грех было бы жаловаться. А впрочем, бывало по-разному...

Остались не поставленными сценарии "Сын" и "Чудесная цепочка" (за

право постановки которой спорили известные режиссеры). Помешала война. Что значили эти две неосуществленные картины по сравнению с разразившейся чудовищной катастрофой — войной! И как можно было расстраиваться, что остался, как говорится, "в столе" сценарий-памфлет "Мусор и звезды", — потому что помешала Победа? Радость затмила огорчение.

Были случаи, когда "похороны" сценария даже приносили удовлетворение. Так было тогда, когда отец сам забрал со студии "Мосфильм" свой сценарий "Народный ученый". Сценарий был принят с наилучшими отзывами и уже запускался в производство. Отец забрал его, потому что героем будущего фильма должен был стать печально знаменитый всесильный академик Трофим Денисович Лысенко. Вместе с редактором фильма Игорем Чекиным отец ждал в приемной Лысенко встречи с академиком. И через неплотно прикрытую дверь услышал разговор Лысенко с подчиненным ему коллегой (кстати, тоже академиком, но пониже рангом). Мат, угрозы, крик... "Моего сценария больше нет", — сказал Колтунов редактору. Он вернул киностудии гонорар. Такой демарш мог привести к тяжелым последствиям, но, к счастью, привел лишь к тому, что документы строптивого сценариста, пересланные в центр для присвоения ему звания, исчезли.

С присвоением звания так происходило трижды, поскольку отец еще не раз проявлял принципиальность. Если в случае с академиком Лысенко отец был счастлив, что не воспел недостойного, то в другом случае он мог со спокойной душой сказать себе: "Я не поступился своим достоинством". "Учитель музыки" — сценарий об украинском композиторе Мыколе Лысенко — был написан так, как мог писать только музыкант о музыканте: с любовью и пониманием. Но "наверху" кому-то показалось, что в титрах фильма об украинском композиторе должна кроме фамилии Колтунова стоять еще одна фамилия, более созвучная имени композитора. Несмотря на страшное многомесячное давление, отец ни на какие компромиссы не пошел. Он снова собственноручно "похоронил" свой сценарий и вернул гонорар. Фильм снят не был.

Здесь самое время сказать о том, что было одной из самых больших составляющих счастья отца. Самое время — потому что в истории с "Учителем музыки", как, впрочем, и во всей жизни, ему поддержкой была его самый большой друг — жена, наша мама, которая заявила, что готова голодать вместе с детьми, но только чтобы отец не сделал того шага, который он сам себе не простит.

Прожить с женой в любви и согласии 69 лет — это ли не счастье?! Его отец ценил очень высоко. Жизни отца с его Марусенькой — Мирелью Мои-

сеевной — завидовали и удивлялись многие киношники, сменившие не одну жену и оставшиеся на старости лет без близкого друга.

Вообще, в друзьях отец был счастлив. Его всегда окружали интересные люди. Несмотря на непростой характер, его любили, с ним дружили. Какие трогательные письма писал отцу Сергей Юткевич! Какие бурные излияния любви и радости можно было наблюдать при встречах с Аркашей — Аркадием Райкиным! Как не могли наговориться он и обычно сдержанный Георгий Александрович Товстоногов — Гога! Близким и любимым другом отца был Иван Александрович Пырьев. Подружески пришел к нам в дом, будучи в Одессе, Сергей Герасимов (попав случайно на следующий день после моей свадьбы, или, как он сказал, на "черствую свадьбу"). Отец очень гордился тем, что с ним, молодым, на равных дружил Иван Кавалеридзе. Борис Чирков, Эраст Гарин и его жена — режиссер дубляжа Хеся Локшина... Нет, всех не перечислишь!

Отступление. Дружба Колтунова с Пырьевым началась с 1938 года, когда пырьевский фильм "Богатая невеста" после разгромной статьи, появившейся в киевской газете "Коммунист", осудил и худсовет — как враждебный и искажающий представление о колхозах. Но когда слово дали отцу как представителю творческой молодежи, он встал и сказал: "Статью в газете написал дурак. Картина хорошая". Поднялся шум: "Как вы смеете! Это же газета ЦК!" — "Значит, этот дурак ввел в заблуждение ЦК", — ответил Колтунов. "Все ясно, — сказал директор студии. — Картина принята единогласно". "Как единогласно?" — завопил представитель главка. "Единогласно, значит одним голосом", — ответил директор студии. Он отвез фильм в Москву. Картина понравилась Сталину и вошла в число лучших довоенных комедий Ивана Александровича Пырьева.

Отец гордился и был счастлив тем, что ни разу не поступился честью, совестью и достоинством. И счастьем он считал то, что судьба ни разу не ставила перед ним страшный выбор — жизнь или предательство. Хотя менее критические ситуации — бывали. А впрочем, кто в то страшное время

мог предсказать, во что выльется, скажем, отказ поставить свою подпись под каким-то бичующим собрата документом или нежелание воспевать мерзавца, или... Впрочем, того, за что можно было в те годы подвергнуться репрессиям или в лучшем случае остракизму, недопущению к профессии, — не перечислить.

Чистая совесть, любимая жена, любимая семья — дочери, внуки, братья, любимые друзья, любимый "Стенвей", игрой на котором отец начинал день, любимая библиотека и шахматы, любимый город и неугасающее желание творить...

Да, воистину отец был счастливый человек!

Владимир МИНЕНКО

Начальные записи к повести о Кире

От редакции. Этот фрагмент неоконченной повести найден среди рукописей замечательного художника и литератора. Владимир Миненко недавно ушел из жизни...

Мои личные воспоминания о киностудии сводятся к тому, что у цеха комбинированных съемок, куда я пришел наниматься титровиком, я увидел отработанные макеты Робинзонова судна: один, поменьше, — в полный вид, а другой, покрупнее, — лишь носовая часть. Выделанные довольно грубо, с неумело вязанным такелажем, — в расчете, что на отечественной "Свеме" все замылится.

Трудоустройство мое тогда не состоялось, поскольку подскочивший помреж (снимался многосерийный телефильм "Волны Черного моря" по Катаеву) увлек меня в массовку, на съемки эпизода, — во мне ему глянулся образ одесского купчика. Я плюнул на все — будто передо мной открывалась карьера киноактера. Меня переодели в клетчатый пиджак (без под-

кладки), дали жесткую шляпу-котелок и трость и отвезли на Польский спуск, где я должен был под руку с двумя дамами спускаться по лестнице. Уже выставили свет, уже сделали пробную проходку, но повалил снег — и съемки отменили.

И нельзя было даже представить себе, что вокруг невидимо для меня двигались тогда, словно создавая сюжеты, герои наших будущих повестей — Милочка (она была помрежем на говорухинском "Робинзоне"), Василий (мне бы взглянуть на торец админкорпуса, чтоб увидеть, как он поливает комнатные огурцы на подоконнике сценарной мастерской), Людмила (она могла бы торопливо проходить — крупная уверенная в себе женщина — по дорожке от дирекции к ЦОПу). И только Киру я не могу себе представить — разве что как нахохлившегося воробышка (подобно Эдит Пиаф) в колючей зелени сосен у особняка Сан-Донато...

Как-то, увидав ее фотографию — с бракованного, по сути, замусоренного негатива, сделанную, должно быть, мимоходом, среди студийных насаждений, когда была она без работы, всеми отвергнутая, — на ум пришло сравнение с Мариной Цветаевой, — такая безысходность лежала на ее скуластом лице, читалась в этой небрежно обрамленной короткой кукольной стрижкой голове, а главное — в ее платье, клетчатом, истрепанном (том самом, кажется, в котором она снималась еще в "Коротких встречах", вместе с Высоцким), старом, ставшим кухонным платье. Так и Цветаева, наверно (на редких снимках поздней поры — тоже часто в клетчатом, "шотландском"), бесприютная, неухоженная, варя невкусные семейные борщи на чужих провонявших кухнях, отсутствующе сыпля соль в закипающее постное варево, думала о другом, — великая в истинном предназначении и неумелая, вызывавшая раздражение окружающих, нелепая в бытовом аду (как и другая Сафо русской поэзии — вечная гостья, странница с патрицианским профилем, скитавшаяся по чужим углам, знавшая, "из какого сора растут стихи, не ведая стыда", и умершая в зале ожидания аэровокзала).

Какова же идея, о чем хотелось сказать в "Кире"?

Только ли о поздней славе, когда уже не разбирают — шедевр ты создаешь или вытираешь кисть о полу рабочего халата, или играешь, переигрываешь то, чего не случилось с тобой в годы "регламентированного творческого процесса"? Когда тебя боготворят уже не за то, что ты делаешь, как ты делаешь, но лишь потому, что ты есть, существуешь, присутствуешь, и за твоей сутулой уже спиной скрывается некая изначальная мистическая тайна, и что закрываешь ты собой другой силуэт — величественный, страшный, который им самим увидеть смертельно,

не дозволено, — он только выбивается огненными языками, как солнце в час затмения, заслоняемый тобою, и одновременно, благодаря тебе, прорисовывающийся.

Ты сам не в силах уже понять: действительно ли каждый твой крок, кунштюк "гениальны", и любая почеркушка достойна славы и музейного места. Лишь знаешь, что овладела тобой великая простота, дальше которой нет ничего, кроме полной немоты. Но нет ли и здесь твоего наивного удивления, как перед зеркалом: ужели все так на самом деле, и достойны ли такого восхищения вещи, с твоей точки зрения простые и само собой разумеющиеся?..

"Возраст судьбы" — так можно было бы назвать повесть о Кире — "Кира Муратова: возраст судьбы". Это тот переломный период в жизни человека, когда решается, состоится он или нет, осуществит он свое предназначение или пойдет на поводу у никчемных обстоятельств "жизни", такой же, как у всех, ординарной, с ее маленькими успехами и радостями, никак, в общем, не влияющими на "ход времени". Или вдруг почувствует, что нужно все изменить, или, наоборот, не менять ничего, не меняться в угоду обстоятельствам, поломать свою жизнь, отказаться от ясных обеспеченных перспектив, просто потому что так хочется, — из простого предчувствия, из неумения делать как все, из-за своих собственных особенностей прочтения рабочего материала, перед той пустотой, которая тебя ожидает, — когда вспорхнешь и полетишь вниз, не зная, раскроются ли крылья, удержат ли они тебя в полете, вынесут ли. Но не сделав этой смертельной попытки, так и останешься на птичьем дворе, при мелких куриных интересах.

Судьба — это не то, что предначертано, это то — что ты сам выбираешь.

И выглядеть это может очень буднично, достаточно сказать: я по-другому не умею, — или ничего не говорить и писать никому не нужный сценарий, годами ждать постановки, перебиваться с хлеба на квас, ходить в застиранном платье, соглашаться работать даже уборщицей — лишь бы на студии, и все это время хранить в себе что-то, проделывать какую-то внутреннюю работу и ни на что не надеяться, ни о чем не сожалеть, — ведь решение принято, и ты летишь в пропасть, и не знаешь, раскроются ли крылья.

Приходит пора, когда вдруг начинаешь чувствовать себя наравне с гением, — ты понимаешь его замысел, тебе видны его мотивы, ты стоишь вровень с ним, и он твой собеседник. Ты можешь делать на полях его книг пометки, словно обращаясь к нему самому, можешь пользоваться текстом как материалом, даже переписать по-своему, — вы принадлежны одному цеху, и ты имеешь право.

Тебе позволительно ироничное прочтение чеховского рассказа, и ему незачем прикрываться помпезными академическими переплетами — ему и самому казалось, что он перерос свои рассказы, и будучи по сути человеком совсем иного роста, чем его представляют, глядя на уменьшенные для книг портреты, где он, в докторском пенсне на муаровой тесемке, со стетоскопом на письменном столе, представляется в образе лекаря, призванного излечить смертельные болезни общества. Он виделся себе наверняка иначе — в роли драматурга (к сожалению, ибсеновского толка), затевающим сценическое действие, не уступающее творению... Ты можешь подхватить эту демонстрацию, можешь мистифицировать рассказ, лишив социально обличительной окраски, перевести в зрелищный ряд, представить как маскарад, со свиными харями, как вечное бахтинское Средневековье, где нет ни добра, ни зла, где перемещаются "верх" и "низ"; представить как "Капричос" — отвращающие, "нутряные" образы человеческого сознания, когда сон разума порождает чудовищ...

Ольга САВИЦКАЯ

Преодоление

Страсть вела руку этого человека. Как свойственно многим кавказцам, он обладал врожденной художественной одаренностью особого свойства, когда дистанция между глазом и рукой, душевным настроем и рукой, кажется, отсутствует вовсе, и тогда картина становится отражением души. Изображение как дневник. Живопись = запись чувств.

...А чувства были буйными. Экстраверт, открытый миру нараспашку, доверчиво, нерасчетливо... И неосторожно. Мир вошел в распахнутые двери его души со всем, что в нем было, включая коварное свойство превращать эмоцию в страсть, а свободу делать разрушительной. Судя по работам, он во всем стремился дойти до предела, до крайней степени... чего? — Всего, что бы ни делал.

В живописи его влекла повышенная выразительность формы. Яркой, настойчивой, экспрессивной. Рука очерчивала абрисы голов, стремясь к максимальному контрасту фигуры и фона. Все сильнее и сильнее... Так, чтобы фон сверкал, а предмет становился темнее, и возникали подобные фотографическому негативу головы и полуфигуры, исчерченные орнаментом татуировки. Органическая форма — и геометрия покрывающих ее иероглифов. Уже не хватает тональных контрастов, и художник лепит, продавливает орнамент черенком кисти, создавая объемную фактуру. Покрывает изображение лаком, делающим поверхность поблескивающей, как полированное дерево. Правда, в отличие от отточенных временем фольклорных форм, лихость руки зачастую делает изображение скудным, лишая его нюансов и деталей. Но Ананяна это не смущало. Он шел туда, куда вела рука, а она вела в дебри и глухие закоулки души: все глубже — и ниже.

В этих идолах и впрямь обитали демоны. Постепенно определенность будто резанной из дерева формы размывалась в дымных касаниях, отчего персонажи начинали выглядеть еще более зловещими. Фантастические фигуры, покрытые таинственными письменами. Сдвоенные — и строенные — существа с четырьмя глазами на троих, будто изображение множится и готово вот-вот сгинуть. Некоторые работы, например, "Мелодия", да и загадочные троящиеся фигуры по-своему впечатляют. Но от многих испытываешь чувство дискомфорта. А иные наводят на мысль о знакомстве художника не только с книгами Кастанеды, но и с описанными в них практиками. Куда завела ты, страстная кисть? Где та мера, за которой необходимое для творчества горение души начинает душу сжигать?

A parte. I

Общеизвестно, что страсть разрушительна. Но почему? Почему ей не быть созидательной? В пространстве искусства, описавшего все "свойства страсти" и давшего много примеров ее сокрушительной силы, тем не менее, причина не названа. Но ответ дан в литературе духовной: попавший в плен к эмоциям дух сообщает ему свою беспредельность. Ту безмерность, которая им "не по чину", а человеку не по силам. Потому-то страсть мучительна. Ненасыщаема в принципе. И ведет к самоистреблению, разрывая изнутри своего носителя.

Поворот в творчестве Ананяна случился стремительно. Созданные за относительно короткий промежуток работы контрастируют с предыдущими, как будто их писали два разных человека. Очень разных. Оба этапа роднит разве что темперамент и то, что живопись является продолжением и материализацией эмоций. Выплеском души. Внутренние перемены и рост живописного мастерства происходят одновременно. Друг друга обусловливают и обогащают. Иными словами, в случае Ананяна совершенствование профессиональное и духовное суть одно и то же. И если раньше работы свидетельствовали о том, что мучит, то потом — о том, что помогает жить.

Манера изображения менялась очень быстро, в течение какого-нибудь года, будто человек перешагивал со ступеньки на ступеньку, оставляя за собой картины — вещественные следы очередного преодоления.

Теперь линия, освобождаясь от былой жесткости, начинает "любить" пятно и, прерываясь, им становиться. Все чаще движение руки служит не динамике, а вибрации, но усложняясь и утончаясь, при необходимости обнаруживает решительность и силу. Палитра высветляется. Найден зеленый — то лунно-холодный, то чуть блеклый, отливающий желтоватым воском. Фантастические персонажи теряют свою пугающую демоничность, и гротеск соединяется с лиризмом.

В многообразии сюжетов, экспериментов с фактурами, изобразительных манер вырисовываются две главные опорные темы — это пейзажи родной Армении и религиозные сюжеты.

Ранее в творчестве художника пейзажные мотивы отсутствовали. Полученный от природы импульс привел к возникновению целых серий. Они непохожи. Библейская мощь Арарата потребовала лаконизма и насыщенного декоративного цвета. "Храмы Армении" — живописно слож-

ны: былые контрасты сменяются взаимопроникновением дополнительных красных и зеленых, обменивающихся рефлексами, вписанных, втертых друг в друга так, что образуется единая дышащая среда.

Пейзаж дал живописи Ананяна воздух, но художник не принадлежал к тем, кто способен ограничиться пленэрными эффектами. Ему были тесны рамки конкретного жанра — влекли большие категории. Вместе с воздухом его пейзажи обрели размах мироздания. Зной Армении стал метафорой жара сердца. На картинах в потоках горячих кадмиев забрезжил силуэт Дон Кихота, а луна и солнце светили одновременно.

Внешний мир стал шире, богаче, добрее, и человек занял в нем свое достойное — и скромное — место. Умиротворенность царит в одном из последних — программных — полотен "Зеленая комната". Отношения "человек — дом — мир" равновесны, и силуэт полулежащей фигуры вторит силуэту видимых в окне гор.

Религиозные сюжеты сопровождали художника почти всю жизнь, постепенно занимая все более значительное место в его творчестве. Именно в них наиболее наглядна динамика роста, перемены в мирочувствии, движение со ступеньки на ступеньку — вверх, навстречу... Один только мотив рыбы — символ Христа — имеет собственную историю, пройдя путь от механически начерченного схематичного знака до сложно насыщенного образа.

Сформулируем главное: развитие изобразительного языка шло по следующему сценарию — от конфликтного противостояния объекта и окружения к созданию единой живописной среды. От конфронтации — к подвижной, сложной, вибрирующей материи мира. В которой объект ПОЧТИ РАСТВОРЯЕТСЯ — НО НЕ УНИЧТОЖАЕТСЯ — А ПРЕОБРАЖАЕТСЯ. ПРОНИКШИЙ В ЖИВОПИСЬ АНАНЯНА ВОЗДУХ ОБЛАДАЛ СВОЙСТВОМ СВЕТОНОСНОСТИ, А МАТЕРИЯ СВЕТА, В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ, ОБЛАДАЛА СВОЙСТВОМ ТВОРИТЬ ФОРМУ. Сказанное следует понимать буквально: ОСНОВНОЙ СМЫСЛ ПОСЛЕДНИХ — И ЛУЧШИХ — ПРОИЗВЕДЕНИЙ — ЭТО ФОРМОТВОРЧЕСТВО СВЕТА. Опыт сколь духовный, столь и живописный, был обретен, безусловно, благодаря религии, и в религиозных сюжетах наиболее полно воплотился. Так в "Благовещении" фигуры подобны сияющим потокам. Из света и светом лепятся. Даже в более раннем, 2000 г., в "Снятии с креста" с его традиционно драматичной светотенью совсем нетрадиционно преобладает состояние просветленности.

Последняя работа — "Портрет м. Елены". Широкой кистью, легко и свободно намеченные контур и черты лица. Темное нужно постольку,

поскольку проявляет светлое. Скорее не портрет, а то, что ближе к понятию лика: Тепло. Свет. Ясность.

* * *

Последний холст создан под явным впечатлением проходившей в то время выставки Владимира Наумца. Но перед нами не заимствование, а перекличка. Обмен сигналами: "Я понял, КАК и О ЧЕМ ты это делаешь. Идем в одном направлении...".

* * *

По состоянию портрет заставляет вспоминать и предсмертную работу Люды Ястреб "Троица", может быть, даже неизвестную художнику.

P. S. Мне не довелось лично знать Вагана Ананяна. Все сказанное "вычитывается" из его работ, увиденных уже после его смерти.

Санкт-Петербург

Наталия ПОЛИЩУК, Лариса КОЛЕСНИЧЕНКО

Айвазовский и Одесса

Одесский художественный музей представляет произведения национальных художников. Его обширная коллекция сформирована более чем за 100-летнее существование. Музей был основан в 1899 г. при деятельном участии Одесского общества изящных искусств (ОИИ) и непосредственной поддержке одесского городского головы и известного мецената Г.Г. Маразли.

Основой коллекции стали академические работы, переданные из Академии художеств и Общества изящных искусств. После 1917 года собрание пополнялось за счет национализированных частных коллекций и закупок. Многие из произведений после бурных событий 1917 г. и последующих лет несколько раз меняли место пребывания и владельцев. Из-за этого сложно проследить судьбу некоторых из них.

Жизнь И.К. Айвазовского была так тесно связана с Одессой, что его считали не просто соотечественником, но и представителем Новороссийского края. Одесситы пристально следили за успехами художника. С 1841 года в одесской прессе появляются восторженные отзывы об успехах Ивана Константиновича в Италии. "Одесский вестник" № 40 от 17 мая 1841 г. сообщает читателям, что "...залы вельмож, общественные сборища и притоны артистов оглашались славою новороссийского пейзажиста; газеты гремели ему восторженными похвалами, и все единодушно говорили и писали, что до Гайвазовского никто еще не изображал так верно и живо света, воздуха и воды".

И с этого времени каждое значительное событие в жизни художника находит отклик в одесской периодике. С 1846 по 1900 гг. в Одессе проходит 14 персональных выставок И.К. Айвазовского (1846, 1847, 1850, 1851, 1865, 1865, 1867, 1868, 1877, 1884, 1886, 1892, 1897, 1899). А в мае 1900 г. в местном Литературно-артистическом обществе прошел вечер памяти Айвазовского и была устроена однодневная выставка его работ из частных собраний нашего города. Он часто приезжает в Одессу, надолго останавливается здесь и много работает.

В 1865 году в Одессе создается Общество изящных искусств, и Айвазовский тогда же становится его членом. Некоторые свои выставки художник устраивает в пользу Общества. С этой же целью он иногда дарит свои полотна для розыгрыша в лотерею.

В 1871 г. Айвазовский принят в Императорское одесское общество ис-

тории и древностей. А с 1894 года академик живописи является членом и экспонентом Товарищества южнорусских художников.

Произведения Айвазовского охотно покупают. Они пополняют коллекции известных одесских собирателей. Известно, что в числе первых поступлений из Академии художеств в Общество изящных искусств для организации музея стала работа Айвазовского "Буря". Об этом свидетельствует сообщение в прессе ("Художественные новости", 1885, т. 3. — № 6, с. 168). К сожалению, полотно не сохранилось. Оно сгорело до 1887 г., то есть еще до открытия музея.

Сегодня в собрании Одесского художественного музея находится 26 произведений живописи и 3 — графики И.К. Айвазовского. Это работы периода с 1845 по 1899 гг. Самая ранняя — "Морской вид с молящимся монахом. Морской вид с часовней на берегу", 1845 г., написана под впечатлением от поездки в Италию.

Многие из полотен прошли через музейный фонд, созданный в 1920-м и расформированный в 1938-м году. Через фонд проводилось распределение произведений искусства по учреждениям культуры и музеям, в зависимости от их профиля. В основном, это были национализированные крупные частные коллекции и отдельные разрозненные поступления. Через музейный фонд прошли даже те картины, которые еще до 1917 г. принадлежали музею.

Два произведения из собрания Одесского художественного музея были подарены Айвазовским городу. "Утро" (1851) — поступила из фонда в 1932 г., но известно, что сам автор подарил полотно Городской Думе, и Дума передала его Городскому музею изящных искусств. Так же поступила в музей картина "Пушкин на берегу Черного моря" 1897 г., известная еще под названием "Пушкин в Одессе".

Известна и история поступления картины "Ночь на Черном море", 1886 г. Корреспондент газеты "Одесские новости" в номере от 1 ноября 1886 г. делится впечатлениями: "...знаменитый живописец исполнил вчера показ ученикам здешней рисовальной школы приемы своего письма... Темою картины Иван Константинович выбрал свежевиденную при проезде из Крыма в Одессу лунную ночь на море... Картина была написана от 1 часу до 4-х пополудни". Она была подарена художником Одесской рисовальной школе (она же с 1890 г. — художественное училище), а в 1898 г. оттуда передана в музей.

В коллекции музея две работы из серии, посвященной А.С. Пушкину: "Пушкин на берегу Черного моря", 1897 г., и "Пушкин в Крыму у Гурзуф-

ских скал", 1880. Последнюю сам автор считал одной из самых удачных картин серии. Ранее она входила в коллекцию А.П. Руссова под названием "Пушкин в Гурзуфе. Там, где море вечно плещет". Среди музейных работ четыре ранее входили в собрание этого крупнейшего одесского коллекционера. А.П. Руссова называли одесским Третьяковым. Его коллекция была самой крупной в городе, а качество собранных произведений очень высоким.

Еще четыре картины были переданы Одесскому художественному музею по завещанию академика В.П. Глушко. История их поступления в музей в 1990 г. не лишена интриги и достойных самого искреннего уважения высоких чувств. Поэтому хотелось бы коснуться ее более подробно.

Академик Валентин Петрович Глушко (Одесса, 1908 — Москва, 1989), дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, почетный гражданин Одессы, известен многими изобретениями в области ракетостроения. Он создатель современного типа ракетных двигателей и жидкого топлива для них, основатель и генеральный конструктор НПО "Энергия". В 1978 г. в центре Одессы, на Приморском бульваре, ему установлен памятник.

Он не был заядлым коллекционером, но живопись любил и приобретал ее по мере возможности (ряд картин из его собрания разошлись по многочисленным родственникам, и установить их местонахождение и авторов в настоящее время невозможно). Четыре произведения И.К. Айвазовского ("После захода солнца" (1856), "Лунная ночь на море", "Лунная ночь на море" (1889), "Голубая марина", (1891)) и картину И. Базэ "Перед грозой. Рим. 1800 г." (тоже в коллекции ОХМ) В.П. Глушко приобрел в 1957 г. на полученную Ленинскую премию — 100000 руб. (Где и у кого — пока неизвестно, поиски ведутся.)

В апреле 1971 г. В.П. Глушко составил завещание, согласно которому эти пять картин должны были быть переданы в художественный музей родного города. В середине 1980-х годов, отдыхая в Одессе, он принес и оставил директору музея копию завещания.

На момент смерти в 1989 г. у В.П. Глушко был несовершеннолетний сын Александр Валентинович (1972 г. р.), который, единственный из большой семьи, имел право оспорить завещание и предъявить права на часть имущества. Однако именно он оказался инициатором точного исполнения воли отца и передачи картин музею. В сложной обстановке того времени при нарастающей инфляции он написал отказ от претензий на эти картины, хлопотал о документах, превозмогал семейные бури, звонил

в музей, вызывая представителей. Уважение к памяти отца, воля самого младшего из детей оказались необоримыми. И в последний момент перед закрытием границ эти картины были доставлены из Москвы в Одессу. (В скобках добавим, что больше ни одно распоряжение В.П. Глушко из его завещания многочисленной родней выполнено не было.)

Сейчас эти картины являются украшением многих международных выставок Одесского художественного музея.

Коллекция картин И.К. Айвазовского в собрании ОХМ охватывает разные периоды творчества этого художника, все работы имеют свою историю, которая подтверждает их подлинность, и отмечены высоким уровнем исполнения.

Приложение

Список владельцев произведений И.К. Айвазовского в Одессе (дореволюционный период)

1865

Общество изящных искусств

"Лунная ночь на море", № 82*.

Подарена Обществу изящных искусств. II художественная выставка Общества изящных искусств в Одессе. — "Одесский вестник", 14 октября 1865.

Саржинский Н.Д.

Несколько картин.

"В коллекции были произведения... Айвазовского". — "Одесский вестник", 11 ноября 1865.

1884

Гурович Б.С.

"Буря ночью", № 86.

"Закат солнца", № 79.

"Зима", № 160.

Каталог выставки картин, устроенной Обществом изящных искусств. — Одесса, 1884.

* Здесь и далее номера работ по указанным каталогам.

Каяндер

"Капри в лунную ночь", № 88.

Каталог выставки картин, устроенной Обществом изящных искусств. — Одесса, 1884.

Архитектор Мазиров Д.Е.

"Шторм", № 43.

"Берег", № 45.

Каталог выставки картин, устроенной Обществом изящных искусств. — Одесса, 1884.

Моисеева

"Морской вид", № 90.

Каталог выставки картин, устроенной Обществом изящных искусств. — Одесса, 1884.

Музей университета

"Закат", № 16.

Каталог выставки картин, устроенной Обществом изящных искусств. — Одесса, 1884.

1888

Фальк В.Э.

"Бурное море", № 75.

Каталог выставки произведений искусства и редких вещей. — Одесса, 1888.

1892

Анатра А.А.

1 картина.

"Выиграл в лотерею 1 картину* Айвазовского". — Отчет об устроенной в залах Музея древностей выставке-лотерее 23 картин Айвазовского. — "Одесские новости", 22 марта 1892.

* Название и размеры произведения не установлены

Г-жа Вассаль

1 акварель.

"1 акварель* выиграна г-жой Вассаль на выставке-лотерее Айвазовского в Музее древностей". — Отчет об устроенной в залах Музея древностей выставке-лотерее 23 картин Айвазовского. — "Одесские новости", 22 марта 1892.

Г-жа Карамбелос

1 акварель.

"1 акварель* выиграна г-жой Карамбелос на выставке-лотерее Айвазовского в Музее древностей". — Отчет об устроенной в залах Музея древностей выставке-лотерее 23 картин Айвазовского. — "Одесские новости", 22 марта 1892.

Карпов Л.П.

1 акварель.

"1 акварель* выиграна Л.П. Карповым на выставке-лотерее Айвазовского в Музее древностей". — Отчет об устроенной в залах Музея древностей выставке-лотерее 23 картин Айвазовского. — "Одесские новости, 22 марта 1892.

Комарович В.М.

1 картина.

"1 картина маслом* Айвазовского выиграна В.М. Комаровичем на выставке-лотерее Айвазовского в Музее древностей". — Отчет об устроенной в залах Музея древностей выставке-лотерее 23 картин Айвазовского. — "Одесские новости, 22 марта 1892.

Барон и баронесса Маас

1 картина, 1 акварель.

"С выставки-лотереи Айвазовского барон Маас выиграл 1 картину и 1 акварель* Айвазовского". — Отчет об устроенной в залах Музея древностей выставке-лотерее 23 картин Айвазовского. — "Одесские новости, 22 марта 1892.

* Название и размеры произведения не установлены

Сомов С.Н. — управляющий государственным имуществом

1 акварель,

"1 акварель* выиграна Н.С. Сомовым на выставке-лотерее Айвазовского в Музее древностей". — Отчет об устроенной в залах Музея древностей выставке-лотерее 23 картин Айвазовского. — "Одесские новости", 22 марта 1892.

Фан дер Флит

2 акварели.

"2 акварели* выиграны Фан дер Флитом на выставке Айвазовского в Одессе в Музее древностей". — Отчет об устроенной в залах Музея древностей выставке-лотерее 23 картин Айвазовского. — "Одесские новости", 22 марта 1892.

Шишкарев Н.И.

1 акварель.

"1 акварель* Айвазовского выиграна Шишкаревым Н.И. на выставке-лотерее работ Айвазовского в Музее древностей". — Отчет об устроенной в залах Музея древностей выставке-лотерее 23 картин Айвазовского. — "Одесские новости", 22 марта 1892.

Шульц Е.И., Шульц И.И.

2 картины.

"С выставки в залах Музея древностей с лотереи выиграна Е.И. Шульц 1 картина; 1 картина* — г-жой И.И. Шульц". — Отчет об устроенной в залах Музея древностей выставке-лотерее 23 картин Айвазовского. — "Одесские новости", 22 марта 1892.

Доктор Эргардт Ф.Р.

"Буря", № 1.

"Ночь в Крыму", № 2.

"Феодосия", № 3.

"Зыбь в океане", № 4.

Каталог выставки картин и этюдов в пользу пострадавших от неурожая. — Одесса, 1892.

* Название и размеры произведения не установлены

Яхненко

2 акварели.

"2 акварели* Айвазовского выиграны Яхненко на выставке-лотерее Айвазовского в Музее древностей". — Отчет об устроенной в залах Музея древностей выставке-лотерее 23 картин Айвазовского. — "Одесские новости", 22 марта 1892.

1897

Граф Грохольский

"Ночь в Гурзуфе", № 1.

"Ночь", № 2.

"Восход солнца", № 3.

Каталог картин 1897 г. Типография Шульца. Одесса.

1898

Городская Дума

"Утро" ("Прощание")**.

"Пушкин на берегах Одессы"***.

Картины переданы музею в 1898 году из Городской Думы. — "Одесские новости", 23 ноября 1898.

1899

Бернштейн

"Лунная ночь у Алупки".

"В Одессе на днях получены архитектором Д.Е. Мазировым несколько картин Айвазовского. Куплена "Лунная ночь у Алупки". — "Одесский листок", 8 февраля 1899.

Г-жа Мортон

"Мыс Суниум"

"В Одессе на днях получены архитектором Мазировым несколько картин И.К. Айвазовского. "Мыс Суниум" — куплена г-жой Мортон". — "Одесский листок", 8 февраля 1899.

* Название и размеры произведения не установлены

** См. Одесский художественный музей. Живопись XVI — начала XX веков. Каталог. — Одесса, 1997. (Далее — Каталог ОХМ, 1997). Вариант этой работы находится в ГРМ. Инв. № 6080.

*** См. Каталог ОХМ, 1997.

Швендер С.Г.

"Буря"

"В Одессе архитектором Мазировым получены несколько картин Айвазовского. Некоторые из них посылаются в Вену. Некоторые куплены и остаются в Одессе. "Буря" — приобрел С.Г. Швендер". — "Одесский листок", 8 февраля 1899.

Список произведений И.К. Айвазовского в картинной галерее А.П. Руссова

Каталог 1905 г.

"Шторм", №31*

"На рейде", № 79

"На якоре", № 111

"Прибой у Биарица при закате солнца", № 127. См. Каталог ОХМ, 1997, Ж-180.

"Биариц с моря лунной ночью", № 147

"Алупка", № 149

"Прибой", № 207

"Пушкин в Гурзуфе", № 267. См. Каталог ОХМ, 1997, Ж-176.

"На южном берегу Крыма", № 331

"Перед стрижкою овец (восход солнца)", № 352. См. Каталог ОХМ, 1997, Ж-185.

"У озера", № 353

"После крушения", № 386

По воспоминаниям А.П. Руссова, в его собрании было 20 произведений И.К. Айвазовского. Картина "Парусник" из собрания ОХМ (Ж-184) в каталоге не указана.

Хаис А.О.

"Взморье" — 50 тыс. руб.

"Берег близ Неаполя" — 35 тыс. руб.

"Фрегат у моря" — 30 тыс. руб.

"Перед бурей" — 25 тыс. руб.

* Номера работ по указанному каталогу

"Лунная ночь".

По состоянию на 1919 г. у Хаиса А.О. были реквизированы и оценены данные работы И.К. Айвазовского. — Государственный архив Одесской области (далее — ГАОО), ф. Р4930, оп. 1, ед. хр. 1, с. 130.

Регир

1 работа.

Работа Айвазовского без названия принадлежала Региру. Была у него реквизирована и возвращена. — ГАОО, ф. Р4930, оп. 1, ед. хр. 1, с.1; ед. хр.5.

Штерн М.И.

1 работа.

У Штерна М.И. находилась 1 работа Айвазовского. В связи с отъездом за границу эта работа была реквизирована. — ГАОО, ф. Р4930, оп. 1, ед. хр. 2, с. 146-150.

Работы, принадлежавшие ранее Одесскому художественному музею, согласно записям в инвентарных книгах ОХМ

1. "Парусник", 59х95, № 1094. — В 1949 г. передана в Николаев.
2. "Кофейня в Крыму", 90х126, № 1095. — В 1949 г. передана в Николаев.
3. "Вид Одессы ночью", 93х132, № 1096. — В 1949 г. передана в Николаев.
4. "Водопад" ("Прибой"), 39х33, № 179. — В 1953 г. передана в Николаев.

Информация в одесской прессе помогает восстановить утраченные сведения о коллекциях и коллекционерах. Не сохранились каталоги известных коллекций светлейшего князя С.М. Воронцова, графа М.Д. Толстого, А.В. Ганзена и многих других. Это попытка проследить происхождение и движение работ И.К. Айвазовского, прошедших через Одессу в ограниченном промежутке времени.

И.К. Айвазовский остается одним из самых востребованных художников на мировом художественном рынке. К сожалению, до настоящего времени нам не известен систематический каталог-резюме работ И.К. Айвазовского. Цель наших изысканий — исключение постоянных фальсификаций и спекуляций именем художника и его работ, часто сегодня возникающих.

Валентин МАКСИМЕНКО

Золотой голос, золотое сердце, или Фрагменты одной биографии

К 80-летию Галины Олейниченко

Речь пойдет о Галине Олейниченко, прославленной певице, отличном педагоге и "великой молчальнице". Она уклоняется от телеинтервью, встреч с пишущей братией. Обычно не рассказывает о своих достижениях, тем более — проблемах. Она не хочет говорить о себе. Это обидно, особенно потому, что девочка, родившаяся в Буденновке Раздельнянского района Одесской области, внесла значительный вклад в историю консерватории, города, страны.

Многое, связанное с ее именем, предполагает использование слова ВПЕРВЫЕ.

Так, Галина завоевала ПЕРВУЮ в истории одесской вокальной школы (когда, впрочем, еще не было такого понятия, как ни трудно сегодня в это поверить) ЗОЛОТУЮ медаль всесоюзного конкурса. Это случилось в 1956 году. Г. Олейниченко была единственной из 170 участников, удостоенной первой премии. Вторую получили шесть человек (в их числе Р. Сергиенко), третью — одиннадцать (среди них Б. Руденко и Г. Поливанова). Председатель жюри Валерия Барсова скажет об Олейниченко: "Бриллиант чистой воды"...

До этой победы высшим достижением воспитанников Одесской консерватории была вторая премия Ольги Благовидовой на конкурсе 1933 года. (Здесь позволю себе прозаическое отступление: Г.А. Поливанова рассказала, что у них с Олейниченко на конкурсе 1956 года была одна — одолженная к тому же! — пара туфель на двоих и... соседние номера выступлений! Это было непросто, но они справились с "технической" проблемой.)

Олейниченко приносит Одесской консерватории и ПЕРВУЮ ЗОЛОТУЮ медаль международного конкурса, став одной из победительниц соревнования вокалистов в рамках Всемирного фестиваля в Бухаресте.

Ей принадлежит высокая честь получения и ПЕРВОГО среди советских вокалистов гран-при международного конкурса. Это случилось в Тулузе в 1957 году. Олейниченко будто открыла дорогу для будущих побед в этом городе Л. Шириной, Т. Захарчук, Т. Мельниченко... (Сейчас часто говорят о несправедливом судействе на многих конкурсах, включая конкурсы имени Чайковского, Вишневской, Образцовой. Г. В. вспоминает, что в Тулузе участники пели за ширмой, члены жюри не знали имен выступавших. Пример, несомненно, достойный подражания.) Вот таковы золотые достижения певицы Олейниченко, голос которой сравнивали с серебряным колокольчиком, называли хрустально чистым, ставили в один ряд с дарованием всемирно известной Амелиты Галли-Курчи.

В августе 2007 года Г.В. Олейниченко после пятнадцатилетнего перерыва побывала в Одессе. Мне посчастливилось несколько раз встретиться с нею, беседовать о ее жизни в искусстве, о родных и близких. Как правило, на протяжении десятилетий в рассказе о себе она ограничивалась одной-двумя фразами с добавлением непременного "ну и тра-та-та". Это "тра-та-та" означало, что больше она ничего говорить не станет, тема исчерпана. А тут — неожиданно — в нашей беседе прозвучали многие почти никому неизвестные сведения. Поэтому хочется зафиксировать фрагменты ее биографии, о которых узнал впервые.

В 1936 году сотрудники школы П.С. Столярского искали таланты в селах области. Сестру Гали Надежду отобрали, и она поступила в класс арфы, поселившись в интернате. На каникулы Надя приезжала домой и рассказывала Гале о музыке, о школе, об арфе. У младшей сестры под влиянием старшей (это мы узнаем впервые) появилось желание приобщиться к миру искусства, и в 1940 году она тоже поступает в класс арфы.

Мать Ксения Матвеевна принимает решение переехать в Одессу, чтобы объединить семью. Здесь надо было "поднимать" четверых детей, где-то жить. Она начинает работать дворником, благо дворникам полагалось жилье. Единственное так называемое удобство в их скромной квартире на Малой Арнаутской, вспоминает Галина Васильевна, это "кран с холодной водой". Жили бедно, но честно и достойно. Мать обеспечивала пропитание, порядок и чистоту. Кровать застилали марлевым покрывалом, неизменно накрахмаленным и тщательно выглаженным...

Пришла война. Галя занималась в музыкальном лицее. Посещала театр по контрамаркам, которые выделялись для лицеистов. Ее первой оперой стал "Евгений Онегин". Она часто и с большим удовольствием посещала балетные спектакли, неосознанно проходя на них школу сценического

движения, умения носить костюм, пользоваться аксессуарами (и это мы узнаем впервые, впрочем, в дальнейшем подобное оговариваться не будет).

Особое внимание Гали привлекала прима-балерина тех лет Екатерина Русинова, которая до наших дней не знала о такой почитательнице своего таланта. Когда я рассказал Екатерине Александровне об этом, она была приятно удивлена и призналась, что позднее сама стала... почитательницей Галины Олейниченко. Но это случится почти десятилетие спустя — после оперного дебюта певицы. А тогда тихая поклонница балерины Русиновой занималась в классе арфы, но вскоре девушкой овладела мечта стать певицей. Это случилось на спектакле "Травиата", в котором принимала участие гастролер из Клужа Анна Хубик. Девочка подумала: "Спеть Виолетту один раз — и уже можно умирать".

Жилось в оккупации несладко. Только два примера.

...Русские, украинцы могли сидеть лишь на галерее, партер и престижные ложи — для румын, немцев.

...Мать с трудом собрала деньги и купила Гале пару приличных носков. В лицей девочка ходила пешком. Как-то ее остановили двое полицейских и повели в подворотню. Сердце сжималось от страха — чем это может кончиться? Они приказали ей... снять носки. Забрали их и отпустили. Ребенок долго не мог прийти в себя от пережитого страха. Помнит об этом народная артистка, профессор Российской академии музыки имени Гнесиных по сей день.

Но вернемся в Одессу сороковых годов. Галя продолжала осваивать арфу. Однажды, набравшись смелости, она пришла в музыкальное училище. Ее прослушал легендарный одесский певец (его называли "южным Собиновым"), в то время уже авторитетный педагог вокала Виктор Алексеевич Селявин. Он, к слову, был вторым из всего лишь четырех заведующих кафедрой сольного пения консерватории за все девять с половиной десятилетий ее существования (основала кафедру Юлия Рейдер, которая умерла в годы войны, а сменила Селявина на три десятилетия Ольга Благовидова, Благовидову же — Галина Поливанова, возглавляющая кафедру поныне). В военные годы В. А. работал и в театре, и в консерватории, и в училище. Он одобрил намерение Гали учиться пению и посоветовал отсутствовавшей на прослушивании певице и педагогу Н.А. Урбан взять девочку в свой класс, что та и сделала, не подозревая, что этим обеспечит себе имя в истории вокального искусства.

Наталья Аркадьевна была не только хорошим педагогом, но и интеллигентным человеком, оказавшим существенное влияние на формирова-

ние Галины как певицы и ее личности. Она верила в ее будущее, смогла переубедить даже саму О.Н. Благовидову, не сразу поверившую в талант Олейниченко. Занятия вокалом девушка еще некоторое время совмещала с постижением игры на арфе. Она с глубоким уважением вспоминает чешку Жанну Иосифовну Перман, в то время уже очень немолодую, которая давала уроки у себя дома.

"Она очень любила нас, заботилась. Понимала, что мы никогда не сможем приобрести столь дорогостоящий инструмент. Говорила, что со временем передаст нам свой. Она скоропостижно скончалась от бытового заражения крови. Я тогда лежала в больнице с тифом... Когда мы пришли в ее квартиру, там уже не было ни арфы, ни рояля... Класс Перман перешел к ее ученице. Та однажды сказала мне: "Вы никогда не сможете купить арфу. Послушайтесь доброго совета — и сосредоточьтесь на вокале. Вы не пожалеете об этом и будете вспоминать меня добрым словом". Так и случилось". Позднее Галина Олейниченко, ставшая известной певицей, гастролировавшей во многих странах, хотела купить арфу для Нади, но не сумела это сделать: 90% гонораров забирали чиновники...

...Галя приходила на уроки к Н. А. с чувством неловкости: во время болезни пришлось состричь косы, а отсутствие волос прикрывалось скромной косыночкой. Полгода Н. А. занималась только развитием дыхания ученицы, которой, конечно, это было не совсем понятно и просто скучно, — ей очень хотелось петь. Но девушка была послушной и прилежной... Это у нее на всю жизнь.

Навсегда запомнила первую спетую арию — Барбарины из "Свадьбы Фигаро" Моцарта (позднее она исполнит партию этой героини в консерваторском спектакле, где Графиню Альмавива пела Р. Сергиенко), своего концертмейстера Каролину Самойловну Соскину, экзамены... Занятия в училище совмещала с занятиями в школе. Окончить школу не смогла: помешала двойка по математике. Сосредоточилась на учебе в училище, где не было этой неприятной науки.

На первом экзамене Селявин предложил "перепрыгнуть" через курс. Педагог и ученица отказались. Но после окончания училища в 1949 году Галю сразу приняли на второй курс в консерваторский класс ее же педагога.

До этого Олейниченко приняла участие в киевском смотре выпускников училищ. Она произвела хорошее впечатление. Ей предложили поступать в московскую консерваторию. Отказалась. На Галину обратила внимание и знаменитая М.Э. Донец-Тессейр, в свое время известная певица, а тогда профессор Киевской консерватории (среди ее воспитанниц

И. Масленникова, Е. Мирошниченко, Н. Куделя и др.). Мария Эдуардовна предложила Галине поступать к ней. И снова отказ Олейниченко, преданной своему преподавателю. Киевскому педагогу очень понравилась исполненная Галей ария Кеникей из оперы Степанова "Манас", созданной по мотивам киргизского эпоса. Олейниченко собственноручно переписала ноты и подарила их Марии Эдуардовне.

Галя, вернувшись в Одессу, продолжала настойчиво овладевать искусством пения. Когда она была на четвертом курсе, к нам прибыл "десант" из Большого театра — знаменитый дирижер Н. Голованов, концертмейстер Ю. Реентович, уже упоминавшаяся певица И. Масленникова. В память о великой А.В. Неждановой на одесской сцене давали оперу Россини "Севильский цирюльник". Дирижировал одессит Н. Покровский, супруг Неждановой Голованов присутствовал в зале. В спектакле участвовали гастролер Масленникова, одесситы Николай Дидученко, Никита Дорош... Несколько лет тому назад мне подарили фотографию участников этого исторического для нашего города спектакля, которую я воспроизвел в книге о двухвековой деятельности Одесского театра оперы и балета.

Гости из Москвы прослушали Галю, предложили поехать в столицу, чтобы стажироваться при Большом театре. Отказалась. Но она согласилась поступить в Одесскую оперу и петь сольные партии, получая ставку... хористки. Это давало возможность продолжать работу с Натальей Аркадьевной. Так пройдут полгода. Олейниченко дебютирует в опере Кабалевского "Семья Тараса", исполнив партию дочери главного героя комсомолки Насти. Ее сразу заметят меломаны, будут встречать аплодисментами, появятся первые поклонники и в театре, и за его пределами.

Она обратит на себя внимание коллег не показной скромностью, душевностью. Об этом мне рассказала Екатерина Александровна, к сожалению, не сумевшая встретиться с Галиной Васильевной: у нее не работал телефон, и она даже не узнала о приезде Олейниченко в наш город...

А тогда, более полувека назад, Наталья Аркадьевна подготовила молодую певицу к участию в конкурсе вокалистов в Бухаресте. Успешно выступив на нем, Олейниченко возвращалась из Бухареста с золотой медалью. На вокзале ее встречал директор театра К.Ф. Алексеев. Он поздравил Галю и сообщил, что она переведена на высшую ставку солистки оперы.

...Однажды, когда репетировали "Риголетто", в зал вошла известная певица Мария Павловна Егорова. Как вспоминает Е.А. Русинова, "Мара сразу сказала, что эта девочка всех заткнет за пояс, что ее ожидает мировое признание".

Ставил оперу Верди молодой режиссер из Москвы Владимир Горикер, для которого это был дипломный спектакль. У него сложились два состава исполнителей. Предполагалось, что Галя будет петь Джильду во втором. В первом эту партию должна была петь многоопытная певица З.И. Садовская, которая, к тому же, была женой директора театра. Маститые почти не репетировали: "Они "все знали", так как пели эту оперу по 50-100 раз, и не только в Одессе". Это вспоминает Владимир Михайлович в письме, которое он адресовал мне в августе 2007 года.

Были две генеральные репетиции — для каждого состава. Первая прошла хорошо, но на второй разразился шквал оваций. "Чистая, нежная, юная, как и положено героине, Галя с голосом ангела покорила зал. Я обратился к директору и сказал, что этот состав должен петь премьеру. Он стал багровым. Когда Константин Федорович сердился, то краснел, а его лицо, покрытое оспинками, не менявшими цвета, превращалось в решето. Он сказал, что я гость в театре, не знаю традиций, что предлагаемое мною неприемлемо.

Это каким-то образом стало известно дирижеру, и тот в следующем акте начал останавливать Олейниченко, говорил, что ее не слышно, что она должна выйти на авансцену... Необыкновенно скромная и застенчивая, прямо скажем, "не борец", особенно тогда, она все же пыталась объяснить дирижеру, что выполнение его требований разрушит мизансцены, сорвет замысел постановщика... Он стоял на своем, кричал...

Директор понимал, что дирижер оказывает ему и театру медвежью услугу, он был вне себя. Но на мои попытки изменить свое решение снова отвечал, что второй состав не может петь премьеру... И тогда я сказал: "Завтра на премьере будет присутствовать комиссия из Москвы. Неужели Вы не хотите, чтобы у нее сложилось положительное впечатление о театре и Вашей работе?"

К. Ф. сдался. Однако тут снова вступил дирижер, который демонстративно отказался дирижировать. Он предложил это делать мне, раз я "такой специалист". Главный дирижер театра Н.Д. Покровский согласился за один день подготовиться к дирижированию премьерой. Ее пришлось перенести на день.

Премьера прошла в переполненном зале, а площадь перед театром была заполнена людьми, не сумевшими попасть в театр".

Об этом эпизоде еще в начале 80-х годов рассказывал сам Н. Д. Он подарил мне фотографию премьерной афиши "Риголетто", обратив внимание на то, что фамилии его и исполнительницы партии Джильды располо-

жены косовато: их наклеивали поверх ранее напечатанных фамилий прежнего дирижера и певицы З.И. Садовской. Н. Д. также говорил о том, что хор и оркестр, другие артисты, даже кто-то из городского начальства откровенно высказывались за второй состав.

Мне особенно приятно, что на вопрос, как пела Садовская, Олейниченко ответила уже в 2007 году: "Очень хорошо". Это благородно. Причина же конфликта в том, что З. И. была на десятилетия старше и героини, и Гали... Гали, которая отныне станет любимицей Одессы (и не только), и которую по сей день называют у нас не иначе как Галочкой. Она даже была героиней фольклора.

Например:

Говорят не без причины:
Голос звонок у Галины.
Хоть таи, хоть не таи,
Но в тревоге соловьи.

...Оба состава исполнителей в "Риголетто" пользовались большим успехом, но второй — просто уникальным: меломаны поняли, что на их глазах рождается оперная звезда.

К. Ф., пережив трения с супругой, которая не могла простить ему бенефисную премьеру юной (невольной) соперницы, даже пригласил молодого режиссера в театр, где ему была поручена постановка "Садко". Волхову репетировала Галочка. Тот январь (1954 года) был очень холодным и снежным. Перед одной из репетиций "Садко" Галина и Владимир расписались в ЗАГСе, что рядом с театром (в этом помещении до революции помещалась редакция "Одесского листка", а называется оно "домом Навроцкого"). Г. В. до сих пор помнит, что температура в тот день была -35 градусов.

Первым в театре их поздравил известный административный работник Макс Петрович Линский. Директор же негодовал. Как станет позднее известно, в обкоме ему поручили всячески препятствовать браку восходящей молодой украинской "звезды" с "инородцем", чтобы "сохранить в чистоте" ее биографию. Это ведь были годы "борьбы с космополитизмом"...

Новый спектакль был тоже удачным. И режиссерски, и вокально. Особенно хороша была Олейниченко. Как ее любили одесситы! Однажды,

когда она вошла в зал, уже после того как погасили свет, раздались аплодисменты и крики: "Браво, Олейниченко!". Она вжалась в кресло, мучаясь мыслью о том, что по внутренней трансляции это может услышать Зинаида Ивановна, которая в тот вечер пела Джильду: Галина не хотела травмировать ее.

Олейниченко предложили гастрольную поездку в Англию и во Францию. Садовская сказала ей: "Если бы Вы знали, как я Вам завидую".

Премьеру "Травиаты" пела Садовская: Олейниченко уезжала на конкурс. После возвращения с победой она вышла на сцену в роли любимой Виолетты. По сути, это была новая премьера. Садовская пришла поздравить молодую певицу. Это ей делает честь, а точнее — обеим: Галочка смогла достойно вести себя и победить силой искусства.

Большое впечатление на Олейниченко произвело искусство Милицы Корьюс, сыгравшей Карлу Доннер в "Большом вальсе", фильме, который Галина увидела в Одессе.

Вскоре, по обычаям того времени, Олейниченко забирают в Киев. В Одессе она проработала три года, в Киеве — два. За время работы в столице Украины спела ряд новых для себя партий. Все они были подготовлены под руководством Натальи Аркадьевны, к которой Олейниченко специально приезжала в Одессу. Это Розина, Оскар, Антонида и др. Об этом с благодарностью вспоминает Г. В.

В 1957 году, еще до победы в Тулузе, ее приглашают в Большой театр. Но директор Киевской оперы, человек с поддержкой в ЦК, категорически против. Он добивается того, чтобы Олейниченко-"изменница" не могла оформить документы в Большом театре на протяжении нескольких месяцев. Не останавливается даже перед тем, чтобы обвинить певицу в... похищении клавира "Лоэнгрина"... Пришлось купить другой (это с большим трудом смогла сделать почитательница Галочки Генриетта Певзнер) и "вернуть" его.

К слову, с "Лоэнгрином" связан один любопытный эпизод: Иван Семенович Козловский хотел спеть с Олейниченко дуэт Эльзы и Лоэнгрина (по воспоминанию С. Рихтера, его отец, органист одесской оперы и педагог консерватории, считал эту музыку высочайшим проявлением человеческого гения). К сожалению, проект И. С. не был реализован, но показателен сам факт обращения великого певца к начинающей певице...

Когда Галина поступала в Большой театр, одна из маститых певиц сказала: "Наш театр режимный, а она была в оккупации...". (Мне хочется добавить: "И принесла много вреда своей стране".) Олейниченко удалось

преодолеть строжайший контроль "бдящих", это тоже победа таланта. Человек благодарный, справедливый, Г. В. говорит: "Спустя десятилетия эта певица, а тогда уже педагог, подписала мне отзыв, необходимый для присвоения звания профессора. Наши отношения всегда оставались ровными". Добавлю, что не только с нею: золотое сердце Олейниченко проявлялось в том, что она никогда и никому не приносила зла, хотя самой ей пришлось испытать немало огорчений и даже горя... (Любопытно, что называть имя певицы она не стала и была удивлена, когда я сразу произнес его.)

...В годы работы в Большом театре Г. В. посчастливится петь Виолетту вместе с прославленным корифеем отечественной оперы Сергеем Яковлевичем Лемешевым. В 2007 году она говорила мне: "Это незабываемо. Он был светел и трепетен. Я и сейчас, десятилетия спустя, вижу его взволнованные глаза — на чувство такого героя нельзя было бы не ответить. Не говорю уже о дивной красоте тембра его голоса, человеческой красоте и привлекательности... Мне довелось тридцать лет назад петь на панихиде по великому певцу, незабываемому Артисту".

И еще один эпизод, связанный с "Травиатой". Уже после всех своих побед на конкурсах вокалистов Олейниченко, в частности, гастролировала в Румынии. В Клуже к ней за кулисы пришла со словами признания и благодарности... Анна Хубик, та, которая пробудила в душе девушки страсть к Виолетте! Плакали обе певицы. Но это были слезы радости.

...Ей посчастливилось петь с П. Лисицианом, Б. Гмырей, Г. Отсом, Н. Савченко, В. Норейкой, Т. Куузиком, И. Петровым, Ал. Ивановым, А. Эйзеном, Е. Нестеренко, В. Атлантовым, Н. Гяуровым, Н. Херлей и другими выдающимися певцами.

Ее слышали в Австрии, Италии, Голландии, Германии, Венгрии, Бельгии, Нидерландах, Польше, Болгарии, Греции, Чехословакии, Югославии, Албании, Монголии, Китае... Ей посчастливится узнать международное признание.

Ее назовут "звездой" в Англии, отметив: "Удивительно послушный голос чист, прозрачен, гибок".

В Китае напишут: "Ее голос напоминает непрерывно звенящий ручеек или звуки скрипки, на которой играет большой мастер... Он звучит очень легко, естественно, без всяких усилий".

В Греции: "Олейниченко обладает феноменальным голосом. Она поет в строгом стиле, с большим чувством, обладает безграничной музыкальностью, мягкостью. Голос чист, восхитителен".

В Польше: "Выдающееся мастерство и вокальные качества, осмыслен-

ная до мельчайших деталей актерская игра и прекрасная сценическая внешность".

Таковы лишь некоторые отзывы из десятков аналогичных.

За три десятилетия сценической деятельности певица исполнит около тридцати партий в отечественной и зарубежной классике, в современных операх. Даст сотни сольных концертов, концертов с Ансамблем скрипачей Большого театра, а также Ансамблем скрипачей Сибири...

Она никогда не афишировала, например, что ей прислал ноты своего романса с теплой дарственной надписью выдающийся украинский композитор Кос-Анатольский, которому очень нравился ее голос. Я узнал об этом случайно. Она не рассказывает, например, о знакомстве с великой Марией Каллас, о расположении, которым дарит ее другая великая певица — Зара Долуханова.

А сколько информации навсегда останется только с нею — об этом можно лишь гадать и сожалеть, что ничего нельзя изменить: скромность Г. В. без преувеличения поразительна. Не могу не привести один пример. В Большом театре ей предложили трехкомнатную квартиру. Она отказалась, ограничившись двухкомнатной. Мне рассказал об этом директор Музея Большого театра В.И. Зарубин. Я поинтересовался у него, известны ли другие аналогичные ситуации в театре. Он сказал: "Конечно, нет. Это единственный случай, уникальный... Но ведь и Олейниченко у нас ОДНА!".

Не удержался и спросил у Г. В. в нынешний приезд, верно ли это. Она скромно ответила: "Да". Без тени сожаления. А ведь сейчас в ее квартире живут... шесть человек. Это родственники, работающие или обучающиеся в Москве... Не мог не рассказать об этом. Мне кажется, что все это значимо для понимания феномена Галины Олейниченко. Точнее — приближения к пониманию его. Свет личности певицы отражается на ее жизни в искусстве.

...Г. В. была поразительно предана Большому театру. Она отменяла гастроли, если возникала необходимость заменить в рядовом спектакле заболевшую исполнительницу. А вот совсем, вроде бы, мелочь. Г. В. очень любит мороженое, но в течение сезона никогда не позволяла себе полакомиться им: вдруг сядет голос, а в театре возникнет необходимость замены коллеги. Улыбаясь, она говорит: "В последний день сезона всегда покупала себе в кафе на улице Горького (теперь она вновь Тверская) полкилограмма любимого лакомства, жадно съедала его и, что удивительно, ни разу это не отразилось на звучании голоса".

В день спектакля она приезжала в театр за три часа до начала. Грими-

ровалась, одевалась, распевалась. Любила слушать звуки молотков, которыми пользовались рабочие сцены. Прислушивалась к звукам оркестрантов, настраивавших свои инструменты. В этом была особая радость — радость предвкушения спектакля.

Она много выступала за рубежом, в разных театрах страны, но наибольшую радость приносили ей спектакли в Большом театре и в... Одессе.

Олейниченко часто гастролировала в нашем городе — пела и в спектаклях, и в концертах. Ее всегда трогательно любили (и любят) здесь. Случилось так, что Олейниченко было присвоено звание заслуженной, а затем и народной артистки республики, а вот со званием народной страны как-то не получалось. По инициативе ее одесских почитателей начался обор подписей под ходатайством о присвоении певице высшего звания. Артисты охотно ставили свои подписи. Делали это в режиссерском управлении, которым, по случайному стечению обстоятельств, руководила тогда... Е.А. Русинова. Далее ее рассказ августа 2007 года: "Все было хорошо до тех пор, пока одна из певиц не отказалась поставить свою подпись. Более того, она обратилась к другой коллеге, по совместительству парторгу театра, и та приказала "прекратить это безобразие". Таковы были нравы, одно из уродств социализма: выражать свое отношение публично нельзя было. Имен певиц не называю, тем более что обеих уже нет на свете...

Лето 2007 года. Г. В. попросила показать ей реставрируемый театр. Директор дал разрешение. Мы ходили по фойе, коридорам, залу, гримуборным. Когда открыли дверь в ту комнату, где Г. В. обычно гримировалась, она выдохнула: "Ох...". Испугавшись, поддержал ее за руку, неожиданно оказавшуюся холодной. И это-то в тридцатиградусную жару...

Мы ходили и вокруг театра по восстанавливаемой площади. Моя дочь Наташа фотографировала Г. В., которая просила, чтобы "непременно виден был театр". Сегодня у нас десятки раритетных фотографий — Г. В. на фоне и внутри здания. Она попросила меня поблагодарить администратора Олега Леонидовича, который сопровождал нас, что я с удовольствием делаю. У театра я начал небольшую экскурсию по его окрестностям (музеи, Дума, Пушкин, Дюк, памятник Глушко, реставрируемся Екатерининская площадь, бульвар, Воронцовский дворец, Колоннада, Тещин мост...).

Г. В. умилил недавно возникший обычай молодых оставлять замочки на решетке моста. Они могут вернуться и открыть своим ключом собственный замочек. "Как хорошо, что этому никто не препятствуют, не сбивают эти трогательные знаки любви, дружбы", — сказала Г. В. Она с удо-

вольствием фотографировалась на фоне знаменитой Колоннады, когда-то подаренной городу Каролиной Собаньской, на фоне платана на Приморском бульваре, на Дерибасовской...

На другой день я сопровождал Олейниченко на концерт солистов оперы, который проходил в помещении филармонии. Г. В. была замечена артистами у лестницы до начала концерта. К ней подходили, говорили добрые слова. За кулисами быстро узнали, что "в зале Олейниченко". Исполнители волновались и очень старались. Г. В. была довольна концертом, сказала, что "в театре у вас прекрасная труппа", что он может успешно работать. Порадовалась успехам коллег по консерватории — теперь уже педагогов. Особо выделила учениц профессора А.В. Джамагорцян. Она была поражена вниманием слушателей: десятки почитателей таланта певицы подходили к ней в антракте со словами благодарности. "А я думала, что меня уже забыли... Я ведь дебютировала здесь 55(!) лет назад и, наверное, почти четверть века тому пела в Одессе в последний раз".

Г. В. слушала внимательно, и явно волнуясь. Мне удалось незаметно (так мне казалось, во всяком случае) записать некоторые ее впечатления, высказанные вслух... О Юлии Панченко, исполнявшей арию Эльвиры из "Пуритан": "Молодец. Просто замечательно". О В.В. Навротском, который пел арию Алеко с дирижером А. Юркевичем: "Прекрасное единение, сердце заходится"... О Н. Ютеш, спевшей болеро Елены из "Сицилийской вечерни": "Ярко, очень хорошо"... О Е. Стародубцевой, исполнившей арию Принцессы Бульонской из "Адриенны Лекуврер": "Какой прекрасный, редкой красоты и наполненности голос! Мне кажется, что она могла бы стать украшением любой труппы"... Об И. Берлизовой, спевшей каватину Розины: "Театр может гордиться такой певицей"... Об А. Бойко (куплеты Мефистофеля): "И голос отличный, и замечательная дикция"... О Н. Жарких (ария Леоноры из "Трубадура"): "Красивый, звонкий голос. Поет ровно. Хорошая школа"... О В. Тарасове (куплеты Эскамильо): "Поразительное владение голосом. В звуке слышится душа. Браво!"... Об И. Мартыновой (ария Аиды): "Необыкновенная музыкальность. Прекрасная школа. Великолепно". О Л. Зуенко (сцена Лючии): "Блестящая певица. Каденция спета потрясающе!". Об А. Капустине (стретта Манрико): "Поразительное мастерство, редкая сила хорошо организованного звука"... (К сожалению, я успел записать не все впечатления Г. В. Закончу ее общей оценкой: "Хорошие голоса, хорошая школа. Рада за нашу консерваторию, за наш театр. Этот концерт для меня праздник души. Я даже не ожидала ничего подобного".)

После окончания концерта ее не отпускали почти полчаса. Снова благодарные зрители, узнавшие у тех, кто подходил в антракте, что она здесь. Артисты театра, интересовавшиеся ее впечатлениями, замечаниями. Она каждому сказала добрые слова, которые — уверен — будут согревать их на многотрудном пути в искусстве. Снова фотографии, которые получились хорошими, несмотря на темноту — такова благословенная современная техника.

Галину Васильевну отвозил в дом почитательницы ее таланта Г.А. Певзнер, у которой Олейниченко остановилась, ученик Генриэтты Абрамовны по школе им. Столярского, внук композитора Ю. Знатокова, дирижер Игорь Знатоков. В этом же доме состоялся небольшой прием для "узкого круга" друзей. Некоторые вещи Г. В. рассказала мне там, некоторые на концерте, некоторые — во время экскурсии. Как она проста, естественна в общении! Светлый человек. Ее успех как певицы, по-моему, обусловлен и талантом, и золотым сердцем, которое может ошибаться, но органически не способно лгать. Говорят о "свете таланта". Эти слова по праву применимы к ней.

...Случилось так, что через четверть века жизнь развела Галину Васильевну с Владимиром Михайловичем. Почти три с половиной десятилетия она остается для него человеком, к которому можно обратиться, когда плохо. Он благодарен судьбе за встречу с Г. В. И сегодня в письме ко мне пишет: "Божественно музыкальная... чистая... наивная... мировая звезда, рожденная для искусства в Одессе".

Мне хочется еще сказать о том, с какой благодарностью вспоминает Г. В. своих концертмейстеров. Это Белла Энтина (в Одессе), Наум Вальтер, Ольга Томина (в Москве). Наверное, не всех называвшихся ею музыкантов я запомнил...

Она удивительно самокритична. Не знаю, есть ли человек, который слышал от нее слова просто удовлетворенности собой — спектаклем ли, концертом... Искренне не понимает значения своего вклада в вокальное искусство, значения своей роли в истории оперы, камерного исполнительства.

Я не рассказал еще о многом. Например, об ученицах, среди которых есть и лауреаты международных конкурсов и даже обладатели гран-при, заслуженные и народные артистки, солисты многих театров, включая Большой. О прекрасных записях, сохранивших звучание дивного голоса, о замечательном буклете с поразительными фотографиями, в которых отразилась и история музыкальной Одессы и которые мне хочется поместить в новую книгу о нашем Театре, чтобы как можно больше людей увидело их...

Человек благодарный, она тепло говорит о Валентине Николаевне Левко, привлекшей ее к педагогической работе в "Гнесинке", о своих коллегах по кафедре, об ученицах...

Предвижу вопрос многих: как выглядит Олейниченко в солидном возрасте? Честно скажу: замечательно (иначе обошел бы этот вопрос). Как говорится, "минус двадцать". Такое судьба дарует немногим счастливцам. Например, Сергею Лемешеву, Татьяне Шмыге... Наверное, за то, что не делали людям дурного, несли радость... Когда мы прощались, она с молчаливым недоверием слушала мои слова благодарности. И я рискнул прямо спросить: "Вы ведь никому не делали зла, правда?". "Да. Никогда", — без тени пафоса, но уверенно согласилась Галина Васильевна. Это уже было "победой" над нашей дорогой "великой молчальницей" и на редкость деликатным человеком.

...Дорога на железнодорожный вокзал. Игорь включает запись третьего акта "Тоски". Поют Мария Каллас и Джузеппе ди Стефано. Г. В. так взволнована, что просит остановить машину, чтобы прийти в себя. "Начала с потрясения "Травиатой", а теперь моя самая любимая опера — "Тоска", — говорит она без патетики.

На вокзале Г. В. приветлива, внимательна, но чувствуешь, что она вся еще под впечатлением пуччиниевской музыки. Прощаемся с надеждой на встречу.

"Мне казалось, что все в прошлом, что я забыта. А одесситы помогли поверить, что жизнь моя прожита не зря, что певица Олейниченко оставила след в душах людей. Как я признательна им за это!"

Одессу Галина Васильевна давно уже назвала "городом своей судьбы". Театр наш — "самым дорогим местом на земле".

Елена ГОЛЕНИЩЕВА

Последние строчки

Памяти матери моей посвящаю

Несказанно прекрасными вечерами, когда хочется плакать от красоты закатных переливов, мама тихо произносила:

Несется благовест... Как грустно и уныло
На стороне чужой звучат колокола.
Опять припомнился мне край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце налегла.

Никаких колоколов я не слышала, не знала, что такое благовест, но еще ребенком полюбила эти строки.

— А дальше? Мама, что дальше? — допытывалась я. Мама как-то растерянно улыбалась и виновато отвечала: "Не помню. Забыла последние строчки". Шли годы. А я все не могла отыскать автора полюбившихся с детства строк. Не знали и мои друзья-филологи. Искала у Фета, Майкова, Полонского — все напрасно.

Ушла из жизни мама. Не с кем стало созерцать красоту гаснущего дня, и сами собой забылись строчки.

И вдруг в очередную годовщину смерти мамы я получаю ответ на мучивший меня 60 лет вопрос. На заседании секции книголюбов в Доме ученых ко мне в руки попадает благодаря любезности владельца книги прелестная детская книжечка стихов, и там нахожу забытые мамой строчки. Вот они:

Я вижу север мой с его равниной снежной,
И словно слышится мне нашего села
Знакомый благовест... и ласково, и нежно
С далекой родины гудят колокола.

Штутгарт. 20 окт. 1887 г.

Автор — великий князь Константин Константинович Романов, известный в литературе под псевдонимом К. Р.

Его имя так долго было в безвестности, что я почла своим долгом в меру своих скромных возможностей напомнить читателям об этой неординарной личности.

Родился внук Николая I, сын великого князя Константина Николаевича, великий князь Константин Константинович Романов 10 августа 1858 г. в селе Стрельна под Санкт-Петербургом. Это стрельнинский бла-

говест запал в душу юного князя и звучал для него в Штутгарте, хотя Германия и не была для него холодной чужбиной.

Мать Константина была дочерью герцога Саксен-Альтенбургского. После крещения приняла имя Александра Иосифовна. По свидетельству современников, "была изумительно красива и похожа на портреты Марии Стюарт". Детей в семье не баловали. С 12-ти лет маленький Константин вместе с воспитанниками морского корпуса совершает учебные плавания. Его отец великий князь Константин Николаевич был управляющим российским флотом и морским ведомством. Будущее сына он связывал с морем.

Девятнадцатилетний мичман Романов заслужил свой Георгиевский крест IV степени в бою под Силистрией, на Дунае. В ночь на 3 октября 1877 г. молодой офицер запустил брандер* на турецкий пароход. Мичман был на войне до самого ее окончания, а затем последовали годы непрерывных морских походов. Вот тогда-то он и повидал мир.

В 1882 году штабс-капитан Романов был переведен в гвардейскую пехоту и начал служить сначала в Измайловском, а затем в Преображенском полку. В 1897 г. он уже командир полка в чине генерал-майора. В 1900 г. новая должность — генерал-адъютант, генерал от инфантерии — назначается Главным начальником, а затем генерал-инспектором военно-учебных заведений. В этой должности великий князь Константин Константинович пребывал до самой кончины.

Биографии великого князя хватило бы, по меньшей мере, на трех человек. С юных лет князь пишет стихи. Но лишь в 1882 г. он решился опубликовать стихотворение "Псалмопевец Давид" в журнале "Вестник Европы", подписавшись скромно криптонимом К. Р., и тем вошел в русскую литературу. Скромность была отличительной чертой князя. 10 августа 1888 г. он пишет в дневнике: "Сам я себя считаю даровитым и многого жду от себя, но кажется, это только самолюбие, и я сойду в могилу заурядным стихотворцем. Ради своего рождения и положения я пользуюсь известностью, вниманием, даже расположением к моей Музе..."

А вот запись 15 ноября того же года: "...я не могу счесть себя за хорошего начальника: недостает строгости, твердости, даже, может быть, беспристрастия... Что же, наконец, есть во мне хорошего? Я талантливый поэт? Но и с этой стороны прорех немало: не хватает мне глубины мысли,

* Брандер — небольшое судно, начиненное взрывчаткой, запускалось к вражескому судну. Нужно было подвести брандер вплотную к неприятелю, по возможности сцепить оба судна и только после этого покинуть брандер. На брандер, как правило, назначали только добровольцев.

воображения, силы. Иногда просто руки опускаются, как вдумаешься в свою несостоятельность...".

Ни тени амбициозности, скромность интеллигентного человека, а ведь его императорское высочество! 70 стихотворений К. Р. положены на музыку. Среди композиторов: Чайковский, Рахманинов, Глиэр, Глазунов, Гречанинов, Танеев, Кюи. Народную мистерию "Царь Иудейский" сопровождала музыка А.К. Глазунова. Долгую жизнь прожили романсы "Серенада", "Повеяло черемухой", "Баркарола", "Сирень", "Мне снилось", "Колокола", "Растворил я окно". Стало народной песней стихотворение "Умер" (Умер бедняга! В больнице военной...").

Надо сказать, что К. Р. прожил талантливо и свою семейную жизнь. В 1887 г. он женился на принцессе Саксен-Альтенбургской, получившей имя великая княгиня Елизавета Маврикиевна. В этом браке было рождено девять детей: шесть сыновей и три дочери. Все начиналось замечательно, когда 19-летняя принцесса шла под венец с 25-летним великим князем. Не знала, не ведала Елизавета, какая страшная участь ожидает ее сыновей. Ей придется пережить гибель четырех из шести. Господь пощадит Константина Романова, он уйдет из жизни в 1915 году, похоронив любимого сына Олега, погибшего в первую мировую войну. К. Р. не узнает, что трое его мальчиков будут сброшены живьем в шахту близ Алапаевска в 1918 году. А Елизавета будет жить и казниться материнской мукой до 1927 г., пока не обретет покой в фамильной усыпальнице в Альтенбурге близ Лейпцига.

Ну, а пока все хорошо. В семье царят мир и благополучие. Ее статный красавец супруг оказался вовсе не солдафоном, несмотря на военную выправку. Он прекрасный музыкант, тонко чувствует поэзию и вообще изящные искусства, одним словом — человек многих достоинств. И Родину любит превыше всего.

Я за границей... Здесь со мной
Любезны, ласковы, радушны, —
И все же хочется домой;
Не по нутру мне запад душный.

Альтенбург, 15 октября 1887 г.

К. Р. преклонялся перед Пушкиным, Лермонтовым, Жуковским, Майковым, Голенищевым-Кутузовым. Боготворил Фета, чтил Полонского.

Перу К. Р. принадлежат прекрасные переводы "Ифигении в Тавриде" Гете, "Мессианской невесты" Шиллера, "Гамлета" Шекспира с ценнейшими научными комментариями. А перевод "Гамлета" А. Блок считал одним из лучших.

В 1899 г. П.И. Чайковский в одном из писем посоветовал августейшему поэту изложить стихами историю Страстей Господних. К. Р. был глубоко верующим человеком. Именно его считают зачинателем религиозного Ренессанса в России. К евангельским мотивам обратятся Мережковский, Бердяев, Булгаков, Вячеслав Иванов, поэты Серебряного века.

Мистерия "Царь Иудейский" была написана вдохновенно. Первое издание ее — 10 тысяч экземпляров — разошлось за две недели. Драма прошла театральную цензуру, а духовная цензура запретила ее постановку. И все же "Царь Иудейский" увидел огни рампы в Петербурге в Эрмитажном придворном театре (см. ж. "Нива" № 7, 1914).

Высокородный автор сыграл в драме роль Иосифа Аримафейского, а также другие роли. Вместе с отцом играли сыновья: Иоанн, Константин, Игорь.

А теперь следует упомянуть о еще одной, едва ли не главной ипостаси К. Р. В 1889 г. он был избран на пост президента Академии наук и сохранил его до самой смерти в 1915 г. Формат этой статьи не позволяет перечислить все то значимое и ценное, что совершил К. Р. на этом посту. Он создал Высшие женские курсы, оборудованные по последнему слову педагогической науки. После 1917 года эти курсы стали первым педагогическим институтом, на выпускном акте которого в 1922 г. "тогдашний декан физиолог Тур не побоялся пригласить присутствующих почтить память августейшего основателя института", — пишет Э. Матонина.

По инициативе К. Р. на общем собрании АН было принято предложение избрать членом-корреспондентом академии в разряд математических наук доктора математических наук Стокгольмского университета С. Ковалевскую. Организовал комиссию помощи нуждающимся литераторам, ученым, музыкантам.

В 1899 г. возглавил Пушкинский юбилейный комитет. Была учреждена высшая литературная премия России — Пушкинская. По сути, К. Р. создал Пушкинский дом. 8 января 1900 г. состоялись первые выборы "пушкинских академиков". Это были Л.Н. Толстой, А.Ф. Кони, К. Р., А.А. Потехин, А.М. Жемчужников, А.А. Голенищев-Кутузов, В.С. Соловьев, А.П. Чехов, В.Г. Короленко.

Пушкинская премия вручалась К. Р., Майкову, Полонскому, Куприну, Вересаеву и др. Почти все произведения, представляемые на премию, рецензировались самим великим князем. У него были прекрасные учителя истории — знаменитые историки К.Н. Бестужев-Рюмин и С.М. Соловьев. Возможно, поэтому К. Р. относился к любому произведению не только как

к литературному явлению, но и как к явлению истории. Его глубокие обстоятельные рецензии составили отдельный том, вышедший в свет в 1915 г.

И в музыке он был далеко не дилетант. Одним из первых исполнил прославленный Первый концерт для фортепьяно с оркестром П.И. Чайковского. Сам сочинил три романса на слова А.К. Толстого, А.Н. Майкова и Виктора Гюго.

И это опять не все. Великий князь был организатором экспедиции адмирала Колчака на землю Санникова, на собственные средства отправлял исследователей на Памир и в Каракорум. Не чурается великий князь и хозяйственных хлопот. В купленном подмосковном имении К. Р. открывает школу, строит больницу, организует ясли для крестьянских детей. Соединяет хорошей дорогой Осташево с селом Рюховское. Осташево находится на стыке Звенигородского, Волоколамского и Можайского уездов. Это место полюбилось князю и его семейству.

Мирная жизнь семейства была прервана первой мировой войной. На фронт идут пятеро сыновей великого князя. Погибает самый любимый сын — Олег, окончивший Царскосельский лицей с серебряной медалью, унаследовавший от отца поэтический дар. Он был человек сугубо штатский. Был первый в династии Романовых, кто учился в гражданском учебном заведении. Темой его выпускного сочинения было: "Феофан Прокопович как юрист". Серьезно занимался музыкой, живописью, писал стихи. По его инициативе началось издание всех рукописей Пушкина, переданных сыном великого поэта А.А. Пушкиным в Румянцевский музей. Первый выпуск "Рукописей Пушкина" увидел свет в 1912 г. Князь Олег покинул свет в возрасте двадцати одного года, скончавшись от ран в г. Вильно. Безутешные родители перевезли его тело и похоронили в столь любимом им подмосковном имении Осташево. Была построена часовня, разрушенная впоследствии.

Смерть Олега подкосила Константина Константиновича. Он скончался преждевременно от сердечного приступа 2 июня 1915 г. в Павловске на 57-м году жизни. Похоронен в Великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора в С.-Петербурге. Надгробная плита на его могиле была восстановлена лишь в 1997 году на средства зарубежных кадет. Их же усилиями была приведена в должный вид могила Олега Константиновича. В 1993 г. прилетал на открытие мемориальной доски бывший кадет Первого русского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса Алексей Борисович Иордан. Восстановленная надпись гласит: "Князь Олег Константинович

25.XI.1892 — 29.IX.1914. Вечная память герою за веру, царя и Отечество жизнь положившему".

Ныне в Осташево открыт Детский центр культуры, открыт музей К. Р., где проводятся "Романовские чтения".

На этом бы и поставить точку. Но коль скоро свой скромный труд я посвящаю матери Нине Ивановне Владимировой-Косовцевой, историку по образованию и призванию, то просто обязана продолжить рассказ о детях К. Р., князьях императорской крови.

1. Иоанн (1886-1918)

Отличался большой набожностью. Был иподиаконом Русской православной церкви. В 1911 г. — брак с Еленой Петровной, принцессой Сербской, дочерью короля Сербии Петра I Карагеоргиевича и принцессы Зорки Черногорской.

По декрету от 26 марта 1918 г. Иоанна выслали из Петербурга в Вятку, потом в Екатеринбург, а затем в ночь с 17 на 18 июля его с братьями живыми сбросили в шахту под Алапаевском и забросали гранатами.

2. Их участь разделили две монахини, одна из которых — великая княжна **Елизавета Федоровна** (урожд. Александра-Луиза-Алиса, принцесса Гессенская и Рейнская), родная сестра императрицы Александры Федоровны. Она была основательницей Марфо-Мариинской обители (1910). Ей было 56 лет. Арестовали ее на третий день Пасхи.

В Алапаевской шахте казнили семерых. Гранаты почему-то не взорвались, и все казненные умирали долгой мучительной смертью. Заслуживает особого уважения супруга Иоанна Елена Петровна. После революции она не была арестована, но, тем не менее, отправилась в ссылку вслед за мужем, оставив детей на попечение свекрови. Она была иностранная подданная, и ее опасались репрессировать. Сохранилась расписка, данная ею председателю местного совета А.Г. Белобородову: "Я, гражданка Королевства Сербского Елена Петровна, по мужу Романова, желая разделить тюремный режим мужа, добровольно возвращаюсь в Алапаевск, где обязуюсь переносить тот же режим, принимая на себя все расходы по моему содержанию. Я обязуюсь не обращаться к защите иностранных посольств, а если таковые сделают шаги в мою пользу, я отказываюсь воспользоваться результатами этих шагов".

Буквально насильно оторвали любящую супругу от Иоанна, и благодаря норвежскому атташе она была переправлена в Швецию. Позже она жила во Франции, Великобритании, Италии. Скончалась в 1962 г. в Ницце.

3. Гавриил (1887-1955)

Высокий красавец (рост 197 см) после смерти брата Олега был отозван в Петроград, где окончил Академию Генерального штаба. Был вторым членом династии, окончившим Александровский (Царскосельский) лицей. 15 августа 1918 года его арестовали и заключили в Петропавловскую крепость. Болел туберкулезом. Был вызволен из Петропавловки благодаря ходатайству М. Горького перед В. Лениным. Его жена — балерина Мариинского театра Антонина Нестеровская — проявила самоотверженность, подобно другим женам романовского рода. Фактически она добилась освобождения мужа через врача И.И. Манухина и М. Горького. Выбрал местом своего жительства Париж. Там и похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Детей не имел.

4. Старшая дочь Татьяна (1890-1979)

Прожила богатую событиями жизнь, разделенную на две части. В 1911 г. выходит замуж за Константина Александровича Багратион-Мухранского. Багратионы правили в Грузии с VI века, но с 1801 г. перестали быть царской династией. Ради этого брака Татьяна письменно отказалась за себя и своих потомков от прав на престол. В счастливом супружестве рождаются сын Теймураз в 1912 г., а в 1914 г. — дочь Наталья. Но опять же, все в жизни княжны Татьяны перевернула первая мировая. Гибнет на фронте любимый брат Олег, вслед за ним геройски погибает муж Константин. А затем — потеря отца. А тут и революция подоспела. Татьяну не арестовали, поскольку формально она уже к Романовым не принадлежала. Заботу о ее детях принял на себя дядя, великий князь Дмитрий Константинович.* Татьяна поначалу следовала за дядей по месту его ссылки, но потом поняла, что ее хлопоты о его освобождении могут закончиться плачевно для нее. Татьяна уехала в Киев, не занятый тогда большевиками. В пути ее охранял адъютант Дмитрия Константиновича полковник А.В. Корочинцов, бывший до того адъютантом великого князя Константина Константиновича (К. Р.) Из Киева беженцы подались в Одессу. А там уже появилась надежда на счастливый исход. По приглашению румынской королевы Марии все семейство отбыло в Румынию, а оттуда — в Швейцарию.

В 1921 г. Татьяна выходит замуж за Короченцова и буквально через три месяца теряет его: смерть от дифтерита. Верная своему материнскому долгу, Татьяна всю жизнь и всю любовь отдала детям. Вырастив их, в 1946 г. принимает в Женеве постриг с именем Тамара (в память о грузинской царице Тамаре, особо почитаемой в Грузии). Мирские заботы

ее больше не тревожат. Она отбывает на Святую Землю и становится инокиней Елеонского женского монастыря в Иерусалиме. Там же скончалась в чине игуменьи, посвятив служению Богу 33 года (возраст Христа).

Сын Теймураз служил в югославской армии, позже был директором Толстовского фонда в Нью-Йорке, основанного дочерью писателя, Александрой Львовной. Был дважды женат, от обоих браков детей нет.

Дочь Наталья вышла замуж в Лондоне за дипломата сэра Джонстона. Детей нет.

Дерево с обрубленными корнями новых побегов не давало. Остается гадать, какая на генетическом уровне произошла катастрофа, приведшая к бесплодию отпрысков К. Р. Вероятно, это был сознательный выбор. Ведь все они были здоровыми людьми с прекрасной наследственностью. К примеру, родившаяся в год начала первой мировой войны дочь Татьяны Наталья, прожившая до 70 лет, потомства не оставила. Похоже, что все ограждали себя от ужаса потерь. Внук К. Р. Всеволод Иоаннович тоже был бездетен, хотя трижды вступал в брак. Первый брак — 1939-1956 гг., второй — 1956-1961 гг., третий — 1961-1973 гг., то есть до самой кончины. Русского языка не знал, занимался виноделием в Англии.

5. Константин Константинович — младший (1890-1918)

Год рождения тот же, что и у Татьяны, но они не близнецы. Татьяна родилась в начале января, а Константин — в конце декабря 1890 года. Судьба сохранила ему жизнь в первую мировую. Был награжден орденом Георгия IV степени за храбрость в бою и спасение полкового знамени. И все же пополнил список новомучеников в 1918 году. Мучительной смертью умер Константин в шахте под Алапаевском. Грыз землю, чтобы заглушить желудочные спазмы, боль от ран. Когда его тело извлекли из шахты, во рту князя обнаружили землю.

6. Игорь (1894-1918)

Двадцатилетним юношей сражался в первую мировую. Служил штабс-ротмистром лейб-гвардии Гусарского полка. Мог бежать по подложному паспорту, но отказался: "говорил, что он не сделал ничего худого перед Родиной и не считает возможным поэтому прибегать к подобным мерам..".

* Генерал от кавалерии, главноуправляющий государственным коннозаводством в 1887-1905 гг. Великих князей Дмитрия Константиновича вместе с Павлом Александровичем, братьями Николаем и Георгием Михайловичами заключили в Петропавловскую крепость и расстреляли в январе 1919 г. В 1913 г. Дмитрий Константинович председательствовал на Всероссийской выставке рысаков в Киеве, а в 1914 г. он уже почти полностью ослеп; казнили инвалида. Его последние слова перед казнью были: "Прости им, Господи, не ведают, что творят...".

Казненных в шахте белогвардейцы сначала захоронили в Алапаевском соборе. Но и там было небезопасно. Останки замученных перевезли в Пекин и захоронили в склепе храма Серафима Саровского при Русской миссии. После второй мировой войны красные китайцы на месте захоронения построили гаражи.

И только гроб с телом великой княгини Елизаветы Федоровны в 1921 году был переправлен в усыпальницу храма Св. Марии Магдалины русского Гефсиманского женского монастыря в Иерусалиме.

Летом 1990 года на территории бывшей Марфо-Мариинской обители в Москве состоялось открытие памятника. Надпись гласила: "Великой княгине Елизавете Федоровне с покаянием".

7. Наталья (1905)

Умерла двухмесячным младенцем. Отец, К. Р., посвятил ей проникновенное стихотворение.

Супруге великого князя Константина Елизавете Маврикиевне удалось спастись с двумя младшими детьми Георгием и Верой, а также внуками от сына Иоанна — Всеволодом (1914-1973) и Екатериной (1915-?), благодаря шведской королеве Виктории. В ноябре 1918 года на шведском корабле "Ингермланд" они покинули Петроград. Недолго были в Бельгии, а затем немецкая принцесса вернулась в родной Альтенбург. Августа-Мария-Агнесса вновь стала герцогиней Саксонской. А веру она сохранила, ибо не меняла лютеранства на православие.

8. Георгий (1903-1938)

Сведения о нем крайне скудны. Фактически мы ничего о нем не знаем. В своих воспоминаниях брат Гавриил пишет: "Князь Георгий Константинович уехал из Брюсселя в Швейцарию, оттуда в Англию, а затем в Нью-Йорк. Всюду работал. Умер в Нью-Йорке после операции аппендицита". Потомства не оставил.

9. Вера (1906-2001)

Недолгое время жила в Бельгии, потом в Альтенбурге. В конце второй мировой войны вместе с родственниками пешком ушла на Запад, спасаясь от НКВД. В Гамбурге Вера Константиновна работала переводчицей в британском отделении Красного Креста. В 1951 году переехала в США.

Она не имела ни гражданства, ни своего угла. Жила в доме Толстовского фонда под Нью-Йорком. Пользовалась большим уважением в кругах русской эмиграции не только благодаря своей принадлежности к императорской фамилии, но и благодаря личным качествам. Она была живым воплощением лучших традиций дома Романовых.

Зарубежные кадеты в память о ее отце приглашали ее на все свои встречи и съезды. В брак не вступала, детей не имела. По некоторым сведениям, в конце жизни великая княгиня приняла иночество и умерла в женском монастыре близ Нью-Йорка. Возможно, она просто была похоронена на монастырском кладбище. Ведь сын великой княгини Татьяны Теймураз Константинович Багратион-Мухранский покоится на кладбище Свято-Успенского Ново-Дивеевского монастыря (Русской православной церкви за границей), Spring Valley, штат Нью-Йорк, США, хотя в монашестве не был.

Справка: из восемнадцати казненных представителей дома Романовых ни один не участвовал в белом движении, но их находили и казнили еще и в 30-е годы. Спаслись остатки семейств, в основном, через Финляндию и Украину. Добирались до Киева, оттуда — в Одессу, а дальше кто куда по Черному морю. Одни покидали родину через Крым, другие, например, Мария Павловна — младшая, сухопутным путем через Бендеры. Королева Румынии Мария радушно принимала беженцев, ибо сама была из дома Романовых. Она была дочерью герцога Альфреда Эдинбургского (сын британской королевы Виктории) и Марии Александровны, дочери русского императора Александра II.

Все казненные Романовы умерли со словами прощения своих палачей. Лишь один великий князь Сергей Михайлович (1869-1918) на краю Алапаевской шахты схватил за полу большевика Плишкина и пытался увлечь его за собой. Князя расстреляли на месте, тем самым избавив от мук. Полевой генерал-инспектор артиллерии обладал "отличным чувством юмора, прекрасным математическим умом и истинно аристократической простотой в обращении". На месте его захоронения в далеком Пекине построен гараж.

* * *

Как пленительно тихо в отцветших полях!
Наша осень полна обаяния:
Сколько прелести в грустных,
безжизненных днях
Этой кроткой поры увяданья!
Воздух влажен и свеж, облетают
листы,
Тучи кроют лазурь небосвода,
Безответно, безропотно блекнут
цветы,

И покорно зимы ждет природа.
Не блаженство ли этой внимать
тишине,
Где пред смертью покорность
такая?
Так же мирно навеки уснуть бы и мне,
Без напрасной борьбы угасая!

Павловск, 30 октября 1889 г.

Думается, что написавший эти строки К. Р. был счастливый человек — хотя бы уже потому, что отошел в мир иной, как ему мечталось.

P. S. Автор приносит глубокую благодарность Киевскому дворянскому собранию в лице Владимира Владимировича Массальского за помощь в подготовке материала.

Роман БРОДАВКО

Лишь древо жизни вечно зеленеет

На самом углу улиц Пастера и Конной одиноко стоит высокий дуб. Еще совсем недавно ряды деревьев с двух сторон обрамляли великолепное здание Украинского театра. Сегодня на их месте парковочные "карманы". А красавец дуб остался. К счастью, он избежал трагической судьбы собратьев, следы которых навсегда скрыты под тротуарной плиткой. Весной и летом он радует глаз густой сочной зеленой кроной, осенью — червонным золотом листвы. И даже зимой, когда его ветки оголены, они притягивают внимание причудливостью линий.

Дуб этот особенный. Издавна под его сенью собирались люди театра. Обычно после окончания дневной репетиции, не спеша расставаться, они обменивались новостями и слухами, делились впечатлениями, рассказывали анекдоты. Примечательно, что дуб неведомой силой привлекал не только работников Украинского театра. Повинуясь какой-то неведомой силе, под его сенью собирались многочисленные гастролеры, которые работали в Одессе в летние месяцы. Я видел беседующих под "нашим" дубом Олега Ефремова и Юрия Завадского, Анатолия Эфроса и Игоря Владимирова, Марка Захарова и Андрея Гончарова, Аркадия Каца и Сергея Данченко...

И еще я помню зрителей, которые не спешили расходиться после понравившегося спектакля и, несмотря на позднее время, останавливались возле того же могучего дерева: одни — для того чтобы обменяться впечатлениями со знакомыми, другие — чтобы увидеть без грима любимых актеров, выходящих из театра. Как интересно было ловить обрывки фраз, содержащих оценку спектакля в целом или отдельных актерских работ! Это был важный индикатор реакции зрителя на то, что только что происходило в театре. Иногда невольно подслушанная фраза побуждала к неожиданным размышлениям об увиденном.

Сейчас эта многолетняя традиция исчезла. Очевидно, более напряженный ритм жизни не позволяет растрачивать драгоценное время на разговоры. Работники Украинского театра деловито спешат к служебному ходу и, спустившись по нескольким ступенькам, быстро исчезают в проеме дверей. Что касается гастролеров, то стационарные театры перестали приезжать к нам. А коммерческие антрепризы ограничиваются однодневным визитом с одним спектаклем. Все рассчитано до минуты. Какие там разговорчики под деревом!.. И выходя из театра, зрители, не задержи-

ваясь, направляются к своим автомобилям или на автобусную остановку, чтобы побыстрее добраться домой.

Ностальгия по прошедшим годам, по-видимому, вещь неуместная. Конечно, приятно вспоминать о том, что еще недавно было сердцу мило. Но вернуться в свое вчера мы не можем. Да и нужно ли это? Мы живем в другую эпоху, у которой иные ритмы, иные темпы. Иные правила игры в изменившейся жизни. А может быть — не иные, а придуманные нами самими? Просто зачастую многие из нас стремятся вольно или невольно приспособиться под мораль того, что называется "обществом потребления", и, становясь конформистами, принимать (прощать) примитивную культуру этого общества. Может быть, мы, привыкая к жесткости, бездушию, примитивности и откровенной пошлости в нашей повседневности, спокойно воспринимаем воспроизведение всего этого на театральных подмостках?

Видя наше нежелание размышлять, сопереживать, негодовать, театр идет нам на встречу, подсовывая спектакли, которые по уровню режиссуры и актерской игры не располагают к этому. Театр начинает не учить, не помогать, не волновать, а обслуживать. Эта тенденция находит откровенное отражение в рекламе спектаклей, особенно антрепризных. "Шоковый", "потрясающий", "звездный" — чего только не ваяют рекламодатели в афишах и видеороликах! А совсем недавно я услышал по радио, что одесситов ожидает встреча с новым спектаклем "от Романа Виктюка". Ну совсем как костюмы от Кардена или духи от Шанель...

Среднее и старшее поколение театралов — счастливые люди. Их вкусы были воспитаны тогда, когда была возможность видеть спектакли разных театров, накапливать впечатления, сравнивать режиссерские прочтения и актерские интерпретации. Даже не выезжая из Одессы, в летнее время они имели возможность видеть у себя лучшие столичные и провинциальные театральные коллективы. Цены на билеты были доступными — проблема была лишь в том, чтобы их доставать. Театральное искусство достаточно активно популяризировало телевидение, транслировавшее лучшие спектакли отечественных коллективов. Все это формировало театральные вкусы.

Кроме того, и в столицах, и у нас существовала авторитетная, а главное — профессиональная критика, отсутствие которой сегодня приводит не только к вседозволенности, но и к оправданию откровенной безграмотности постановщиков. Слова создателя спектакля: "Я так вижу", — вовсе не означают, что у него единственно верный взгляд на проблемы и характеры, заложенные в драматургии. Смешно и грустно, когда задолго до

премьер режиссеры — это, в основном, касается приглашенных режиссеров — проводят пресс-конференции, на которых рассказывают журналистам о своем будущем спектакле как о театральном событии. Мне кажется, что до выхода нового спектакля о нем вообще нельзя рассуждать. Работа должна говорить сама за себя.

Отсутствие качественной современной драматургии театр во все времена стремился восполнить постановками классики. Происходит это и сейчас. Такое стремление благородно и оправдано, когда создатели спектакля проявляют бережность к первоисточнику, к авторским идеям и авторскому стилю, когда проявлены все темы пьесы, определены те или иные смысловые акценты, которые кажутся постановщику важными сегодня. Увы, к сожалению, сегодня сплошь и рядом мы видим или примитивную адаптацию классики — рассчитанные на непритязательную публику комиксы на классические темы, или явное искажение авторской мысли, лишающее постановку всякого смысла, или просто полную беспомощность режиссера, который не в силах справиться с могучей драматургией и плывет "по воле волн".

И тут возникает еще одна опасность. Магия театрального искусства влечет к себе молодежь. Радостно, приходя в театральные залы, видеть в них совсем молодых людей, которые пришли сюда не из-за практиковавшегося в былые годы навязанного "коллективного посещения", а потому что заинтересовались спектаклем. Их театральный багаж очень мал. К сожалению, они мало читают. И поэтому есть реальная опасность, что, увидев театральный спектакль, скажем, по Шекспиру или Стендалю, Брехту или Чехову, которых постановщик перекроил на свой лад, они или отвернутся от театра, или привыкнут воспринимать классиков чересчур упрощенно, не осознав той глубины, которая заложена в их произведениях.

Театр — это школа культуры, которая начинается с культуры языка и сценического поведения. К сожалению, неправильная речь постоянно режет слух, убеждая нас в том, что над сценическим словом в театрах никто не работает. А ведь во все времена сценическая речь была эталоном для зрителей. До смешного доходит сценическое поведение некоторых актеров, которые не отдают себе отчет в том, в какую эпоху происходит действие пьесы. И тут трудно провести грань между манерой поведения, скажем, дворянина XIX столетия и современным парнем из дискотеки. А если так, о каком слиянии личности актера с персонажем, на котором настаивал В.И. Немирович-Данченко как на определяющем моменте в создании убедительного художественного образа, мы можем говорить!..

Поражает равнодушие, а порой и открыто враждебное отношение современных постановщиков к традициям. Переиначить то, что складывалось годами, — это пожалуйста, хотя порой за новой трактовкой не прослеживаются ни мысль, ни цель. Безусловно, современный художник имеет право на свое видение классики. Опыты Мейерхольда, Курбаса, Грановского и других великих режиссеров вошли в историю как яркие примеры театрального новаторства. Но когда в угоду режиссерскому замыслу искажается гениальная драматургия, — это преступление против классики. Иногда возникает ощущение, что псевдоновации появляются из-за того, что постановщики просто не могут совладать с материалом, им не под силу поставить спектакль в традициях отечественного театра — отсюда и трюкачество.

Театральное искусство сегодня во многом разрушается из-за отсутствия крупных художественных лидеров, болеющих за дело, лидеров, которые во все времена были строителями своих театров. Одаренных актеров, прежде всего, молодых, уже убедительно проявивших себя, сегодня немало, в том числе и в Одессе. А сколько еще есть "непроявленных"! Театральная практика знает множество случаев, когда открытие крупного актера происходило не в его ранней молодости, а после того как он не один десяток лет исполнял роли второго плана. Без режиссера — художественного лидера, который увидит в актере яркую индивидуальность, открытия не произойдет.

А режиссеры, обладающие определенным уровнем профессионализма, в наше время не спешат возглавлять театры. Хлопотное, а главное — неприбыльное это дело. Куда лучше при сегодняшнем дефиците грамотных специалистов быть постоянно приглашаемыми на отдельные постановки, зачастую тиражируя свои спектакли в разных городах. Увы, Одесса не стала исключением в этом отношении. В стране уже сложились постановочные бригады, в составе которых кроме режиссеров — сценографы, композиторы, балетмейстеры. Они кочуют по просторам СНГ, в короткий срок ставят один из предложенных дирекции того или иного театра спектакль — и дальше, в путь.

Однако не будем спешить упрекать постановщиков-варягов, ибо во многом образ их творческой жизни определяют экономические условия. Уж слишком мизерна зарплата режиссера, как и других театральных деятелей, работающих в стационарных театрах. Практически нет никаких социальных гарантий, которые могли бы удержать человека на месте. Вряд ли художник, знающий себе цену, согласится годами прозябать в общежи-

тии, получать очень скромную зарплату, если у него есть возможность зарабатывать намного больше, постоянно выезжая на постановки.

Проблемы театральные — а то, о чем мы говорим, лишь малая часть их — с течением времени у нас не только не решаются, но и усугубляются. В некоторых постсоветских странах, например, в Латвии, и в некоторых областях России это уже осознали и стремятся повысить материальный статус работника театра, думают о возможностях доплат, о предоставлении жилья. И одновременно повышают уровень требовательности к театру как общественному институту. Это, естественно, отражается на качестве спектаклей. В Украине и, в частности, в Одессе этого нет. Трагический парадокс нашего времени — нет никаких цензурных запретов на драматургию, есть желание публики посещать театр — а создать систему качественной работы репертуарных театров некому.

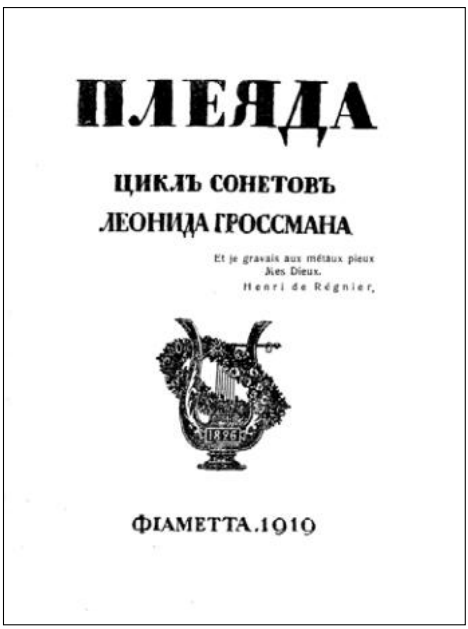
Театр бессмертен, как человеческая душа. Он существует столько, сколько существует самоосознавшее себя человечество. Сколько раз в его тысячелетней истории говорили о кризисе, предрекали ему гибель, но те, кто это делал, умирали, в театр оставался жив. Он — своеобразное древо жизни, которое вечно зеленеет.

Менялись театральные эстетики, формы, стили, отношение к театральному делу. Мне кажется, что сегодня, как и в конце XIX — начале XX веков, мы стоим на рубеже, за которым рождение нового театра, который возьмет лучшее из прошлого и предложит зрителю новые формы сценической выразительности. Конечно, это произойдет не сразу. Но и сейчас, не дожидаясь каких бы то ни было революционных изменений в театральном деле, можно сделать очень многое, чтобы вернуть театру его авторитет и силу воздействия на людей. Сделать это могут сообща и государственные, и коммерческие структуры, и сами художники театра. Нужны воля и тех, кто руководит страной, и тех, кто трудится в театрах, их видение, их инициатива, их понимание социальной важности театрального искусства. Здесь здоровый прагматизм должен органично сочетаться с высокой культурой и профессионализмом тех, кто посвятил себя искусству сцены.

В гениальной эпопее Льва Толстого "Война и мир" есть сцена, когда Андрей Болконский проезжает мимо дуба, который еще вчера казался ему засохшим, а теперь поразил воображение героя пробудившейся зеленой листвой. Наш театральный дуб на углу шумных улиц Пастера и Конной, безусловно, расцветет весной. Он — сильный, могучий... Хотелось бы, чтобы столь же сильным и плодоносным было древо наших театров, в плодах которых мы все так нуждаемся.

Плеяда
Цикл сонетов

Из одесской "Плеяды"

ПЛЕЯДА

ЦИКЛЪ СОНЕТОВЪ
ЛЕОНИДА ГРОССМАНА

Et je gravais aux métaux pieux
Jles Dieux.
Henri de Régnier,

ФІАМЕТТА.1919

Когда вспоминают имена поэтов плеяды одесского "Юго-Запада", пожалуй, реже всех называют имя Леонида Петровича Гроссмана. Вернее, помнят о нем как о высокообразованном литературоведе, тончайшем психологе, чьи романы переиздаются и сегодня ("Записки д'Аршиака", "Бархатный диктатор", "Рулетенбург" "Исповедь одного еврея"), и практически не вспоминают чеканные строфы последователя пушкинского классицизма.

Л.П. Гроссман родился 120 лет назад в Одессе, 24 января 1888 года, в семье врача. Окончил юридический и филологический факультеты Новороссийского университета. В 1921 году переехал в Москву, где преподавал в Литературном институте.

Но в Одессе он написал и опубликовал за свой счет цикл сонетов "Плеяда" в несуществующем издательстве "Фиаметта" в 1919 году. Более того, переиздал в 1922 году в издательстве "Костры", где публиковалась Марина Цветаева.

Думаю, нашим читателям будет небезынтересно познакомиться со стихами Леонида Гроссмана, посвященными поэтам пушкинской плеяды.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Русский сонет

Суровый Дант не презирал сонетов.

Пушкин

Раскрыл нам Дельвиг таинства сонета,
Чей трудный шифр был Тредьяковским дан,
И принял Пушкин кованый чекан
Для строгих дум о подвигах поэта.

С тех пор игра кватранта и терцета
Манит певцов гиперборейских стран,
И стих Ронсара вьется, как аркан,
У Каролины Павловой и Фета.

Его размерам царственность придав,
Венок сплетает пышный Вячеслав
Строфой, чей лад торжественно-роскошен.

Бальмонт и Брюсов чтут канон его,
И хищный облик тезки своего*
Обводит им Максимильян Волошин.

Веневитинов

Без мысли гений не творит.

В тиши архивов, в говоре кружков,
За колоннадой мраморной гостиной,
Где восхищались Северной Коринной
Князь Вяземский и юный Хомяков,

Один поэт, не ведавший венков,
Но в тишине любимый Мнемозиной,
Питал свой стих премудростью змеиной,
Кормя мечту добычею веков.

* Робеспьера.

Быть может, первый пламенник Софии,
Он в срубленных часовенках России
От эллинских лампад затеплить мог.

Но рано он сошел в ладью Харона,
Успев сплести в цветущий диалог
Бред Шеллинга с виденьями Платона.

Гнедич

О, песнь волшебная Омира!

Торжественный, как некий иерей,
Циклоп в жабо среди актрис и фатов,
В пыли кулис и в залах меценатов,
Скандировал классический хорей.

А ночью гнев героев и царей
Тревожил сонный мир его пенатов,
Вздымая гул воинственных раскатов
Над пеной фиолетовых морей.

Суда неслись в пучинах глубодонных,
И тучей щитоносцев меднобронных
Срывался в дол Скамандра ратный шквал.

А он, внимая бранноносным строям,
Железные гекзаметры ковал,
Как латы шлемоблещущим героям.

Языков

И мы кистями винограда
Разукрашаем жизни крест...

Как виночерпий льет бурлящей влаги
По звонким чашам пенистый поток,

Так он кропил ковер узорных строк
Рубиновыми брызгами малаги.

Но в час молитв виденья древней саги
Вели его на дремлющий Восток,
Где сквозь миражи, пальмы и песок
Влачились пастухи, жрецы и маги.

Тяжелым вретищем библейской тьмы
Трагическая муза затянула
Блудящие огни в чаду корчмы

И в буйный звон застольного разгула
Вдохнула громозвучные псалмы —
Сампсонов гнев и скорбь царя Саула.

Козлов

И ночь моя полна Сияной...

Гвардейский щеголь, ветреник салонов,
Танцор и сноб, средь бальной суеты
Он обновил проклятьем слепоты
Тернистый путь Гомеров и Мильтонов.

Когда веленьем жертвенных законов
Пред ним померкли книжные листы,
В безмолвную пустыню темноты
Повеял легкий лет вечерних звонов.

Под тяжким покрывалом черных дней
Изведал он, что в скорби жизнь звучней,
И загорелся поздними строками,

Всем зовам близкий, всем лучам чужой,
Ночной балладник с мертвыми зрачками,
Ослепший бард с прозревшею душой.

Денис Давыдов

Я тем же пламенем, как Чингисхан, горю.

В хмельной толпе отчаянных рубак,
Под звонкий говор пуншевых стаканов,
Ты зажигал чесменских ветеранов
Своим стихом, курчавый весельчак!

Поэт, стратег, сатирик и казак,
По льду болот вожатый партизанов,
Ты целым вихрем пестрых доломанов
Бросал свои полки в огонь атак.

По лагерям, в манежах эскадронных,
Средь топота дивизий легкоконных,
Кидаясь в бой, стреляя и рубя,

Везде носился ты, герой Бриенский,
Победным витязем! Таким тебя
Парадной кистью написал Кипренский.

Василий Пушкин

Мои мебели и драгоценная моя библиотека — все сгорело.
Письмо Вяземскому, 14 дек. 1812

Когда он с мерным пафосом играл
Альцеста, Дон-Жуана иль Панкраса,
На комика московского Парнаса
Партер друзей насмешливо взирал.

Но он не падал духом. Театрал,
Библиофил и модник Арзамаса,
Он томы Плавта, Бомарше и Тасса
По-прежнему прилежно собирал.

Король куплета, мастер эпиграммы,
Он испытал ожог военной драмы
В морозные и пламенные дни,

Когда средь буйных искр и дымных взлетов
Пожар лизал сафьяны переплетов
На томиках Мольера и Парни.

Жуковский

Светит месяц, дол сребрится,
Мертвый с девицею мчится...

В дворцовой келье песенник Ундины
Вычерчивал таинственный офорт,
Где ужас лунным призраком простерт
Над башнями готической руины.

Он видел мир, где бродят капуцины,
Гомункулы родятся из реторт,
И вьется ураган бесовских орд
У виселиц заклятой котловины.

Но сын турчанки полюбил Восток,
Реченья мудрых в арабесках строк,
Слова любви в персидском фолианте

И вкрадчивые шелесты поэм,
Где брачной лаской тешится Рустем
И в пламени блуждает Дамаянти.

Боратынский

Болящий дух врачует песнопенье...

Остановись, прохожий! Здесь лежит
Один из тех, кто рано жизнь оплакав,
Брел вдоль цветущих кущ и зрелых злаков,
Унынием, как трауром, повит.

Он в этот мир вступил, как в темный скит.
В своих угрюмых вкусах одинаков,
Любил он черепа масонских знаков
И бледных ангелов надгробных плит.

Но благосклонной Музой одаренный,
Он горечь дум струил в свой стих граненый,
Как едкий пепел в стройный мавзолей.

О путник, загорись молитвой жаркой,
Чтоб он обласкан был печальной Паркой
Средь асфоделей Орковых полей.

Зенеида Волконская

Волшебница! Коль сладко пела ты
Про дивную страну очарованья,
Про жаркую отчизну красоты...
Веневитинов. Кн. Волконской

Она вошла в московские салоны,
Чтоб в городе шатровых куполов
Пропеть под мерный гул колоколов
Палящие Петрарковы канцоны.

И полюбила темные иконы,
Кирилицу, славянский часослов,
Чтоб вспоминать о них среди балов
В толпе конгрессов Вены и Вероны.

Но снова Древний Рим пред ней возник,
И позабыла в дыме базилик
О бедных храмах с нищими в приделах,

Когда горящий пурпуром прелат
Пред нею пел в торжественных капеллах
Терцины католических кантат.

Батюшков

О розы юные, слезами омоченны...

Его строфа, певуче равномерна,
Струясь вином, звенела, как фиал,
Когда нубийский раб в хрусталь вливал
Из полных урн душистый ток фалерна.

Но грусть певца, темна и суеверна,
В сетях Эрота чуяла провал,
Пока он пел харит без покрывал
И в роще нимфу, легкую, как серна.

И вот сбылось! Унылый сибарит,
Смирительной рубашкою повит,
Прорезал воплем звоны тамбурина

И смолк, изнемогая в жгучих снах,
Безумный, как поющая в волнах
Офелия в венке из розмарина.

Вяземский

К ней как-то Вяземский подсел
И душу ей занять успел.

"Евгений Онегин"

В ограде Александровых колонн,
Блистающих на лаковых паркетах,
Проходит скептик в кружевных манжетах,
В уме слагая колкий фельетон.

Он беззаботно мечет фараон
Острот в стихах и дерзостей в газетах
И жалит в эпиграммах и памфлетах
Язвительней, чем едкий Кребильон.

Фехтуя раз "Московским телеграфом",
Он кинул стих, блеснувший эпиграфом
Над первою онегинской главой,

И сам шутя приблизился к роману,
Когда развлек грустящую Татьяну
Своей беседы пестрою канвой.

Кюхельбекер

Один из вещих гулов я
Рыданий плача мирового...

Осмеянный шумливою гурьбою
Веселых школяров, ты как в бреду
Скитался в императорском саду,
Мечтатель с героическою судьбою!

Тебе Париж раскрыл в хмельном чаду
Виденья толп, расплавленных борьбою,
И призрак плахи встал перед тобою
В один декабрьский день на невском льду.

За то в глухих песчаниках Сибири
Ты угашал молитвами псалтири
Отвагу неумелого борца.

И оживая в звонах эолийских,
Ты чуял огнезарный лик Творца
В лучистой клинописи звезд азийских.

Дельвиг

В смиренную хижину любят слетаться Камены...

Баронский герб в наследственном кольце
Не пробудил воинственных усилий
В потомке праздном рыцарских фамилий,
Ленивом и задумчивом певце.

С улыбкой на рассеянном лице
Он брел тропой, где шествовал Виргилий,
И розы Феокритовых идиллий
Выращивал в Лицейском Мудреце.

Пусть позабыты строфы антологий,
И бледный очерк их и стих нестрогий,
Но память нам преданье донесла

Об этой жизни краткой и безбурной,
О первых музах Царского Села
И плаче Пушкина над ранней урной.

Пушкин

Пришли мне Essais de Montagne — четыре синих книги на длинных моих полках.
Н.Н. Пушкиной, 1835

Был полдень жизни. Тени залегли
На обликах Петра и Дон-Жуана.
Напев Бахчисарайского фонтана
И чумный пир, смолкая, отошли.

Скончался Дельвиг. В пропасти земли
Ушел Вильгельм из невского тумана,
И страсть кавалергардского шуана
Уже смутила сердце Натали.

Но он, еще не чувствуя обиды,
Устав на буйных празднествах Киприды,
Был тих и прост. В покое зрелых сил,

Не веря в страсть, заздравных чаш не пеня,
Он терпкое вино сомненья пил
Из синих книжек мудрого Монтеня.

Плеяда

Проходят мерной поступью поэты:
Вот Батюшков, певец ахейских жен,
Василий Пушкин, книжник-селадон,
И Кюхельбекер, выходец из Леты.

Языков мечет строфы, как ракеты,
Давыдов их стремит, как эскадрон,
Медлительно роняет их барон
И Вяземский их точит, как стилеты.

Жуковский, Веневитинов, Козлов
Несут Волконской дань цветущих слов
И дышит Гнедич древним дифирамбом.

Ждет Боратынский смертного костра,
И всех животворит гремучим ямбом
Ваятель Командора и Петра.

Владимир КАТКЕВИЧ

Пассионария с Молдаванки

На пассажирских пароходах одесской приписки ее за глаза называли Оппманшей. Достоверно известно, что в канун революции родители увезли ее из Одессы во Францию. В 37-м комиссар интербригады камарада Оппман сражалась в Испании, была ранена. В 60-е возглавляемая мадам Оппман парижская круизная компания "Транстур", в которой решающая доля активов принадлежала компартии Франции, занялась фрахтом пассажирских лайнеров ЧМП.

Об эскападах Ядвиги Филипповны Оппман в пароходстве развивали забористые легенды. Например, нижние чины с воодушевлением пересказывали байки о том, что Ядвига носится по Одессе на "пежо" без глушителя, курит термоядерные сигары, посылает хриплым голосом на три буквы гаишников, открывает ногой дверь кабинета начальника пароходства и легко находит управу на высший комсостав у самого министра морского флота товарища Гуженко. Долгое время по "морскому телефону" муссировался эпизод рукоприкладства разгневанной мадам Оппман, якобы влепившей оплеуху известному капитану.

Претензии к капитанам, с которыми она работала, и особенно к прислуге судов-"рысачков", у парижской одесситки копились конкретные и обоснованные. Так список замечаний на теплоходе "Литва" состоял из 86 позиций. Много нареканий вызывала организация питания. Трапезничали французы на борту семь раз в сутки, ни много ни мало: после завтрака к одиннадцати их потчевали еще бульончиками, а в 23 сытный день завершался пиццей.

— Хлопот с французами хватало, — вспоминает пассажирский помощник "Литвы" Игорь Лукшин. — Они более подвержены морской болезни, чем, скажем, немцы.

Изнеженных французов почему-то от наших откровенных борщей с непривычки слабило. Или пучило. Пришлось даже в рейс брать французского шеф-повара.

На стоянке "Литвы" в Марселе мадам Оппман позвонила из Парижа и пригласила пассажирского помощника приехать в центральный офис, чтобы обсудить детальнее огрехи совместного бизнеса. В специально присланную машину Оппман, именно тот "пежо", который стал красной тряпкой для одесских милиционеров, сели Игорь Лукшин, его помощник Геннадий Шапиро и для контроля плавающий сотрудник из строгих органов,

фамилии которых в голове обычно не задерживаются. Если путь до предместий Парижа занял часа четыре, то сквозь столицу до Пляс-Опера пробирались часа два.

— Хорошо, что приехали, — сказала мадам Оппман. — Вопросов — вагон. На углу ресторанчик, там и потолкуем.

Поданные в больших раковинах моллюски привели мореходов в уныние и замешательство.

— Что вы смотрите на эти ракушки? — пришла на помощь Ядвига и показала, как надо бесцеремонно раскрывать створки.

На промашки сервиса обрушилась яростно:

— Я должна заниматься палубными шезлонгами или капитан? Чтоб стул для парохода купить, приходится звонить по "вертушке" чуть ли не в ЦК...

Когда экс-комиссарша понесла политику ЦК КПСС, с которой не собиралась мириться, водоплавающие стушевались.

— Почему вы не задаете вопросы, не спорите? — провоцировала Ядвига. — У вас все хорошо?

Все было нехорошо, но у гостей отпала охота оправдываться, и потому Ядвига спровадила их на экскурсию.

— Я вам дам дочку эмигрантов для сопровождения, — пообещала. — Она покажет Париж.

После визита Лукшина в Париж офицерам "Литвы" рекомендовалось посещать в вечернее время салоны парохода и танцевать с француженками. Механики просили заменить вальсирование на три такта внеурочной ревизией четырехтактного двигателя.

— Считайте, что это у вас подвахта, — отрезал помполит. — Только не увлекайтесь. На греческих паромах экипаж, бывает, так вдрабадан навальсируется с туристками, что неизвестно, кто управляет пароходом.

Мадам Оппман активно вмешивалась не только в подробности меню, но и в режим движения одесских судов, работавших под флагом "Трансту-ра". Так, например, капитан "Ивана Франко" Михаил Григор не укладывался в регламент швартовок, маневрировал чересчур осторожно, как она считала, на самых малых ходах, чтобы поставить к причалу "Ванюшку", теплоход "Иван Франко", "как лялю". Дело в том, что "И. Франко", головное судно серии из пяти единиц, сработанное на гэдээровской верфи "Матиас Тезен" в Висмаре, было в полном смысле и детищем Михаила Ивановича. Пишущий маслом капитан доработал еще в проектной стадии силуэт судна, для чего в каюте рисовал эскизы и мастерил макет из папье-маше.

Именно по его предложениям изменили конфигурацию и саму конструкцию мачты, подняли радиолокационное оборудование на специальную площадку, сделали более обтекаемой трубу — самую заметную с расстояния деталь. Григор предложил вопреки традициям покрасить корпус в строгий черный цвет и провести по нему две желтых полосы, что умерило диспропорцию куцего лайнера.

Естественно, при швартовках капитан оберегал первенца от навалов, обещающих неминуемую вмятину корпуса. Если же буксир-кантователь царапал корпус "Ванюши", то переживал за него, как за младенца, и благославлял матросов тщательно закрашивать шрамы грунтовкой. Матросы же, болтаясь на подвесках, понятное дело, сквозь зубы матерились.

Разумеется, затяжные маневры не устраивали взрывную Ядвигу, она настаивала, чтобы лайнер швартовался лихо, как эсминец, когда после команды "Полный вперед!" в метре от причала следует "полный назад". На Майорке из-за опоздания сорвались экскурсии и обед в береговом ресторане, и "Транстур" понесла убытки.

В пароходстве говорили, что Ядвига напрямую через генсека Мориса Тореза и чуть ли не через Политбюро ЦК КПСС потребовала немедленной отставки Григора, не выдержавшего фиксированного расписания.

Морис Торез с сыновьями частенько катался на "Литве" и "Башкирии". Пьер Торез был единственным иностранцем, которому вручили советский паспорт моряка, зачислив в мотористы второго класса. Кстати, сыновья после его кончины стали ревизионистами и исповедовали евросоциализм. В самом парижском офисе компании "Транстур" работали члены политбюро компартии Франции — кавалер ордена Почетного легиона, освобождавший Париж, месье Пенсо, член политбюро мадам Латисье. Один из сотрудников "Транстура" был близким родственником главного редактора "Юманите", и разумеется, тоже членом политбюро.

Капитана Григора сняли прямо в рейсе. Он довел "И. Франко" до Гибралтара и передал штурвал молодому тогда капитану Петру Кравцу. Михаил Иванович Григор — герой обороны Одессы. Когда на пароход "Фабрициус" пикировали немецкие торпедоносцы, он встречал их лендлизовским пулеметом "мартин", установленным на правом крыле мостика. А старпом потом с правого крыла провожал стервятников из своего "мартина". После прямого попадания торпеды в район котельного отделения Григор был ранен, контужен.

После отлучения от "И. Франко" капитанил на барке "Товарищ", учебном судне одесской мореходки. В 1972-ом "Товарищ" под его командой

прибыл в Балтимор на 175-ю годовщину спуска парусного судна "Констелейшн". Еще в 1910 гимназист Миша Григор увлекся парусами в николаевском яхт-клубе. В 70-м на "И. Франко" его разыгрывали, звонили ночью в каюту и от имени системного механика просили проверить напор горячей воды. Он не ленился встать, шлепал к раковине и простодушно открывал кран...

Летом 72-го "Иван Франко", уже без Григора, приняв на борт в Гавре французских туристов, отправился в заполярный круиз. Извилистый и живописный Главный фьорд Норвегии, как и любая шхера, заканчивался тупиком, где пароход стал на якоря. Пассажиров доставляли на пустынный берег мотоботами. Пожилых дам, упакованных в норковые шубы (это в июле-то!), матросы выносили на руках. На берегу не предусматривалось ни жилья, ни построек, ни таможни, только шоссе упиралось во фьорд. По нему и увезли автобусами пассажиров за восемь верст к символической северной точке Европы мысу Норд Кап — кульминация месячного путешествия.

Команды мотоботов остались ждать возвращения французов. У берега скучал рядом с оленем человек в кухлянке, украшенной орнаментом и побрякушками. Норвежский саами икал, то ли от холода, то ли от выпитого. Было заманчиво сфотографироваться рядом, и автор предложил жителю севера "чендж" — пачку болгарского "Опала". Сигареты его не вдохновили, он хотел добавить, накатить, как говорится, рюмку, и торг затянулся. Из подъехавшего катера вышла мадам Оппман и, сразу оседлав ситуацию, как говорится, взяв оленя за рога, строго сказала:

— Ничего ему не давайте! Его участие в экскурсии вместе с оленем оплачено фирмой. Так что фотографируйтесь.

Подкатил двухъярусный автобус, Ядвига поднялась в него вместе с сотрудниками дирекции круиза.

— Если хотите на Норд Кап, то вперед с нами! — она показалась в проеме двери.

Автор с мотористом Леней Либерманом радостно полезли.

Пока мчались сквозь тундру, Ядвига наливала для согрева "Наполеон" в походные серебряные наперстки.

— За тех, кто в море, не чокаются, правильно? — она подмигнула. — За перевозку пассажиров команды мотоботов получат отдельный презент. Только "левых" не дописывайте, я вас всех знаю в лицо!

— Спасибо, Ядвига Филимоновна! — разботвившийся Леня Либерман назвал ее Филимоновной, она не поправила.

Когда Либерман стал трезветь, то забеспокоился. Пора было заступать на вахту, а мы продолжали околачиваться в домике на высоком обрыве Норвежского моря, где толпа французов билась в очереди за марками со штампом спецгашения. Леня остограммился уже за свои кровные и напомнил:

— Филимоновна, на вахту опаздываем.

Ядвига выделила нам персональный автобус, доехали мигом, но как на грех все мотоботы уплыли на середину фьорда, экипажи оголтело таскали треску на самодуры.

— Байда меня теперь размажет по стенке котла, — Либерман по-самоедски икнул.

Вахту Либерман стоял в котле с третьим механиком Байдой. Байда регулярно находил под плитами журналы "Юность", Леня забывал, где прячет. Потому Байда обижался на профгруппах:

— Если он еврей, значит, ему можно читать на вахте?

Байду величали Андреем Трофимовичем, но в судовой роли он был записан Адольфом, в тридцатые нарекали Адольфами так же неумеренно, как в пятидесятые Эдиками.

Командам мотоботов, как и обещала Ядвига, выдали презент: фирменную сумку "Транстура".

— В сумке журнал мод "Неккерманн" и конверт, — предупредил стармех. — Конверт отнесете помполиту. Валюта будет истрачена на улучшение рациона питания экипажа.

Кормили экипаж на "Иване Франко" от пуза, кок Валера готовил с фантазией, даже фруктовыми рисовыми супчиками потчевал, так что в улучшении рациона мы не нуждались.

В конвертах обнаружили по 150 долларов — целое состояние. Сотенные купюры надежно спрятали в машинном отделении и отправились к первому помощнику. Помпа раскрыл конверт, достал полусотенную ассигнацию, еще раз копнул и спросил:

— А где остальные?

— А что, там что-то еще полагалось? — Либерман простодушно заглянул в конверт и возмутился: — И здесь фронцы нас накололи!

Об экспроприации, естественно, кто-то доложил Ядвиге, потому что пароход — это впечатлительная деревня, живущая сплетнями, слухами и страхами. Случилась сцена, как в третьем акте, где бывшая комиссарша прошлась в адрес товарища Гуженко, начальника пассажирской службы ЧМП товарища Петухова, а также члена Политбюро товарища Андропо-

ва, стукачество она особенно не воспринимала. Финалом третьего акта стала оплеуха, которой экс-комиссарша по-свойски одарила комиссара прямо на ходовом мостике. Причем рукоприкладство случилось якобы после того, как помпа преподнес в знак перемирия Ядвиге серьезный букет. То ли помпа сам не уклонился в момент неумеренной жестикуляции, то ли Ядвига от большого отчаяния действительно кинулась в рукопашную, никто толком не знает, — с рулевых матросов взяли подписку о неразглашении скандала.

В Гавре заполярный круиз закончился. Мы возвращались с Либерманом из города, когда развели мост на тамошнем канале. Из Сены пропускали караван, мы явно не успевали вернуться в срок на борт. Либерман снова балансировал между жизнью и увольнением, испытывая терпение Адольфа Байды. К шлагбауму подъехал "пежо". Из него выскочила мадам Оппман и закричала:

— Почему, падлюки, мост подняли на десять минут раньше?

Она набросилась на мостового рабочего. Тот сначала опешил, потом стал оправдываться, но она его уже не слушала.

— На вахту в Норд Капе успел? — спросила у Либермана.

— Наплевать! Я все равно в Израиль уеду, — пообещал Ленька.

Разводчик мостов попросил ее отъехать от шлагбаума, пора было опускать пролет, машина мешала.

— А, иди в жопу-у-у! — пожелала мадам с расстановкой на манер Раневской, плюнула в канал и нажала на стартер.

Прожила она долго и, говорят, оставила этот мир совсем недавно, чуть не дотянув до столетнего юбилея. Уровень нашего "сердечного, но деревянного сервиса" Ядвига Филипповна хотела приблизить к мировым стандартам, но так и не подняла, вовремя поняв, что это невозможно. Крах Империи здесь ни при чем. Разумеется, мадам Оппман пускала в ход и козыри, которые имелись на советских судах, например, компания приобретала костюмы для самодеятельности. Судовая самодеятельность была всегда на высоте. Пока наша страна не превратилась из музыкальной в плейерную.

Работа в тандеме с "Транстуром" была несомненным прорывом, пробным камнем, после которого наши лайнеры стали фрахтовать и "Неккерманн", и "СТС", и "Италтурист", и "Гранди виаджи", "Ян райзен", "Зееадлер кройцфартен" ("Путешествия морского орла") и другие. Сейчас на наших трижды переименованных "рысачках" прислуга — стюарды и бармены, — в основном, выходцы из Индии и Филиппин, ненормированно ра-

ботают за чаевые, наших же с их загадочной и неистребимой сердечностью не приглашают.

Увы, заповедник социализма инфузорно разделился на резерваты, и мы уже не диковинка, мы утратили самобытность, а именно на наивность и неуклюжесть делала ставку мадам Оппман. Бизнес же "Транстура" унаследовала племянница, которая вскоре продала убыточную круизную фирму в Португалию.

Наум БЕЛОГ

Праздник

Мой первый урок в политике преподал мне наш сосед Гриша — отец моего лучшего друга Шурки. Гриша был простой человек — портной-брючник, шивший на заказ в маленьком ателье на углу Екатерининской и Малой Арнаутской недалеко от знаменитого на всю страну одесского Привоза. На мой наивный вопрос: "Как же так? Если наши вожди — в Москве, что ни есть на самом верху, то значит они — самые умные?" — Гриша положил руку мне на плечо, уперся своими близорукими глазами в мои глаза — черные и чистые, как асфальт после майского дождя, — и тихо сказал:

— Они все — сплошной гурнышт.

Для меня, шестнадцатилетнего парнишки, это было открытием. Я не спросил его, почему он так думает, но его слова запомнились мне надолго, и когда я пришел ветренным осенним утром на октябрьскую демонстрацию, и военрук техникума Шмырин всучил мне портрет одного из наших вождей, то я не был уверен, что несу портрет хорошего человека.

Шмырин — подполковник в отставке — был плоский, как гладильная доска, и в глазах его всегда горел серый злой огонь. Хотя после окончания войны прошло почти десять лет, он все еще был одет в военных времен китель со стоячим воротником и фуражку с кокардой. Шмырин вложил мне в руки портрет, а потом, через пять минут, видимо, не доверяя моему специфическому носу, вернулся, и звеня медалями, как цыганка бубном, предупредил:

— Если выбросишь по дороге — вышвырну из техникума!

Портрет размером почти метр на метр, на котором в нежных пастельных тонах был изображен пожилой лысый тип в очках, был тяжеловат для моего хилого телосложения, и я нес его, в основном, на плечах, так что мой вождь глядел не в светлое будущее, как полагалось, а в набухшие влагой, как слезами, тучи на холодном ноябрьском небе.

Только у трибуны на площади, где вожди местного значения с красными, как у нашего участкового милиционера Кущенко, лицами, одетые в габардиновые макинтоши и велюровые цвета морской волны шляпы, махали нам ручками, я поднял моего очкарика и вместе со всеми заорал "ура". Я прокричал еще что-то нечленораздельное — то, что кричали все вокруг, — и заткнулся. Портрет давил мне плечо, и я опустил его, так что он глядел в булыжную мостовую и не видел тех, кто изо всей мощи своих промытых алкоголем легких кричал ему с трибуны:

— Да здравствует!..

От голода и усталости меня поташнивало, и когда за площадью я увидел техникумовский грузовик, то первым прибежал к нему и, выждав момент, когда военрук Шмыгин глядел в мою сторону, положил портрет в кузов.

— Аккуратнее, студент Вайншток! Аккуратнее!

Я спешил домой, обходя группки мужиков, толпящихся возле забегаловок. Уже недалеко от нашего угла хорошо подвыпивший тип прицепился ко мне:

— Эй, кореш, третьим будешь?

Я припустил — и в один момент оказался у ворот нашего дома, где Фира — Шуркина мама — доказывала что-то старухе Мане, нашей соседке по коммунальной кухне, у которой на маленьком изрытом морщинами лице выделялся громадный, как противотанковый ров, рот. Моя мама говорила, что у нее черный рот и что лучше не попадаться ей на язык. Маня извергала проклятья на голову всех на этом и на том свете, начиная от членов правительства и кончая собственными детьми.

Фира увидела меня:

— Ленечка, куда ты так бежишь? За тобой кто-то гонится? Куда смотрит милиция, если за таким хорошим мальчиком бежит какой-то хулиган! Беги уже прямо к нам. Через минуту будет готов обед, и ты же знаешь, что ты у нас как родной.

Маня решила, что я бежал совсем по другой причине, и пыталась подцепить меня на крючок:

— Напрасно так спешишь, молодой человек. Ты даже не можешь себе представить, что творится во дворе. Половина демонстрации, чтоб их паралич разбил, забежала в наш дворовой туалет. Такой очереди я не видела даже утром за молоком. Так что передохни минуту.

— Маня, что вы цепляетесь к мальчику? Вы же видите — на нем лица нет. Вы обязательно должны испортить людям праздник...

— Вам хорошо — ваш муж гребет миллионы, и вы могли построить себе туалет. А где нам, бедным людям, прикажете писять?

Фира отвернулась, и не сказав ни слова, отошла от Мани.

Вы спросите, почему Фира промолчала?

Потому что Фира работала кондуктором в трамвае и побывала в стольких перепалках, что знала, какому пассажиру нужно ответить так, чтобы у него в глазах потемнело, а какому — просто промолчать. С Маней она знала наверняка, что нужно промолчать.

Моя мама тоже не решалась вступать с Маней в открытый бой. Не только мама, но даже торговки с Привоза, где Маня до войны торговала куриными частями, обходили ее стороной.

Даже со своей дочкой Раей Маня жила как кошка с собакой. Кошка хотела выцарапать глаза у собаки, а старая собака хотела только одного — не слышать кошкиного духа.

Дело было в том, что Манина дочка Рая гуляла с шейгецом матросом до поздней ночи, и когда она возвращалась, Маня пыталась разбить на ее голове единственную вазу, которая осталась от покойного мужа Хаима — последнего шойхета на Новом базаре. Маня в свои семьдесят лет еще торговала "на стакан" жареными семечками у входа в баню Исаковича, но по скорости уже, конечно, не могла поспеть за юркой Раей. Неимоверные проклятия сыпались на несчастную Раину голову, но ваза после ночных скандалов всегда оставалась целой.

Фира была тихой женщиной. Ей хватало того, что у нее было три сына и муж Гриша, который был контужен в голову на фронте, и это отразилось на его нервной системе. Во дворе Гриша был самым тихим среди соседей. Утром, идя на работу, он неслышно спускался по лестнице, нависшей, как шея жирафа, над дворовым туалетом, а затем, прижимаясь к стене подъезда, прошмыгивал на улицу. Гриша не мог терпеть расхлябанности трех своих сыновей и всегда ставил им в пример меня:

— Посмотрите на Ленечку. Он тихий мальчик — его же никогда не слышно. А вы? — и тело его раскачивалось из стороны в сторону, как маятник. — Что я могу сказать? А зохын вэй...

Моему деду при встрече он каждый раз говорил:

— Сосед, вы знаете что? Я люблю вашего внука больше, чем моих бандитов. Мы с женой на них всю нашу жизнь положили, а они ее нам — поломали. У одного только бокс и девочки в голове, второй помешан на английском, а третий целый день бьет стаканы, чтоб ему уже жизнь разбилась.

Мой дед внимательно выслушивал Гришу и потом говорил:

— Гриша, вы еще счастливый человек, что у вас три сына, а не три дочери, не дай Бог.

Фима тяжело вздыхал, опускал голову и отпускал деда.

— Гриша — хороший человек, но он таки мишигинэ оф эн гонцы коп, — говорил дед моей маме, зайдя в дом.

В каком-то смысле Гришу можно было понять. Хотя только младший сын Борька продолжал ронять на пол и бить стаканы, — Шурка, старший сын, и средний, Яша, тоже мало радовали его.

Шурка был отпетым лентяем и двоечником в школе, но Бог дал ему плечи, как два пушечных ядра с французского фрегата, обстрелявшего Одессу в Крымскую войну, и не по годам короткую бычью шею, и он подался в спортивное общество "Динамо", где им заинтересовались не только тренеры из боксерской секции, но также девочки-гимнастки.

Яшке Бог не дал такие плечи, как старшему брату, но зато он получил от него удивительную память, так что в свои четырнадцать лет он знал тысячи английских слов и мечтал о несбыточном — поступить в университет и уехать в Америку.

Не успел я переступить порог Шуркиной квартиры, как Гриша сел на своего конька:

— Вот молодец, что зашел. Ты же единственный мальчик во дворе, которого я и Фира любим. Тихий и послушный. Не про наших балбесов сказано. Правда Фирочка?

— Гриша, ну хотя бы в праздник можно отдохнуть от твоих штук? — взмолилась Фира.

— Я же ничего не говорю. Но это правда, что кроме бухвэйтык мы от наших деток ничего не имеем.

— Гриша! От тебя уже все беременные стали. Давайте сядем за стол, а то все с голода умирают.

— Всё! Я молчу, как рыба об лед. Давайте кушать...

И все начали молча накладывать в свои тарелки еду, которую приготовила Фира.

— А ну, Шурик, сними этот бутыль с вишневкой с шифоньера! Все-таки сегодня какой-никакой, а праздник, и надо выпить а бысылы.

Сказать чтобы Шурик был счастлив от идеи выпить вишневки в честь Великой Октябрьской революции, — так нет. В один момент он стал очень серьезным, и его лицо побледнело, как после нокаута. Яшке тоже стало не по себе, и он заерзал на своем стуле.

А причиной этому было то, что еще месяц назад, когда Гриша и Фира, как обычно, днем были на работе, Шурка с Яшей начали дегустировать содержимое бутыля. Делали они это много раз, и так как уровень вишневки внутри катастрофически опустился, то во избежание неприятностей они долили вовнутрь воду. Что в итоге получилось — никто не мог предположить, потому что у обоих по химии была слабая тройка.

Когда Шурик по приказу отца снимал пятнадцатилитровый бутыль с шифоньера, то руки его дрожали не только от тяжести. Но он напрягся и поставил бутыль на стол.

— Шура, ты у нас самый сильный в семье. Смотри, какие у тебя мускулы. Давай разливай! — командовал Гриша.

Но Шурка не спешил разливать. Он переглянулся с Яшкой и вдруг застонал:

— Ах, черт! Я вывернул локоть с этим проклятым бутылем. Кто сейчас пьет вишневку?

— Я пью! — Гриша встал со стула. — Я люблю вишневку. И чтоб мне не сойти с этого места, если ты не нальешь мне сейчас!

— Гриша, ты что, не видишь, что мальчик поломал себе руку! — Фира набросилась на мужа.

— А ну тебя к черту! Я не знал, что мой сын такой гирутэнэр. Я сам разолью!

Гриша подошел к бутылю. Лицо налилось кровью, а в глазах были злость и угроза. Это, как говорил мой дед, у Гриши мышигас начал выходить наружу.

Когда Гриша открыл бутыль, Шурка и Яша уже встали со своих мест. Но если у Шурки путь к двери был свободен, то между Яшкой и дверью стоял Гриша.

Чесночный запах от остывающих котлет перемешался с запахом надвигающейся грозы. Был всего лишь ноябрь, но молнии уже сверкали где-то за Пересыпью, и через минуту они готовы были стрельнуть в квартире у Зильберштейнов.

Гриша поднес ко рту рюмку с жидкостью, которая была уже не чем иным, как малинового цвета уксусом. Что-то неладное творилось с ним. Это было видно по Гришиному посиневшему носу и по черным полукружьям под глазами. Он повернул голову в Шуркину сторону, но того уже след простыл. Тогда он схватил Яшку за волосы, подтянул его к себе и с силой вдавил в сиденье стула.

— Пейте вино, бандиты! Пейте густую кровь контуженного командира! Вы мало издевались надо мной, так сейчас я скажу вам большое спасибо! Спасибо за праздник! — орал Гриша.

Глаза его были пусты, как бывают пусты дома, когда из них вынесли всю мебель.

— А ты, английская твоя морда! Ты сидишь тихо! Ты ничего не знаешь? Ну ничего, теперь ты у меня все узнаешь!

Гриша поднял со стола блюдо с картошкой и опустил его на Яшкину голову.

— Что ты делаешь, изверг? Опомнись! За что ты бьешь свою родную

кровь? За ерунду, Гриша! — кричала Фира, и эхо от того крика взлетело вверх, и ангелы унесли его в небеса.

Весь дом слышал ее крик, но только не Гриша. Он затянул на шее узел своего галстука, и потом его грузное тело рухнуло на стол. Яшка лежал рядом в луже крови, которая была цвета спелого граната.

— Ой, мой мальчик умирает! — рвала на себе волосы Фира. — Люди, бегите за доктором Вэйнштейном!

Но за Вэйнштейном не нужно было бежать. Он был уже там с маленьким саквояжем в руках, и первое, что он сказал было:

— Откройте сию минуту окно! У вас же нет ни грамма воздуха чем дышать!

Вэйнштейн был маленького роста, круглый и мягкий, как спелая осенняя дыня, и он имел усы и улыбку, как у знаменитого физика с похожей на его фамилией. Он давно уже был на пенсии, но соседи бежали к нему, если кто-нибудь чихнул, или, не дай Бог, у ребеночка случился понос. Он был из старых еврейских врачей, который учился медицине еще до революции в Швейцарии, и он мог делать все что нужно, чтобы поднять человека.

И в тот раз он сделал все, чтобы Яшка поднял голову и увидел свет в глазах.

Фира улыбалась и плакала, и целовала руки старого доктора. Потом она подошла к окну и стояла недвижно, благодаря Всевышнего.

А за окном было высокое серое небо, и сквозняк уносил в него запахи нетронутых блюд и тошнотворный запах беды. С улицы доносились звуки музыки. Праздник продолжался.

Мельбурн

Даша БОНДАРЕНКО

Наши любимцы

Маркиза

Эта дворовая красавица необычной расцветки носила гордое имя Маркиза. А расцветка у нее и в самом деле была необычной: белоснежное брюшко и грудка, ярко-рыжие бока и черная спинка, с которой стекали на рыжие бока полосы, — тигр в миниатюре!

В доме у нас никогда не было кошек, только собаки. А в описываемый момент наш дом был без животных, и она, как видно, почувствовав это, решила заполнить нишу и стала приходить на нашу веранду как домой. Мы ее подкармливали, но в квартиру не пускали, так как незадолго до этого у папы был сильный кашель, и мы боялись, чтобы он не повторился. Но она настойчиво просилась в дом, как будто чувствуя, что этот дом станет ее домом. Впустили ее один раз, другой — кашля нет. Стали впускать на более продолжительное время — то же самое.

И вдруг, когда мы к ней привыкли и полюбили, — неприятная новость: ее хозяин (а у нее был хозяин, сосед-пьяница) продал квартиру и съезжает. Что делать? И тут мы решили ее похитить, понимая, что ее ждет судьба или быть проданной за бутылку водки, или быть помойной кошкой где-то в другом месте. Держали мы ее в квартире, но кошке-то нужно выходить по своим делам, да и вообще это животное "гуляет само по себе". К нашему удивлению, кошка не откликалась на зов своего хозяина в течение двух недель после его переезда, когда он приходил за ней. Как будто чувствуя что-то, она выходила во двор только тогда, когда там никого не было. А потом он перестал приходить, и Маркиза окончательно водворилась в нашем доме.

Вот так у нас появился свой домашний доктор. Вначале мы не поняли этого, просто не знали, что некоторые кошки лечат. Но когда у папы заболело сердце, Маркиза легла на него и лежала, пока боль не ушла. С тех пор, когда у кого-нибудь что-то заболит, ее не нужно звать, она тут как тут, сама ложится на больное место.

Кроме того, что она обладала целебными качествами, она оказалась отличной мышеловкой. Мы переехали в другую квартиру, в старый дом, где было полно мышей. За пару месяцев мы забыли об их существовании.

Говорят, что если кошка лижет тебе руки, значит, она признала тебя настоящим хозяином. А мы считаем, что в доме настоящая хозяйка Мар-

киза: она первая встречает всех, кто приходит в дом, она царственно глядит на всех своими изумрудными глазами, и если есть необходимость, тут же идет лечить.

Сейчас она всего на 200 лет моложе моего города, но, как и он, она прекрасно выглядит, так же игрива и приветлива к приходящим.

Радость

В нашем доме всегда, сколько я себя помню, были собаки. Породистые и "дворянки", маленькие и еще меньше — все они были членами нашей семьи. Так получилось, что несколько лет мы были без собаки: ведь терять их, любимцев, очень тяжело. И папа сказал: "Все, больше никаких собак!". Так мы и жили, имея двух кошек, пока в наш дом не пришла большая Радость.

Я оканчивала одиннадцатый класс и ходила на подготовительные курсы в педуниверситет. 23 февраля в 9 часов вечера я возвращалась с курсов и у дверей магазина, что на первом этаже нашего дома, увидела сидящего спаниеля. Перед ним лежали куски хлеба, что-то еще, и был у него такой несчастный вид, что я не выдержала и в слезах прибежала домой. А надо сказать, что в тот день был сильный мороз. Моя мама, не говоря ни слова, оделась и выбежала со мной на улицу. Собака зарычала, но мама ласковым голосом позвала ее: "Собачка, хорошая, идем с нами!".

И та пошла. Через наш небольшой двор она шла еле-еле, с трудом поднялась на третий этаж. Мы решили, что собака старая, больная, и ее выбросили на улицу. Дома мы накормили ее, напоили и уложили на подстилку отдыхать. И увидели, что это был прекрасный черный спаниель с белой манишкой, мальчик.

Утром мама побежала на Привоз, купила поводок и повела его к ветеринару. По дороге она была удивлена тем, как он себя вел. Дойдя до мостовой, мама остановилась на красный свет, и он тут же сел, ожидая, когда же зажжется зеленый. Ветеринар осмотрел его и сказал, что он "...мужчина в самом расцвете лет", здоровый чистокровный русский спаниель. Видно было, что собака домашняя. На шее у него был кожаный ошейник с обрывком джутовой веревки. Кто знает, может, его украли, а он оборвал веревку и убежал...

Продавщицы из магазина сказали, что он бегал с утра. Его пускали погреться, кормили, и он снова убегал на улицу. В 19.00 магазин закрывался, и его вежливо попросили на улицу, где я с ним благополучно и встрети-

лась! На наши объявления никто не откликнулся, и он остался у нас. Буквально в первую же неделю он отблагодарил нас — поймал огромную крысу и гордо положил к ногам папы. С тех пор крысы забыли дорогу к нам.

А мы стали подбирать ему кличку. Ни на одну из перебранных кличек он не отозвался, и тогда мы решили назвать его Джой (Joy) — Радость. Действительно, радость вызывает его утреннее толкание мокрым носом: "Вставай, хозяин, пора гулять!", его восторг при нашем возвращении домой, его умильное попрошайничество чего-нибудь вкусненького, его залезание на руки — как маленький ребенок.

Вот так в наш дом пришел Джой, всеобщий любимец!

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК

"Городок" — пятый угол!

Друг не дремлет!

В комнате женщина садится за стол и начинает писать письмо. Периодически она опасливо оглядывается в сторону двери.

ЖЕНЩИНА. Так... Надо успеть написать, пока он не пришел... (*Пишет.*) Дорогой президент! Прежде всего хочу сообщить вам, что я вас очень люблю. Тут надо подчеркнуть: ОЧЕНЬ, ОЧЕНЬ люблю... (*Вздыхает.*) Но у меня есть муж... Вот о нем и пишу. Я понимаю, что сейчас времена совсем не те, но я не могу молчать! Потому как держава в опасности. Надо подчеркнуть: В ОПАСНОСТИ. Мой муж хочет подорвать международный престиж нашего государства и активно мешает подготовке важнейшего мероприятия. В то время как вся наша страна...

Вдруг в комнату врывается разъяренный муж с вещами в руках.

МУЖ. Что это?! Что это, я тебя спрашиваю? Ты еще одну шубу купила? И сапоги? И шапку?

ЖЕНЩИНА. Молчи!

МУЖ. Но ведь это уже пятая шуба! Пятая шуба за месяц! Да еще посреди лета! А сапоги? Седьмая пара сапог! Девятая норковая шапка! Ты с ума сошла!

ЖЕНЩИНА. Молчи, враг народа!

После непродолжительной схватки она выталкивает его и закрывает дверь. Женщина снова садится за стол и берется за ручку.

ЖЕНЩИНА. Так... На чем я остановилась? (*Пишет.*) В то время как вся наша страна... и я... все мы напряженно готовимся к Зимним олимпийским играм... Тут надо подчеркнуть: к ЗИМНИМ... к ЗИМНИМ!

Равнение на идеалы!

В лаборатории НИИ директор института и новый сотрудник.

ДИРЕКТОР. Честно говоря, Сидоров, когда вас перевели к нам из НИИ стандартизации, я не совсем понял, чем вы здесь будете заниматься, какие у нас тут могут быть стандарты...

СОТРУДНИК. Поэтому, Сергей Иванович, я хочу познакомить вас с моей последней разработкой — эталоном длины. (*Открывает холодильник, директор туда заглядывает.*)

ДИРЕКТОР. Что это?!

СОТРУДНИК. Это эталон длины.

ДИРЕКТОР. Вы с ума сошли! Послушайте, Сидоров, я вам уже много раз говорил: у нас тут не НИИ стандартизации! У нас НИИ анатомии и физиологии! Понимаете?! Анатомии!

СОТРУДНИК. Не вижу препятствий. В каждой области должны быть свои стандарты. Эталон толщины будете смотреть?

Чем Гиппократ отличается от гиппопотама?

У врача в кабинете больной.

ВРАЧ. Так говорите, вас укусила собака?

БОЛЬНОЙ. Да, доктор. Огромный страшный пес.

ВРАЧ. Понимаю, понимаю... Одну секундочку...

Доктор выходит за дверь и звонит по мобильному. Мы не слышим голос в трубке.

ВРАЧ. Андрюша, у меня к тебе вопросик. Что значит "опять"? Ты же знаешь, что у меня еще в институте с памятью было плохо. Слушай, тут пришел больной, его укусила собака. А я, как всегда, не помню, что надо делать. Ага... Значит, срочно прививку... Понял... Да понял я — срочно прививку! Конечно, понял — что тут непонятного! (*Нажимает на кнопку, заканчивая разговор, потом секунду стоит в раздумьях и снова набирает.*) Андрюша, а что такое прививка?..

Кабинет. Врач входит в кабинет с сумкой.

ВРАЧ. Так, будем срочно делать прививку! В живот. Ложитесь на койку.

Больной укладывается на койку и оголяет живот. По ходу говорят.

БОЛЬНОЙ. Доктор, а вот прививка, она как действует?

ВРАЧ. Ну, понимаете, в организм вводится то же самое, но в убитом или очень ослабленном виде. И у человека в ответ вырабатываются защитные силы... Собака, говорите, БОЛЬШАЯ покусала?

Врач достает из сумки малюсенькую собачку, кладет ее больному на живот и говорит: "Тимочка, фас! Фас!".

Физики не шутят

Ночь. В лаборатории сидит у компьютера ученый. Входит вахтер.

ВАХТЕР. О! А я смотрю, опять свет горит! Что ты, Кутузкин, сидишь тут день и ночь? Домой уже иди! Жена, небось, заждалась.

УЧЕНЫЙ. Да ну. (*Машет рукой.*) Не тянет. Не понимает она меня... А я вот тут над новым станком-автоматом думаю!

ВАХТЕР. Над автоматом... И на что вы, ученые, жизнь свою гробите, не понимаю. И дома от вас после такой работы, наверное, никакого толку нет.

УЧЕНЫЙ. Эх, Ефимыч! Настанет то время, когда всю работу будут делать автоматы.

ВАХТЕР. Ха-ха! А сами эти автоматы кто делать будет?

УЧЕНЫЙ. Другие автоматы, Ефимыч. Только роботы-автоматы! Наши дети будут жить в роботизированном мире и заниматься исключительно научной работой.

ВАХТЕР. Ха-ха! А детей-то нам кто будет делать? Тоже автоматы?

УЧЕНЫЙ. Нет, детей мы будем делать сами. Приходить после научной работы домой и делать. Да... (*Задумывается на секунду, машет рукой.*) Но тоже так. Чисто автоматически...

Сказано в Городке

* * *

— Говорят, что мы живем в эпоху информационного бума. Никак не пойму, что это значит — информационный бум.

— Это значит, что вокруг нас телевидение, радио, компьютеры, телефоны... И все это прямо по голове — бум, бум, бум!..

* * *

— Как только первая обезьяна взяла в руки палку, она сразу стала человеком. Отсюда и был сделан вывод, что труд облагораживает людей.

— Я извиняюсь, на каком основании? Отсюда можно сделать только один вывод — труд облагораживает обезьян!

* * *

— Женщины совсем обнаглели! Женских дней у нас теперь даже два — старый и новый, а мужской день так и не появился! Это дискриминация по половому признаку!

— Подумаешь, ну обижают нас женщины по нашему половому признаку. Хуже, когда они его вообще не замечают...

* * *

— Не понимаю, почему говорят, что красота спасет мир?

— Что тут непонятного? Вот я, например. Когда у меня с женой напряженка, и мир в семье под угрозой, я сразу иду в гости к соседке-красавице.

— И что, действительно спасает?

— Ну-у... Но напряжение снимает!

* * *

— Земля — это колыбель человечества!

— Причем, судя по ее виду, это колыбель до изобретения памперсов...

* * *

— Как все-таки сейчас увлекаются всякой иностранщиной, везде вставляют иностранные слова, даже в русскую филологию! Коверкают великий русский язык!

— Совершенно с вами согласен! Какой-то фитнесс, прайс-лист, саундтрек. Как будто нельзя просто сказать по-русски — аэробика, прейскурант и фонограмма!

* * *

ОН. Сегодня мы поженились, дорогая. Уже ночь.

ОНА. Ну и что?

ОН. Как что? До свадьбы у нас ничего не было, но ты обещала, что если будет свадьба — будет все!

ОНА. Правильно. Свадьба была? Была. Ну и все!

Феликс КОХРИХТ

Император и брюква

Ойкумена эллинов (так они определяли Мир, заселенный людьми разумными) была ограничена периметром Средиземноморья с "языком" в Понт Эвксинский — наше Причерноморье. Этот небольшой фрагмент Земного шара содержит больше памятников истории, культуры и искусства, чем иные огромные пространства. Достаточно сказать, что именно здесь располагались все семь Чудес света, почитавшиеся древними, и лишь недавно удвоенные нашими современниками.

Жизни не хватит на то, чтобы с толком и детально попутешествовать по Средиземноморью, побывать в местах, где расцветали могучие империи, канувшие в Лету... Но для нас с вами, ограниченных и во времени, и в средствах, существует уникальная возможность побывать там, где явственно ощущается дыхание Истории, где присутствуют весомые и ощутимые следы ушедших цивилизаций.

Хорватскому городу Сплиту, одному из самых знаменитых и посещаемых в мире, его тысячелетней истории и архитектурным памятникам, посвящены тома. Я же поделюсь с вами записями, сделанными в силовой, энергетической точке вечного города, занесенного ЮНЕСКО в список Всемирного культурного наследия. Сравнение с Римом представляется мне вполне правомочным: здесь находится дворец Гая Аврелия Валерия Диоклетиана, одного из самых прославленных императоров Древнего Рима. Он родился в адриатическом городе Солине (по соседству с нынешним Сплитом) и начинал жизненный путь простым солдатом. Став владыкой Империи, Диоклетиан редко бывал в Риме и построил в 3-м веке н. э. свой дворец в родных местах, превратив его в неприступную крепость. Правил долго и оставил после себя многое — и дворцы, и города, и водопровод, "сработанный рабами Рима", вдохновивший Маяковского. Я видел этот акведук, по которому и сегодня, спустя почти две тысячи лет, в Сплит поступает чистейшая горная вода. Ею можно утолить жажду, припав к фонтану на дворцовом дворе, куда мы вошли через Золотые ворота.

Специалисты полагают, что Диоклетианов дворец дошел до наших дней в состоянии куда более сохранном, чем другие античные памятники, скажем, Колизей. Этот огромный архитектурный ансамбль занимает более 30 тысяч квадратных метров и состоит из крепостных стен, анфилады подвалов и двора, где располагались покои императора, дома его челяди, казармы и храмы в честь римских богов. Своды подземного пространства

хранят следы факелов и эхо некогда кипевшей жизни... Здесь можно увидеть и кухонную утварь, и каменные скамейки, и копию золотой монеты, которую чеканили при Диоклетиане...

За порядком следят римские легионеры в плащах с красным подбоем — хорватские студенты, подрабатывающие во время каникул. Они же стоят на страже у императорского дворца и охотно фотографируются с туристами. Все это напоминает театр, где веками разыгрывается мистерия о Времени и Власти, о превратностях Бытия.

Судьба Диоклетиана — прекрасный сюжет. Он — единственный в истории Древнего Рима — в расцвете сил добровольно отказался от престола и занялся огородничеством в своем любимом дворце. Когда над империей сгустились тучи, и Сенат попросил его вновь возглавить Рим, он ответил примерно следующее: если бы вы видели, как на моих грядках уродила брюква, то не стали бы приставать ко мне с такими недостойными предложениями. Вот бы у кого поучиться многим современным властолюбцам!

После кончины Диоклетиана его память была увековечена мавзолеем, который в 9 веке, увы, потревожили христиане, построившие на его месте собор в честь Богоматери, отличающийся великолепной венецианско-хорватской архитектурой и роскошным убранством.

...Мы вышли через Восточные ворота и попали на базар, лепящийся вдоль дворцовой стены, сродни всем, манящим туристов барахлом и поделками народных умельцев в Италии, Франции, Испании, Греции, Турции, Израиле, Египте, Алжире, Марокко — до самого Гибралтарского пролива — Геркулесовых столбов, за которыми, по убеждению древних, заканчивалась Ойкумена...

* * *

Сербия, Черногория, Хорватия (совсем недавно составные части Социалистической Федеративной Республики Югославии, а нынче — государства) — край, где проживают западные славяне. Они некогда пленили своими песнями и легендами Проспера Мериме, и он решился на литературную мистификацию, написав и издав сборник "Песни западных славян". Стилизация вышла столь поэтичной и достоверной, что на нее "купился" Александр Пушкин, блистательно переведя этот "балканский фольклор" на русский язык.

В путешествии по Хорватии я все время вспоминал эту коллизию, особенно за рюмкой божественной сливовицы, которую здесь гонят со времен Диоклетиана.

Прощание сливянки

* * *

И Пушкин восклицает громко:
— Помилуй Бог!
И я бы мог не Мериме читать подделку
и время тратить на безделку!
В Хорватии — и сыт, и пьян —
за небольшие, в общем, деньги
послушать западных славян!

* * *

"*Hvala*" по-хорватски "*спасибо*",
а "*riba*", представь себе, — "*рыба*".

* * *

Как провожают пароходы адриатически народы?
Совсем не так, как иногда мы провожаем поезда.
Стакан вино, глоток ракии...
Вот так у них заведено — напитки очень дорогие.

* * *

Балканские братоубийственные распри...
Десятилетней давности кресты...
У нас под боком — и Бендеры, и Тирасполь...

* * *

Какие были времена!
СФРЮ — единая страна!
Да и в Союзе шито-крыто...
И Брежнев, такой молодой,
Мурлычет: "Тито — маргарита..."

* * *

Просыпаюсь утром рано:
Нет пружины от дворца Дио-клети-ана!
Прячут глазки от меня хитрые хорваты:
"Мы не брали ничего! Мы не виноваты!"

* * *

Хорваты — сроду мореходы!
И даже местные уроды
Здесь не пропили пароходы.
Здесь корабли утюжат воды,
Ни отчуждений не боясь,
Ни политической погоды.
Паром здесь, катер, челн рыбачий
Рентабельны — и в штиль, и в качку.
Здесь каждый вытащит заначку
И на борт прыгнет в раскорячку!
Здесь жив и здрав морской туризм!
Таков хорват патриотизм!

* * *

От Фиделя и до Хэма нам доподлинно известно,
что сигары мнут-катают сексапильные кубинки
на бедре своем прелестном.
Но по мне, так эротичней, что в Хорватии масличной
в каждой красной черепице отпечаталась часть ножки
юной дамы иль девицы!
Их прелестные крестьянки гнут коленкой спозаранку
из податливейшей глины,
подобравши пухлой ручкой подол юбки своей длинной...
И об этом памятуя, по крутой и острой крыше
ты, скользя и оступаясь, поднимаешься все выше!

* * *

Как в наши дни вошел водопровод, сработанный рабами Рима,
об этом Поэт из книжек узнал, а я его видел — грубо и зримо!
К старому Сплиту шагай, Акведук!
Напоен тобой пролетарий!
О том, чтоб к штыку приравняли перо, мы с Маяковским мечтали!
И чтобы ноктюрн на трубах сыграть, и в коммунизм — без милиций!
Ах, сколько их было — амбиций...
Водопровод построил римский раб, но проектировал — патриций.

* * *

Маслина — сверстница Нерона!
А ты — в трусах из синтепона — случайно
в городке хорватском
накачан пляжной смесью адской: ракия, пиво, мальвазия...
А на ветвях ее седых оливки зреют молодые!
И ствол могуч, и выше туч, кора шершава, как сургуч...
Ее сестрица в Гефсимане, как в том — булгаковском — Романе,
где Ешуа заснул в саду, всем сердцем чувствуя беду...

* * *

Поэт в России — больше чем поэт!
Но и гурман рискует стать поэтом!
Вот Пушкин — у Оттона устрицы едав, —
в Тамбове требует пожарскую котлету...
Вдовы Клико поклонник возлияний,
Поэт, домой вернувшись, полюбил,
свернувшись на сафьяновом диване,
о Капитанской дочке помечтать
или взгрустнуть о Донне Анне...
Иль томик Даля перечесть —
там презабавные, представь себе, пословицы!
А если мысли черные к тебе придут,
рюмашку хлопни (лучше — две!) сливовицы!
И мысли черные, как воды, отойдут,
перо опять потянется к бумаге!
Стихи свободно потекут!
Того гляди — и выйдет книжка!
Напиток сей нам прочищает мозг
и, миль пардон, мадам,
отменнейшей способствует отрыжке!
Я в этом, друг мой Губарь, убедился сам,
пируя в ресторанчиках Хорватии!
Как перечел я "Песни западных славян",
так испытал к ним сильную симпатию!

Нас было двое на челне —
Поэт и я — на волнах Адриатики...
Я по-хорватски, в общем, понимал,
но были трудности с грамматикой.
Луна... В селеньях горных — лай собак...
Нам нежно улыбался Вурдалак,
Гвайдук поигрывал кинжалами,
и старая подруга Мериме
сливовицу Поэту подливала...

Фото Татьяны Вербицкой и автора

Generalni pokrovitelj
53. splitskog ljeta

Проза, краеведение, искусство

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ
Возвращение де Рибаса
Одесса, Optimum, 2007

Краеведческое исследование, в какой-то мере краеведческий детектив, помогающий нам оценить значение личности журналиста и библиотекаря, знатока старой Одессы, внука брата основателя Одессы Иосифа де Рибаса.

На пути архивных, книжных, человеческих поисков Р. Александров встретил людей, о которых тоже обязан был рассказать, приоткрыть тайны их жизни. И нельзя не согласиться с автором вдумчивой глубокой книги — время берет не свое, а отнимает наше, законно доставшееся от предков. Поспорить с этим неумолимым временем — задача настоящего историка и краеведа.

Александр АЙЗЕНБЕРГ
Imperium
Санкт-Петербург, "Алетейя", 2007

В коллекции поэзии и прозы "Русское зарубежье" вышел в России (вот потому — "зарубежье"!) сборник рассказов нашего постоянного автора адвоката Александра Айзенберга. Он родился в 1957 году в Одессе, юридическое образование получил в Москве, сейчас вновь практикует в нашем городе.

Круг его интересов — история, точнее, психология исторических процессов. Автор трех книг, он уже выработал свой стиль, приближающийся к стилю писателей русского Серебряного века.

И хоть герои его нередко отделены от нас столетиями, а порой и тысячелетиями, они так же, как и мы, живут человеческими страстями, борются за справедливость, за свою любовь.

При чем же здесь Одесса? — спросит меня строгий читатель. Вроде бы и не при чем. Но я прочту ему всего одну строчку из исторической книги:

"День был жаркий. В Помпее шла избирательная кампания..."

У вас есть возможность думать, что это о древних римлянах, а у меня — что это об одесситах.

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ
Божий человек
Одесса, 2007

Ольга Ильницкая — прозаик, поэт, журналист, начавшая писать в Одессе, успешно продолжающая писать и издавать книги в Москве. Она как бы живой мост, связывающий творческих людей двух этих одинаково важных для нее городов.

Сборник рассказов "Божий человек" (Книга про все хорошее) посвящен автором сыну Алеше, хорошему человеку, живущему в Одессе. Объясняя возникновение книги, О. Ильницкая в предисловии пишет:

"Эта книга написана по просьбе младшего сына.

— Ты больно пишешь, мама, — выговаривал Алеша. — Напиши про хорошее.

— Ты думаешь, всем от этого станет легче?

— Почему всем? Пусть тебе станет легче. И будет праздник, и любовь.

— Но любовь — это так больно...

— Это когда неправильная любовь. А если писать и писать про все хорошее, то люди узнают, и хорошего станет больше. Разве непонятно?"

Думаю, с появлением таких книг хорошего действительно становится больше. И это помогает людям жить в трудные, не самые хорошие времена.

Виктор ГЛИКМАН
Дворянство морей
Одесса, "Зодиак", 2007

Первая книга Виктора Гликмана стала событием в литературной жизни Одессы. В подзаголовке автор так характеризует свою книгу: "Не очень серьезные наблюдения яхтенного капитана о событиях и друзьях".

Вроде бы все правильно. Но иронический тон, образная речь, отличное владение словом помо-

гают тому, чтобы эта художественная книга стала на полку лучших книг одесской, южнорусской школы.

Когда-то капитан Н. Лухманов писал: "Парусный флот — дворянство морей, высшая знать океанов". Этот девиз стал путеводной звездой и для Виктора Гликмана.

Очень бы хотелось, чтобы вторая книга автора была еще одним шагом вперед, живо и ярко рассказывала о событиях на суше и на море.

Владимир КРИШТОПЕНКО
Альбом
Одесса, "Друк", 2007

Есть люди, которые пишут дневники, записывают заинтересовавшие разговоры. Художник и искусствовед Владимир Криштопенко делал в блокнотиках зарисовки, рисунки, абстрактные композиции, но это и был его ответ на вопросы дня, его художнический дневник.

Вдова художника керамист Людмила Ивановна Фурдыгайло после смерти мужа показала эти альбомы его друзьям. И вот благодаря тому, что художник Сергей Ильин взялся за поиск денег, что десяток друзей Криштопенко откликнулись, удалось, по сути, как бы репринтно издать эту книгу.

Сергей ЛУЩИК
Летопись библиофильского содружества
Одесса, Студия "Негоциант", 2007

К 40-летию научной секции Дома ученых бессменный член секции, один из активнейших библиофилов Одессы Сергей Зиновьевич Лущик создал действительно летопись, куда вошли и сведения о членах секции, и основные темы докладов, и атмосфера, сопутствовавшая работе секции. А время ведь было очень непростое — и в застойные времена удавалось показывать и рассказывать о книгах Н. Гумилева и А. Ахматовой, А. Платонова и И. Бабеля. Удавалось и приглашать оставшихся в живых членов их семей, а по сути, нести яркую просветительскую деятельность. Думается, и спустя годы эта книга С. Лущика

послужит пособием тем, кто заинтересуется, была ли интеллигенция в Одессе в 60-70-е годы XX века.

"Виктор Рейхет". Альбом
Статья М. Германа
Санкт-Петербург, 2006

Сразу подчеркну, что даже в репродукциях, а они отпечатаны в типографии "Bell", ощущаешь отменную живопись, свободу, свойственную большим мастерам.

Виктор Иосифович Рейхет родился в селе Калинове Одесской области в семье учителей. После средней школы поступил на физмат Одесского университета. Работал учителем математики. Но тут в жизненные планы вмешалась война. После авиатехнического училища с 1942 по 1945 год сын немца-дворянина воюет с фашистами. А когда пришла Победа, он уже возвращается к математике и поступает в Одесское художественное училище. И еще один шаг — в Питер, в институт им. Репина.

Вот откуда у Рейхета и наследие южнорусской школы, и мощь Коровина, Серова — петербургской школы. Почти 30 лет назад в Одессе была показана его персональная выставка. Хотелось бы, чтоб работы выпускников одесского училища, продолжателей одесской школы, где бы они ни работали, чаще появлялись в Художественном музее Одессы.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

"У Черного моря явившийся мне..."

Кто из нас, одесситов, услышав этот зачин, не подхватит: "...в цветущих акациях город...". Спроси: "Кто это написал?" — тут же ответят: "Леонид Утесов!". Но он лишь спел, а сочинил эту песню, ставшую гимном Одессы, поэт Семен Кирсанов, которому в 2006 году исполнилось бы 100 лет. К юбилею планировался сборник его самых ранних стихов, — написанных мальчиком Сёмой Кортчиком, избравшим впоследствии для себя дворянский, тургеневский псевдоним, под которым и вошел в историю советской литературы.

Его детские сочинения, юношеские штудии, находились в чемодане, который вдова поэта передала нашему Литературному музею. Следует воздать благодарность Евгению Голубовскому и Алене Яворской как за саму идею издания сборника "Кирсанов до Кирсанова", так и за труд по расшифровке и систематизации стихов, разбросанных по тетрадкам и блокнотам, пролежавшим в забвении десятки лет.

Недавно — с "опозданием" в один год — эта книжица (под эгидой Всемирного клуба одесситов и Одесского литературного музея) увидела свет в издательстве "Зодиак". В оформлении использованы графика художницы Светланы Юсим и рисунки поэта на полях своих рукописей. При тираже всего в 100 экземпляров новинка сразу же стала библиографической редкостью — подобно первым сборникам поэзии молодого одессита, вышедшим в 20-е годы прошлого века.

Семен был самым младшим среди знаменитых земляков, корифеев Юго-Запада, и поначалу они не принимали его всерьез. Путевку в жизнь дал ему Владимир Маяковский, а спустя годы — и сам Кирсанов рекомендовал в Союз писателей совсем юного Евгения Евтушенко.

Тот, кто почитает в Кирсанове "знаменосца советского формализма" (формулировка замечательного литературоведа М. Гаспарова), будет тро-

нут искренностью чувств и возвышенностью идеалов одесского мальчика, которого в 10-12 лет волновали и судьба гонимого богоизбранного народа, и старославянские мотивы в поэзии и истории...

Последняя юношеская тетрадка из чемодана датирована 1922 годом, а спустя два года поэт уехал в Москву, где началась совсем другая — взрослая жизнь со всеми взлетами и падениями, озарениями и ошибками, присущими поколению, которому суждено было сочинять стихи в век, названный лучшим из них "волкодавом"...

Как отмечает в предисловии к рецензируемому сборнику Евгений Голубовский, в объемистый том сочинений Кирсанова, вышедший в Москве к его 100-летию в Большой библиотеке поэта, составители не включили стихотворение о Самом синем в мире — нашем Черном море. "Но для нас, одесситов, — пишет он, — без этого стихотворения-песни трудно представить себе Кирсанова". И мы с этим согласны.

Феликс КОХРИХТ

Содержание

От редакции 3

ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

Сергей РЕШЕТОВ, Лариса ИЖИК
Городской голова Одессы Г.Г. Маразли (1831-1907) и его родственное окружение 6

Олег ГУБАРЬ
История Одессы: пленительная и поучительная 32

Валентина ОНОПРИЕНКО
Шабо 37

Олег ГУБАРЬ
Оценка и налог с недвижимости: ретроспектива 49

Валентина ОНОПРИЕНКО
Личные архивы 55

Михаил ГАУЗНЕР
Дорогие мои старики 61

Инна РИКУН
Ищите и обрящете, или Поиск сведений об одесских ученых в Интернете 70

Фаина РАЙХЕЛЬГАУЗ
О том, что помню 78

Юрий ЖИЛЕНКО
Записки военного врача 104

ПРОЗА

Владимир НАУМЕЦ
Шляпа с полями 111

Елена НЕКРАСОВА
Жизнь полна компромиссов 148

Владимир ПОРУДОМИНСКИЙ
Сценарий для Феллини 155

Юрий КУДЛАЧ
Окраина 168

ПОЭЗИЯ

Виталий АМУРСКИЙ
Ода газетным листам 178

Алена ЩЕРБАКОВА
После Гомера 182

Николай ЩЕРБАНЬ
"Листает время дни недели..." 188

Валерия РЕПИНА
"Не ищи значенья слова..." 190

ЖИЗНЬ – ИСКУССТВО – ЖИЗНЬ

Владимир АЛЕКСАНДРОВ
Мой Утесов 193

Елена КОЛТУНОВА
Он был счастливый человек 205

Владимир МИНЕНКО
Начальные записи к повести о Кире 211

Ольга САВИЦКАЯ
Преодоление 215

Наталия ПОЛИЩУК, Лариса КОЛЕСНИЧЕНКО
Айвазовский и Одесса 219

Валентин МАКСИМЕНКО
Золотой голос, золотое сердце, или Фрагменты одной биографии 229

Елена ГОЛЕНИЩЕВА
Последние строчки 243

Роман БРОДАВКО
Лишь древо жизни вечно зеленеет 254

ПУБЛИКАЦИИ

Леонид ГРОССМАН
Плеяда 260
Публикация Евгения ГОЛУБОВСКОГО

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА
"Безганично-неясный дурман" 272

АХ, ОДЕССА

Владимир КАТКЕВИЧ
Пассионария с Молдаванки 283

Наум БЕЛОГ
Праздник 290

Даша БОНДАРЕНКО
Наши любимцы 296

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол! 299

ПУТЕШЕСТВИЕ

Феликс КОХРИХТ
Император и брюква 304

ИЗДАНО В ОДЕССЕ

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Проза, краеведение, искусство 311

Феликс КОХРИХТ
"У Черного моря явившийся мне..." 315

Литературно-художественное издание

ДЕРИБАСОВСКАЯ — РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Одесский альманах

Книга 31

DERIBASOVSKAYA — RISHELIEVSKAYA

Odessa almanac

Book 31

Издается с 2000 года

Технический редактор Андрей Вишненко
Корректор Татьяна Коциевская

Оригинал-макет, верстка
ТИА "Вікна-Одеса"
Тел. 77-33-705

Подписано в печать 24.12.2007.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60x84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Зак. № 2. Тираж 500 экз.

www.odessitclub.org

Отпечатано в типографии издательства "Печатный дом"